Валерий Курбатов

ОНИ ВОЕВАЛИ НА ПРИБАЛТИЙСКОМ

Валерий Курбатов

ОНИ ВОЕВАЛИ НА ПРИБАЛТИЙСКОМ

Повести, очерки

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1985

ББК 84Р7
К93

Рецензенты — *Дроздов И. В., Исаев С. И.*

Курбатов В. Н.

К93 Они воевали на Прибалтийском: Повести, очерки.— М.: ДОСААФ, 1985.— 232 с.

80 к.

Повести и очерки, включенные в книгу, объединены общей темой — в них рассказывается о героизме советских воинов в борьбе против гитлеровских захватчиков на территории Прибалтики.

О том, как сражались гвардейцы роты старшего лейтенанта Трубникова в Латвии, читатель узнает из повести «...И дошел до Берлина».

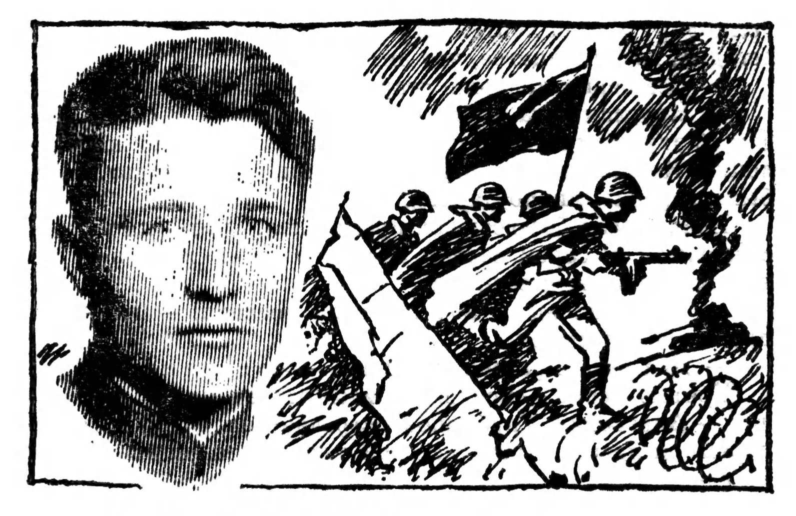
Главный герой повести «Фельдшер второго батальона» — медик переднего края младший лейтенант Ивашов, боевой путь которого также пролег по дорогам Прибалтики.

В цикле очерков «Молодечненские встречи» и повести «Разведка, вперед!» рассказывается о боевых действиях воинов механизированного корпуса, участвовавшего в освобождении Советской Прибалтики от фашистов.

Для массового читателя.

К $\frac{4702010200-091}{072(02)-85}$ 70—85

ББК 84Р7
Р2

...И ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА

В ЛЕСАХ ПОД НЕВЕЛЕМ

1

Леса и леса. Замшелые старые ельники, болота в опояске камышей и тальников, пасмурно, временами сеется холодный дождичек. Тяжело пехоте шагать по разбитой дороге — сверху вода, под ногами грязюка, размолотые колесами и гусеницами гати, колеи, колдобины залиты черной жижей. Пробираются бойцы, отыскивая места посуше, по обочинам, ругаются потихоньку, но надо терпеть.

Днем бы еще ничего, не такое повидал боец за войну, а вот ночью... Ночью совсем худо: и устал ты, и сон подкрадывается незаметно. Шагаешь как-то машинально, глаза начинают смыкаться — хлоп! — и упираешься в спину идущего впереди.

— Не спи на ходу,— ворчит тот,— куда тебя заносит, в канаву угодишь...

И верно, спать нельзя. Изнурителен ночной марш, но терпи, жди привала.

— Не растягиваться! — передал по колонне командир роты Трубников и, повернувшись к шагавшему рядом

командиру взвода лейтенанту Аргунову, спросил: — Какое сегодня, восемнадцатое, что ли?

— Все верно, товарищ старший лейтенант. А что?

— Круглая дата,— усмехнулся ротный.— В сорок первом об эту пору воевать начали. На волоколамском направлении. Курсанты, чего мы тогда понимали... Но зато какие были дерзкие, лихие парни...

Ночь стояла беззвездная, промозглая. Зимы еще не чувствовалось. В сорок первом она рано навалилась, а ныне, похоже, затянется зазимок.

— Вон как, вы и под Москвой воевали! — помолчав, проговорил Аргунов.

— Два раза в разведку сходил — вот и вся моя война...

Третью осень — исключая месяцы лечения в госпиталях — Александр Трубников встречает на фронте. Но те первые вылазки, первые встречи с врагом запомнились ему на всю жизнь.

...Курсантская рота, заняв исходный рубеж, залегла. Впереди поле, за ним какая-то деревня, в стороне низкое строение, видимо скотный двор. Командир роты послал трех курсантов — Логинова, Иванова и Трубникова — разведать подходы к деревне. Курсантам удалось скрытно подобраться к скотному двору. Осмотрелись — пусто. И тут неожиданно в воротах возникли две темные фигуры, о чем-то стали переговариваться.

Иванов не выдержал, окликнул. В ответ ударили два шмайсера, трассирующие пули роем пронеслись в темноте.

Иванов упал. Ребята залегли, кинули в гитлеровцев по гранате и вырвались наружу.

Во второй раз группу разведчиков повел командир взвода лейтенант Дьячков. Под прикрытием темноты разведчики углубились в расположение гитлеровцев. На опушке леса, где проходили дорога и линия связи, устроили засаду. Перерезав провод, стали ждать. Вскоре появился связист. Обнаружив обрыв, он принялся устранять повреждение, и тут на него навалились разведчики. Скрутили и повели лесом к себе. Они были уже недалеко от позиции, когда гитлеровцы засекли группу и накрыли ее минометным огнем. Трубников, прикрывая отход группы, бежал позади. Он не слышал пофыркивания летящей мины и не успел плюхнуться на землю. Рядом рвануло, в бедро впился осколок, и он свалился в снег.

Курсанты помогли Александру добраться до позиции роты.

— Под самый праздник, в ночь на седьмое ноября, ранило,— добавил он.— Так досадно было: везут меня на санях в медсанбат, а навстречу лыжники в маскхалатах, пехота движется, танки, все на фронт, а я в тыл...

С того дня, когда 52-я гвардейская стрелковая дивизия выгрузилась на маленькой станции Соблаго, двигались и в светлое время и ночью. Ближе к прифронтовой полосе приказано было совершать марши только в темное время.

Проходили безлюдными, разрушенными деревнями, ни огонька, не взбрехнет собака — мертво кругом; пересекали поля, снова втягивались в лес. Близость фронта становилась все ощутимее: в лесах все чаще встречались какие-то тыловые части, целые палаточные городки медсанбатов, из гущи леса доносился утробный голос моторов; где-то далеко и все время слева небо изредка подсвечивалось мутным светом взлетавших ракет.

Но дорога к фронту не бесконечна: она непременно упрется в передовую. Наконец дивизия достигла заданного района, полки заняли отведенные заранее участки, на которых им предстояло действовать.

Рассвет застал батальон капитана Шалыгина в глубине обширного урочища, километрах в семи от переднего края. Сквозь ветви старых елей и сосен серело небо. Было зябко, как бывает в предутренние часы. И густо пахло хвоей.

Капитан, ехавший верхом на коне, обогнал растянувшуюся колонну, и тут же последовала команда: «Привал! Офицерам в голову колонны!»

Бойцы одобрительно загудели, оживились, стали сходить в сторону, выбирая места посуше под деревьями.

Командир первой роты старший лейтенант Трубников и его взводные — лейтенанты Аргунов, Шингалов и Недомерков,— расправив шинели под ремнями, шагнули навстречу комбату, доложили ему по очереди.

— Как дела, гвардейцы, как люди себя чувствуют?

— Отставших нет, больных тоже,— доложил за всех командир роты.

— Ну у тебя, Трубников, всегда порядок,— с довольной усмешкой сказал Шалыгин.— За это, может, я тебя и люблю. Но не зазнавайся смотри.

— Все ясно, товарищ капитан,— улыбнулся в ответ Трубников.

Подошли остальные офицеры. Комбат слез с коня, командиры окружили его. Вглядываясь в лица офицеров, Шалыгин спросил:

— Все в сборе? — И, выдержав паузу, продолжил: — Итак, здесь мы останавливаемся на отдых. Вправо в трехстах метрах есть пустые землянки, там и разместите людей. Привести себя и оружие в порядок. Всем ясно? Тогда по местам...

Офицеры козырнули и направились к своим подразделениям.

— Вста-а-ать! Стройся! — поторапливали своих бойцов командиры.

Сержанты, конечно, первыми узнав, что идти недалеко, что предстоит отдых, можно будет обсушиться, обогреться, подбадривали:

— Не журись, славяне... Повар уж заждался... Гляди веселей.

— Где она, кухня? — недовольно возразил кто-то из бойцов.— Эти интенданты всякий раз опаздывают.

Но в конце узкой просеки и впрямь виднелась кухня, и дымок курился из трубы, усатый повар в белом переднике и нарукавниках стоял на подножке с черпаком в руке. Тут же, у повозки с хлебом, прохаживался ротный старшина Бурков, свежевыбритый, в новенькой телогрейке, подпоясанной офицерским ремнем.

Пехота повеселела. Бойцы стали развязывать вещмешки, забрякали котелки. У кухни выстроилась очередь.

Тем временем Трубников обошел отведенные его роте землянки: ничего, терпимо, главное, сухо, сколько ни придется тут пожить, а все хорошо. Там, на передовой, он знал, и таких удобств может не оказаться.

Офицеры собрались в небольшой землянке. Ординарцы принесли в котелках суп и кашу. Все бодро жуют, переговариваются. Парторг старший сержант Щукин по-своему недоволен: газет свежих не привезли, без них политинформацию не проведешь.

Трубников напоминает парторгу: час еще ранний, только к обеду, небось, почта прибудет. Тогда и политинформацию проведу.

Когда командиры разошлись по своим подразделениям, ординарец застелил свежий лапник плащ-палаткой, сказал:

— Отдохните, товарищ старший лейтенант, пока тихо. А я котелки вымою, да сапоги снимите, просушить надо.

— Верно, Миша,— отозвался ротный, сонно глядя на сапоги.— Мазью бы их смазать...

— Все сделаю в лучшем виде. Вот портянки сухие наверните, ноги-то и отдохнут.

Трубников стянул сапоги, навернул на ноги новые фланелевые портянки и, умащиваясь на жестком ложе, сказал:

— Через час разбуди.

— Я не отлучусь, в случае чего — враз подниму...

Трубников натянул на голову шинель и, уже совсем засыпая, постарался прокрутить в голове, все ли отдал распоряжения, не упустил ли чего-то такого, что на войне если и не обернется бедой, то помешает выполнить срочный приказ...

Тихо стало в лагере. У землянок прохаживаются часовые, возле батальонной кухни хлопочут выделенные в помощь повару солдаты: колют дрова, чистят картошку.

Бодрствовал и старшина Бурков, забот у которого тоже хватало: вовремя выдать белые лоскутки для подворотничков, проверить, не порвано ли у кого обмундирование, заменить обувь. Шанцевый инструмент содержать в исправности — тоже его, Буркова, обязанность.

А тут такая неприятность: на марше еще заметил, что колесо одной повозки «восьмерку» крутит. Не дело это, может подвести в самую что ни на есть трудную минуту. Понадеялся на ездового, думал, сам устранит неисправность, а тот забыл, в ус не дует.

Крепко осерчал Бурков — на себя больше,— но и красноармейцу Захарчуку пришлось всыпать.

Удостоверившись в нерадивости солдата, старшина подошел к ездовым, которые сидели на тюках сена под елью и мирно о чем-то разговаривали. Расставив ноги и заложив за спину руки, он свирепо посмотрел на обоих, раздельно, по-вологодски окая, произнес:

— Красноармеец Захарчук!

— Слухаю, товарищ старшина Бурков,— вставая и прикладывая к приплюснутой ушанке растопыренную пятерню, ответил ездовой.

— Не по уставу отвечаете, красноармеец Захарчук.— Старшина сделал шаг вперед.— Почему повозка в неисправности?

— Забыл трохи, товарищ старшина,— разводя руками и переминаясь, сказал Захарчук.

— Трохи? — Старшина перевел взгляд на второго ездового, Святоху.— Почему он ничего не забывает?.. Мы с ним от самой Курской вместе... Святоха — примерный ездовой, медалью «За боевые заслуги» награжден. А как вы, Захарчук, думаете дальше воевать?

Ездовый молчал, опустив глаза. Буркову стало жаль этого пожилого дядьку, и он, помягчев голосом, сказал:

— Надо воевать, как Святоха воюет, на него равняться. Расскажите, товарищ Святоха, как вы службу несете?

Круглолицый, с аккуратными пшеничными усиками Святоха влюбленно посмотрел на Буркова:

— Я свою службу справляю просто, товарищ старшина! — бойко ответил он.

— Хорошо! Ну, а поточнее?

— Можно поточнее,— шевельнул усиками Святоха.— Главное, чтобы конь был в порядке. Сейчас мене дали другую лошадку, буланую, плечи у нее были сбиты, по бюллетеню, значит, гуляла. Зажили у нее потертости, а все равно слежу: под хомут тряпочку привязываю — так ведь лошадке легче, мазью смазываю. Теперь можно в бой идти.

— Интересно рассказываете, Святоха,— улыбнулся довольный старшина.— Что еще важно в вашей службе?

Святоха задумался, светлые его брови сошлись:

— Что важно? Все, товарищ старшина, и за повозкой слежу... Опять же, когда обстрел — коня надо сберечь. И помочь ему надо, где повозка не пройдет. Везу боеприпасы — в ящиках-то по двадцать шесть кило,— а впереди лежит дерево или траншея мешает. Тогда я те ящики на себе перетащу, после и повозку проведу...

— Достаточно,— сказал Бурков.— Что вы на это скажете, Захарчук?

— Да нема чего говорить, товарищ старшина.

— То-то и оно...

И тут вперед выступил Святоха:

— Товарищ старшина, не ругайте Захарчука... А повозку мы разом починим... Так, Степан?

Старшина козырнул обоим ездовым, мол, действуйте, и удовлетворенно ответил:

— Давно бы так, гвардейцы. Но помните — проверю...

Весь день, как и обещал комбат, роты отдыхали, бойцы приводили в порядок обмундирование, просушивали обувь. А вечером закрутилось: забегали связные, оповещая офицеров — в 17.00 прибыть всем к командиру батальона.

Трубников по опыту знал: раз поступило такое приказание, не исключено, что в эту ночь полк снимут и направят на передовую. Однако было и сомнение: почему вот так вдруг, без предварительной подготовки?

Все прояснилось, когда капитан Шалыгин объявил:

— Через пятнадцать минут выходим на передовую. Задача: командирам стрелковых рот и других подразделений принять у сменяющегося полка участок обороны, в деталях на месте выяснить его особенности, направления главных ударов противника...

Короткий ноябрьский вечер сразу перешел в ночь. Заметно посвежело, в воздухе пахло снегом. Трубников поднял голову. Несколько мелких снежинок упали на разгоряченное лицо. «Вот и зима на носу,— подумал он.— А где в прошлую воевали? Под Сталинградом — точно. Потом в донских степях. Теперь в леса забрались. Но хрен редьки не слаще — война везде война...»

Шагая следом за комбатом и стараясь не потерять из виду его маячившую впереди спину, он гнал прочь совсем ненужные сейчас картины прошлого, старался настроиться на дела предстоящие. «Обстановочка здесь еще та,— размышлял он.— Гитлеровцы тут держатся крепко. Нет, пожалуй, в этих псковских лесах будет потяжелее, да и болота кругом...»

Наконец меж деревьев обозначился просвет. Группа офицеров подошла к блиндажам, у которых стояли люди.

Остановились. Вперед вышел комбат, представился:

— Командир первого стрелкового батальона сто пятьдесят пятого гвардейского полка капитан Шалыгин!

— Здравия желаю, товарищ капитан! — сказал один из ожидавших, который, видимо, был старшим по званию.— Прошу с командирами рот в блиндаж...

Трубников вернулся к своим взводным вместе с командиром роты, которую предстояло сменить. Этот старший лейтенант в длинной шинели, перетянутой ремнями, был костист и на две головы выше Трубникова. Он по очереди сунул руку командирам взводов, сказал тихим, сиповатым радостным голосом:

— Здорово, ребятки! Заждались мы смены, просто невмоготу. Ну, давай, потопали за мной, тут недалеко.

Вначале шли ложбинкой через редколесье, с тревогой прислушиваясь к перестуку пулеметов справа и слева. У хода сообщения длинный командир роты остановился, прошептал:

— Удачное время выбрали... У немцев ведь все по графику: сейчас тихо, через полчаса начнут мины кидать. Учти, старшой. Ну да я на месте все обскажу... Пошли.

«Чего он стращает? — сердясь, подумал Трубников, следуя за долговязым ротным.— Что мы, новички? А может, он и прав... Он лучше обстановку знает...»

В низком блиндаже ротного можно было стоять лишь согнувшись. Зато было тепло, на перевернутом ящике, служившем столом, горела трофейная стеариновая плошка, в нише лежали гранаты, висели на стенке два автомата: знакомая Трубникову и его товарищам обстановка, фронтовое житье-бытье.

— Иванов, как там чай? — спросил ротный у ординарца.

— Чай горячий,— ответил тот.

— Может, сразу к делу приступим, недосуг чаевничать,— вмешался Трубников.

— Как хотите,— быстро согласился ротный.— Давай о делах поговорим. Иванов, запали вторую свечку, не видать же ни черта,— добавил он, разворачивая карту.

...Командир роты выложил все, что ему было известно о здешней обстановке и что надо было на первых порах знать Трубникову. Затем все отправились в траншею, ознакомились с расположением блиндажей, занимаемых стрелками взводов.

Когда возвращались к себе, Трубников сказал:

— Траншею-то придется углублять; хозяева, видать, были неохочи потрудиться.

— Что есть, то есть,— за всех ответил лейтенант Аргунов. Подумав, добавил: — А может, грунтовые воды не позволяют копать? Как тогда быть?

— Верно, Тихон, мыслишь,— согласился Трубников.— Эх, об этом-то и не спросили у ротного. Ну что-нибудь сами придумаем... может, и не засидимся тут...

2

На следующие сутки ближе к полуночи была произведена смена частей.

Старший лейтенант Трубников составил график дежурств в траншее, вместе с командиром пулеметной роты Иванцовым наметил запасные позиции станковых пулеметов, договорился с соседом об огневой поддержке. Началась окопная жизнь.

Утром, еще затемно, в ложбинку приехала полевая кухня. Бойцы повзводно потянулись к ней. Получив завтрак, они быстро управились с едой и вернулись в свои блиндажи. Тогда-то и поступил доклад наблюдателей, что на вражеской стороне возникло какое-то оживление.

Команда «В ружье!» всполошила солдат. Похватав оружие, они выметнули наружу, быстро занимая стрелковые ячейки.

Трубников тоже выскочил из блиндажа и с удовлетворением отметил, что никого не надо поторапливать, все действуют четко, все на местах.

Доложив комбату о замеченном передвижении противника, он услышал ответ Шалыгина:

— Знаю! Усильте наблюдение. Будьте готовы к отражению атаки.

Сколько раз за войну видел Трубников подобные картины, менялась лишь местность, но суть оставалась прежней: вот враг, он стремится сбить тебя с занимаемой позиции, смять, уничтожить. Но ты должен стоять, стоять во что бы то ни стало.

Перед ним лежало открытое пространство — узкий клин, за ним кустарник, дальше взгорок — там траншеи гитлеровцев. А за ними в отдалении — лес. Вот оттуда-то и выскочили танки с пехотой. И тогда по нашему переднему краю ударили артиллерия и минометы противника.

Бойцы сразу же покинули траншею, ушли в укрытия. Ответный огонь открыла наша артиллерия. Грохот разрывов, выстрелы орудий, резкие, со звоном, хлопки минометов — все слилось в одну сплошную грозную какофонию боя.

Слух Трубникова уловил такие знакомые — не спута-

ешь с другими — хлесткие выстрелы дивизионок. По тому, как зачастил огонь орудий, он понял — противник близко. Натянул каску, но тут зазуммерил телефон. Связист передал трубку ротному.

— Трубников,— раздался голос Шалыгина.— По сигналу красной ракеты — в атаку!

— Вас понял, товарищ капитан.

Трубников выскочил наружу. Первое, что он увидел,— расчет сорокапятки, толкавший орудие вперед. Окинув взглядом поле боя, заметил чадивший вражеский танк, другие, маневрируя, приближались к первой траншее. Тут-то и ударили наши станкачи, отсекая гитлеровцев от танков. Десятки мин накрыли вражескую пехоту. Один за другим последовали выстрелы сорокапяток, и еще одна машина остановилась. Другие три начали пятиться, ведя ответный огонь. Гитлеровцы заметались, попадали, стали расползаться по воронкам. Тогда и взлетела над передним краем серия красных ракет.

— В атаку! — передалась по траншее команда.— Вперед! За Родину!

Бойцы роты, вымахивая из траншеи — благо неглубокая,— с криком «Ура!» устремились вперед.

Гитлеровцы отступили, оставив убитых и раненых.

В траншее противника тут и там лежали трупы фашистов, валялось оружие, ранцы, гофрированные продолговатые противогазные коробки, гранаты с деревянными ручками. Все это выхватывал глаз ротного, когда они с ординарцем пробирались к блиндажу.

А блиндаж оказался добротным, обшитым по стенам тесом, с двухэтажными нарами.

— С удобствами жили, черти,— сказал ординарец, оглядывая нары, переворошенную солому, раскиданные одеяла.

— Ладно глазеть, наведи порядок,— сказал Трубников и вышел наружу.

Навстречу ему уже спешили связисты со своими катушками.

Бойцы рассредоточились в траншее, расчеты станкачей и противотанковых ружей заняли наиболее выгодные позиции.

— Глядеть в оба,— предупредил старший лейтенант, обходя свою роту,— не спускать глаз с противника.

И верно. После небольшой заминки гитлеровцы снова открыли артиллерийский огонь, а затем пошли в контр-

атаку с промежуточного рубежа. Так за день повторялось трижды. Последняя контратака была особенно жестокой, но гвардейцы и ее отразили с успехом. Сами вперед не продвинулись ни на шаг.

Напоследок гитлеровцы, словно мстя за утраченный рубеж, накрыли позицию батальона огнем из шестиствольных минометов.

Там, где стояла эта батарея, вдруг завыло, заскрежетало так, что мороз пошел по коже.

— Скрипач! Скрипач! — пронеслось по траншее. Бойцы залегли.

С адским грохотом стали рваться тяжелые снаряды, земля заходила ходуном, а затем все стихло.

— Кажись, отбой,— словно для самого себя сказал Трубников, выбираясь из щели, куда он сунулся во время огневого налета.

Через связного он передал, чтобы командиры взводов пересчитали бойцов, доложили о потерях.

3

Командир полка подполковник Романов вызвал на КП капитана Шалыгина, сказал:

— Плохо воюем, топчемся на месте. Увяла инициатива.— Подполковник посмотрел на капитана.— Не согласен?

— Согласен, товарищ подполковник. Какие будут указания?

— Пока никаких. Потому и пригласил вас, чтобы обсудить одну задумку...

А она заключалась в том, чтобы ночью небольшим подразделением скрытно подобраться к противнику, атаковать его огневые точки, нарушить систему огня, ввести в замешательство.

Эти действия, как он предполагал, помогут соседнему полку с рассветом успешнее атаковать позиции гитлеровцев.

— Подразделение должно быть усилено ручными пулеметами, к тому же вам придается группа разведчиков,— сказал в заключение Романов.

Возвращаясь к себе, Шалыгин думал: «Задача понятна. Кого послать? Надо с Трубниковым все обговорить, он смекалистый ротный...»

Как-то так сложились отношения между командиром первой роты и его взводными, что все из тех, кто с ним воевал, были как бы одна семья. Чем привлекал к себе людей этот черноволосый, среднего роста старший лейтенант, никто, пожалуй, с ходу и не объяснил бы. Александр был прост в отношениях с людьми, когда это не касалось службы, откровенен, любил и повеселиться, заражая товарищей своим оптимизмом.

На отдыхе ли, в обороне, к нему в землянку обязательно забегали его боевые товарищи: посидят, поговорят, выкурят по цигарке, там еще кто-то подойдет на огонек. Так жили и дружили эти двадцатилетние командиры, кто на год, кто на два постарше другого.

— Весело живешь, Трубников,— сказал командир минометной роты старший лейтенант Михаил Бычков, спускаясь по ступенькам в блиндаж.— Каким медом ты сюда завлекаешь? Все к тебе, а вот ко мне — никто.

— Да никаким,— отшутился Александр.— Чайком балуемся.

— И то дело,— сказал Бычков, присаживаясь рядом.— Тихо что-то, а?

— Так и гитлеровец не железный, устал, кофий свой, небось, дует.

— Тихо-то тихо, а посты проверять надо,— нарушил минутное молчание лейтенант Недомерков.

— Верно, засиделись мы,— поддержал его лейтенант Шингалов.— Идем.

Только они вышли, как тут же оба снова ввалились в блиндаж.

— Товарищ старший лейтенант! — торопливо доложил Недомерков.— Немцы по радио что-то балакают.

Все замерли, прислушиваясь. Действительно, со стороны противника доносилась веселенькая музыка. Затем мощный громкоговоритель начал вещать о чем-то по-русски.

Офицеры выскочили наружу.

Тот же голос взахлеб рассказывал о мощи немецкой армии, о том, как спокойно и даже беззаботно живется тем красноармейцам, кто попал в плен, и далее в таком же духе.

— Опять этот вылез со своим концертом,— выругался Шингалов.

— Миша, заткни ты ему глотку,— сказал Трубников минометчику Бычкову.

— Это мы можем,— отозвался Бычков.— Ну, я бегу к своим.

И он тут же растворился в темноте.

Трубников доложил комбату о том, что на вражеской стороне появилась радиоустановка. Шалыгин ответил:

— Думаешь, не слышу? Дешевка! Сейчас приму меры. А сам — ко мне, бегом,— добавил он.

«Зачем вызывает капитан?» — терялся в догадках Александр, надевая телогрейку и подпоясываясь ремнем, на котором висел пистолет в кобуре.

Знакомой тропой Александр потрусил в тыл. Не пробежал и сотни метров, как из глубины леса залпом ударили минометчики Бычкова. «Молодец, Миша! — усмехаясь, подумал он.— Так их, так!»

В блиндаж к Трубникову вошел командир взвода разведроты дивизии высокий, крепкого сложения младший лейтенант Король.

— Здорово, Саша,— сказал он, протягивая ротному свою здоровенную лапищу.

Оба они хорошо знали друг друга по прежним боям, их связывала добрая фронтовая дружба, именно в роте Трубникова Король зачастую получал первые необходимые сведения о противнике.

— Здравствуй, Коля,— ответил Трубников.— Что один?

— Ребята мои на улице, пускай на свежем воздухе покурят. Твои готовятся?

— Конечно, Аргунов там уже командует.

— Тихона посылаешь? Добре, хлопец надежный.

— Не подведет, сам знаешь...

Когда комбат поставил Трубникову задачу на ночную вылазку, командир роты тут же решил послать взвод Аргунова.

Комбат его решение одобрил.

Аргунов пришел в полк в составе пополнения осенью сорок третьего после окончания офицерских курсов при 1-й ударной армии. Направили его в роту Трубникова.

И ротный и новый командир взвода как-то очень быстро подружились. Может, потому, что оба были москвичами, не коренными, но все же. Тихон перед войной приехал в

Москву из Курской области, поступил в ремесленное училище.

В октябре сорок первого, когда враг подошел совсем близко к Москве, ремесленников эвакуировали в Горький, оттуда в Молотов (Пермь), затем в Лысьву.

Слушая Тихона, Трубников, у которого служба складывалась «как по графику», едва ли в полной мере мог представить, сколько мытарств перенесли в пути эти парни. Зато ему было понятно их стремление попасть на фронт.

Здесь, в Лысьве, семь парней-земляков и решили драпануть из ремеслухи на фронт.

Бегали на станцию, приглядывались к проходившим эшелонам, приставали к красноармейцам, умоляли взять с собой, но все их усилия были тщетны. «Ступайте домой,— говорили бойцы,— да лучше идите в свой военкомат». Но и дом и военкомат Тихона были далеко. Ничего он не знал о родных, не знал, что они успели эвакуироваться. Потому надо было действовать самому, не искать советчиков на стороне.

Наконец ему и его товарищу Петьке повезло. Видать, и люди в этой теплушке оказались с сочувствием.

— Полезайте на нары и сидите тихо. Приживетесь, а там как-нибудь обмундируем вас.

Так сложилась судьба Тихона Аргунова.

Осенью сорок второго он уже был сержантом. А после второго ранения и излечения в госпитале его направили на офицерские курсы.

Наблюдая за новым взводным, за тем, как он проводит занятия с бойцами, Трубников отметил такие важные качества: умение сплотить подчиненных, грамотно вести бой. И люди верили своему командиру. А молодой офицер любил свое дело, охотно брался за выполнение самых ответственных заданий.

В блиндаж вошел лейтенант Аргунов, доложил о готовности взвода к выполнению задания.

— Пойдем посмотрим, как подготовились твои гвардейцы,— сказал Трубников, вставая.

— Я, Тихон, от себя тоже кое-что скажу твоим хлопцам,— добавил Король.— Идем...

Было уже за полночь, когда бойцы Аргунова вместе с разведчиками бесшумно преодолели нейтральную полосу и ворвались во вражескую траншею. Тут и там стали

рваться гранаты. Завязался бой. Удар оказался внезапным. Наши бойцы действовали мужественно, умело: оборонявшиеся гитлеровцы были перебиты. Фашисты попытались контратаковать взвод, но были встречены шквальным пулеметным огнем. Подорвав противотанковыми гранатами дзот, группа стала отходить. Гитлеровцы открыли по траншеям артиллерийский огонь, но гвардейцы были уже далеко. С собой они приволокли двух пленных да прихватили два исправных пулемета.

Так, прогрызая оборону гитлеровцев, 52-я дивизия и соседние соединения своими наступательными действиями сковывали противника, который стремился ударами с севера ликвидировать узкий коридор, открывавший путь на Витебск.

Но если в ноябре дивизия почти не продвинулась вперед, то в декабре обстановка на фронте резко изменилась. Южнее Невеля войска 1-го Прибалтийского фронта прорвали оборону противника и отбросили его на тридцать километров, создавая тем самым благоприятные условия для дальнейшего наступления.

4

Командир 23-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 52-я дивизия, уточняя боевую задачу соединению, указал на исходные рубежи для нанесения удара во фланг противнику.

Ночью 27 декабря командир дивизии полковник Н. Симонов вместе с командирами полков, батальонов и рот вышел на рекогносцировку.

Зима уже устоялась, подвалило снегу. Но погода не морозная. Командир расчета станкового пулемета Иван Котов, дежуривший в траншее, зорко наблюдал через бруствер за передним краем противника. Рядом топтался второй номер.

— Курить хочется,— передернув плечами, хрипловато произнес он шепотом.— Аж уши опухли.

— Потерпишь, ничего с тобой не сделается,— отозвался первый номер.

—А я бы втихаря, в рукав,— с подначкой прошептал второй номер.

— Не трепись, скоро на ужин подменят, тогда...

Мягко хрупая сапогами, к ячейке пулеметчиков подошел командир взвода лейтенант Васильев.

— Ну как тут у вас?

— Тихо, товарищ лейтенант. Можно сказать, отдыхаем.

Лейтенант не принял шутки.

— Наблюдайте, Котов. В случае чего — докладывайте.

— Слушаюсь, товарищ лейтенант.

— Предупреждаю. Тут начальство большое прибыло, так что смотреть в оба, мало ли, могут и к вам заглянуть.

Васильев зашагал дальше по траншее.

Свернув в ход сообщения он вскоре был в блиндаже командира первого батальона 153-го стрелкового полка старшего лейтенанта Нагорного. Там уже собрались командиры рот и взводов.

— Присаживайся, лейтенант,— сказал комбат,— тебе тоже надо знать обстановку.

Прорыв обороны врага предстояло осуществить на участке местности, где находились озера Каратай, Большой Иван и Малый Иван. Участок представлял собой серьезное естественное препятствие — леса, заболоченные межозерные дефиле.

Еще во время рекогносцировки, уточняя рубежи атаки, командиры подразделений обговорили порядок взаимодействия, было решено изготовить легкие санки для транспортировки станковых пулеметов и 45-миллиметровых пушек.

По замыслу командира дивизии, первыми в атаку должны пойти передовые отряды в составе усиленной роты от каждого полка. От их решительных действий зависел успех наступления и остальных подразделений.

— Вы в своей пульроте, поскольку она придана моему батальону,— обращаясь к Васильеву, напомнил комбат,— все предусмотрите, не мне вас учить.

— Ясно, товарищ старший лейтенант, учтем...

В оставшиеся два-три дня до наступления в дивизии шла усиленная подготовка: бойцы получали гранаты, патроны, набивали диски автоматов, пулеметные ленты.

Хотя замысел предстоящего боя командирам подразделений был известен лишь в общих чертах — все четко определит, все расставит по своим местам боевой приказ,— они опытом и чутьем угадывали, что дело предстоит нелегкое. И командир роты Трубников, его командиры взводов беседовали с бойцами, рассказывали о системе обороны противника.

Хорошим подспорьем в таких случаях являлась армейская газета «За Родину», рассказывавшая о героизме красноармейцев, сержантов и офицеров.

...И вот настал тот самый напряженный момент, когда каждый боец начинает ощущать внутри себя как бы скрученную тугую пружину, которая рвется вон, когда каждым овладевает один порыв — вперед!

Передовым отрядом ушла рота старшего лейтенанта Шляпина, правого соседа Трубникова. Где-то дальше, правее, действует со своей ротой младший лейтенант Казаков из 153-го полка. Задача у каждого своя, но они взаимосвязаны, один без другого — ничто.

Со стороны озера тянет ветерок, качает заиндевевшие кусты. Рота залегла вблизи берега, притаилась. Ее черед еще не настал. Трубников обежал группы бойцов, напомнил, чтобы ничего не звякнуло, когда пойдут вперед. «Что там? — думает ротный, вглядываясь в простирающееся перед ним белое безмолвное пространство, и знакомый холодок пробегает меж его лопаток.— Пройдут ли они скрытно через озеро? А если немец засечет на льду и негде укрыться?..»

Вдруг справа вдалеке ночную муть прорезал едва различимый дугообразный свет словно через силу взлетевшей ракеты. И началось!

Позднее Трубников узнает: это передовой отряд младшего лейтенанта Казакова первым принял на себя удар врага. Метрах в ста с небольшим от берега озера гитлеровцы заметили передвигающихся по льду бойцов и открыли по ним минометный и пулеметный огонь.

Мины рвались как бы со всхлипами, ломая лед и все более отделяя залегшую пехоту от суши. И тогда Казаков поднял своих бойцов и с криком «Вперед!» повел их за собой.

А между тем передовой отряд 151-го полка, скрытно пройдя по озеру, оказался в тылу противника. Его маневр и решил успех ночного боя.

Гитлеровцы поняли, что попали в клещи и, боясь быть отрезанными, поспешно покинули первую траншею.

Старший лейтенант Шляпин воспользовался благоприятно сложившейся обстановкой и немедля начал преследовать отступающего противника.

Трубников и его бойцы, напрягая зрение, всматривались туда, где закипел бой. Казалось, что уже прошла

целая вечность и вот-вот последует команда «Вперед!», но время шло, а приказа на атаку не поступало. Похоже было, что кто-то испытывает их выдержку.

Однако это было не так: командиру дивизии необходимо было получить точные сведения, чтобы отчетливо представить действия передовых отрядов, а уж затем ввести в бой основные силы.

Связной комбата вынырнул из темноты неожиданно, затараторил:

— Товарищ старший лейтенант, вам приказано выступать.

Трубников окинув взглядом бойцов, тихо скомандовал:

— Ро-та! Приготовиться! Повзводно, вперед марш!

Будто белые призраки, прошли перед ним бойцы в маскхалатах. Выйдя на лед, они как бы растворились в сером предутреннем сумраке.

По мере того как берег приближался, выстрелы на той стороне становились все отчетливее. Уже можно было угадать, откуда бьет противник и откуда — наши. Взлетели две ракеты, и огонь усилился, густой веер красных трасс расстелился низко над землей. Хлестко ударили бронебойки.

«Контратакует»,— успел подумать Трубников и приказал через связных командирам взводов разворачивать бойцов в линию. Теперь рывок вперед, к прибрежным кустам. В какие-то секунды он видит развернувшуюся в цепь роту, бойцы с усилием одолевают снежные наметы и скрываются в кустах.

На опушке рота залегла: дальше открытое поле, за ним чернеют избы деревни Трушково, над одной из крыш нехотя завивается дымное пламя, там что-то беспорядочно ахает, заливаются пулеметы. Внимание гитлеровцев приковано к северному краю деревни, откуда атакует врага рота Шляпина.

«Не траншея ли там? — размышлял ротный, разглядывая полоску бурьяна, тянувшуюся от крайних огородов в поле.— Может, межа?»

Не мешкая, Трубников приказал лейтенанту Аргунову обойти деревню слева. Бойцы, пригибаясь, сыпанули низинкой в указанном направлении.

Командир роты не ошибся: действительно, там, где едва виднелась полоска бурьяна, проходила траншея, но

она была на десяток метров ближе к залегшей роте. Бойцы Аргунова только и успели приблизиться к траншее метров на двести, как над бруствером замелькали темные фигурки вражеских солдат, застрочили автоматы. И сразу откуда-то из-под земли ударил пулемет.

— Шаронов, видишь! — окликнул командира отделения взводный.— Выдвигайся, бери левее. Мы прикроем.

Бойцы Шаронова где перебежками, а где ползком стали обходить гитлеровцев. Аргунов скомандовал:

— По фашистам, огонь!

Десятка полтора автоматов хлестнули по траншее. Огонь противника сразу ослабел, только пулемет взахлеб бил из укрытия, но отделение Шаронова было уже на расстоянии броска гранаты.

Привстав на колено, сержант первым метнул две гранаты. Разрыв, над бруствером повисли клубы черного дыма.

— За мной! — скомандовал он, полоснул огнем по траншее.— Вперед!

Его обогнали красноармейцы Титов и Осипов, метнув по гранате туда, где за изломом траншеи мелькали каски, спрыгнули вниз.

А пулемет продолжал строчить.

«Где же ты, гад? — лихорадочно думал Шаронов.— Ведь ты где-то рядом».

Миновав один за другим изгибы траншеи, он приподнялся и сразу увидел отросток и снежный холмик над ним. Не раздумывая, он с силой метнул гранату. Пулемет как бы захлебнулся. И тут же в огневую точку полетела еще пара гранат.

Как только пулемет смолк, Трубников поднял роту в атаку. Выбивая уцелевших гитлеровцев из укрытий, бойцы достигли крайних домов. Снова короткие схватки, и — вперед! Тогда-то с северной стороны Трушкова и донеслось многоголосое «Ура!». Буквально на плечах противника рота Шляпина ворвалась в деревню.

В последующие четыре дня боев дивизия продвинулась в глубину до сорока километров, были освобождены от захватчиков десятки населенных пунктов.

Яростное сопротивление противника, бросавшегося в контратаки по нескольку раз в день, встретили бойцы 155-го полка в Подъельском и Коробцове. Для атаки этих

сильно укрепленных опорных пунктов были созданы штурмовые группы, усиленные танками. Лихо действовали автоматчики младшего лейтенанта Смирнова, старшего сержанта Якубского и младшего лейтенанта Казакова. Гвардейцы стремительно атаковали гитлеровцев, и те были вынуждены оставить оба этих населенных пункта.

В конце января дивизия вела бои в направлении Батово — Барсуки. Но сказывались ощутимые потери, понесенные соединением за время наступления севернее Невеля. Бойцы устали. Потому дивизию вывели во второй эшелон. А вскоре и весь фронт перешел к жесткой обороне.

ДОРОГИ ВЕДУТ В ПРИБАЛТИКУ

1

Предвестники весны, влажные ветры с Балтики, натягивали туманы, снег осел, у корневищ деревьев образовались проталины.

Дивизия отдыхает. А это значит, во-первых, горячая пища тебе отпускается не раз в сутки, не два, в лучшем случае, как на передовой, а нормально — три раза в день. Во-вторых, это прибывающее пополнение, которое надо учить, готовить к предстоящим боям.

Есть и еще одно немаловажное обстоятельство, которое скрашивает суровые будни бойца — это аккуратно прибывающая почта. Сразу после завтрака приходит почтальон, раздает газеты, а кому-то вручает письма. Сколько радости доставляют эти весточки из дома. Раскрывает боец желанный конверт с треугольной печатью военной цензуры, читает и перечитывает строчки — от матери, жены ли — все они безмерно дороги адресату. А вечером, в свободный час не спеша садится и пишет ответ.

В то утро получил письмо от жены и Александр Трубников. Тепло стало на сердце у старшего лейтенанта. «Нюрушка, Нюра, дорогуша моя»,— бормоча и улыбаясь, прятал он письмо в карман гимнастерки, решив прочитать наедине, подумать, мысленно поговорить с Аней.

— И вы письмо получили? — спросил Аргунов, наблюдая за ротным.

— Да, нашло оно меня, а давно не было.

— Счастливый вы человек, товарищ старший лейтенант,— вздохнул взводный.

— Это как же определил? — улыбнулся Александр.

— По глазам вижу.

Трубников счастливо рассмеялся.

— Ты, Тихон, как цыганка, все угадываешь.

— При чем тут цыганка? — с обидой в голосе возразил Аргунов.— Счастье не скроешь, оно само выказывается. Я вот ничего такого не испытал, потому и сказал, что вы счастливый.

Слушая этот раговор, Шингалов и Недомерков улыбались, подначивали Аргунова, мол, не горюй, после войны от невест отбоя не будет.

— Да-а, вам только на зуб попади — изгрызете человека,— покачав головой, сказал ротный, вставая с нар.— Давайте-ка по местам. Через пятнадцать минут построение.— Он глянул на часы.— Миша, скажи дневальному, чтоб командовал.

— Слушаюсь,— ответил ординарец и выскочил из землянки.

— Ро-та-а! Выходи строиться! — певучим голосом объявил дневальный.

Бойцы построились. Трубников вышел наружу. Солнечное мартовское утро, и настроение бодрое, под сапогами похрустывает прихваченный ночным морозцем снежок. Ровный ряд землянок среди ельника, передняя линейка, серошинельный строй — все это разом попадает в поле зрения офицера.

— Рота, равняйсь! — звонко раздается команда дежурного по роте младшего сержанта Савельева.— Смирно!

Савельев, в телогрейке с погонами, туго затянутой ремнем, спешит навстречу ротному.

— Товарищ гвардии старший лейтенант! — докладывает он,— по вашему приказанию рота построена!..

Трубников обходит строй. Вот они, его гвардейцы, с кем прошел с боями по лесам и болотам и с кем предстоит воевать в недалеком будущем. Вот храбрые, опытные младшие командиры — Бабаев, Савельев, Карим Султанов, парторг роты Щукин — его и взводных помощники и опора.

— Вольно! — сказал ротный.

Дежурный по роте повторил его команду.

Трубников раскрыл самодельную тетрадочку, сшитую из трофейных бланков какой-то немецкой отчетности, объявил:

— По плану занятий сегодня у нас следующее. Первый стрелковый взвод, расчеты станковых, ручных пулеметов и ПТР занимаются изучением материальной части оружия; второй стрелковый взвод выходит на тактические занятия, отрабатывает приемы боя в траншее; третий стрелковый взвод отрабатывает способы уничтожения танков противника. Вопросы есть? — Выдержав паузу, он добавил: — Командиры взводов, ведите людей на занятия...

Наконец-то он один, можно спокойно прочитать письмо жены.

Александр вскрыл конверт, глазами вцепился в первую строчку:

«Дорогой мой Саша, с приветом к тебе твоя жена Аня, шлют тебе привет папа Никанор Фролович и Федина жена, Ирина...»

Быстро дочитав письмо, где Аня рассказывала о домашнем житье-бытье, о том, как она работает на заводе, как трудятся все они, чтобы больше дать продукции для фронта, он отложил листок. Улыбаясь своим мыслям, задумался. Да и как было не вспомнить, если у них столько было хорошего за короткую семейную жизнь до войны. Перед глазами проплывали отрывочные картины прошлого...

В тридцать девятом, после окончания школы ФЗУ, пришел он, семнадцатилетний паренек, на завод имени 1 Мая. Началась самостоятельная трудовая жизнь. Работал слесарем. Активного комсомольца выдвинули на должность инструктора, а потом и мастера смены.

Жили они на Малой Тульской близ Даниловского рынка: отец, Никанор Фролович, овдовевший в сороковом, и при нем два сына — старший, уже женатый Федор и младший, Александр. А вскоре и он сам обзавелся семьей. Нравилась ему Аня — черняевенькая, бойкая учетчица в том же цехе, где работал Александр, познакомились поближе, погуляли сколько-то, а там и скромную свадьбу сыграли.

Переехал он к жене на Серпуховку. Жили тесно, зато дружно, в любви и согласии. И вдруг — война.

Уже 30 июня Александра вызвали в райком комсомола, как призывнику предложили пойти в военное училище. Он

выбрал Московское пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Так стал курсантом.

Училище располагалось в лагерях курсов «Выстрел» в Солнечногорске. Учеба велась ускоренными темпами. Дни были уплотнены до предела.

Когда в октябре над Москвой нависла смертельная угроза, курсантский полк выступил на защиту родной столицы. В ночь на 7 ноября курсант Трубников был ранен.

Два с лишним месяца отлежал он в госпитале в Чкаловске. А потом его выписали как временно негодного к строевой, предоставив возможность долечиваться по месту жительства.

Стоял февраль. В заснеженной Москве было малолюдно. Опираясь на палочку, Александр подходил к дому на Серпуховке. Но что это? Знакомое окно забито досками. Вошел в коммунальную квартиру — дверь в комнату на замке. И соседи не знали, где Аня.

Пока ехал к отцу — всякие страшные мысли приходили в голову.

Встретила Алексадра жена брата, Ирина, заплакала, запричитала:

— Аня-то твоя эвакуировалась, уехала к родителям в деревню.

Тут от сердца Александра отлегло. Но где эта деревня Яковское? Ведь он там ни разу не был. Слышал только, что она в Каширском районе. Хорошо, что Ирина со слов Ани знала, как туда доехать, объяснила подробно.

Утром рано Трубников выехал в Каширу, оттуда добирался до станции Ожерелье на рабочем поезде. Расспросив местных жителей, в какой стороне Яковское, он зашагал по узкой санной дороге, подгоняя себя мыслями о скорой встрече с женой.

Глухо, тихо в деревне, будто и нет войны. Попалась ему навстречу старушка, остановилась, зыркнула глазом — нездешний человек.

— Бабушка,— спросил он,— где Чудновы живут, не подскажете?

— А вон их дом, идем провожу...

Александр вошел в избу, пригляделся. У окна сидела пожилая женщина с прялкой, потеребливая из пучка, сучила шерстяную нитку.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя поближе и снимая ушанку. — Я Александр Трубников. Будем знакомы.

Все еще не понимая, кто перед ней, женщина встала.

— Здравствуйте, вам кого?

— Я муж Ани,— пояснил он.— Она у вас?

— Ой! — всплеснула руками женщина.— Зятек, я ж тебя не видела ни разу. Господи, радость-то какая! — Она заголосила, припадая к его груди.

Из другой половины избы выскочили две девушки, и такой тут поднялся переполох, что Александр растерялся.

— Нюра, где ты спряталась! — кричали сестры.— Муж твой приехал, муж!

Вдруг кто-то подскочил сзади, закрыл ему теплыми ладонями глаза.

— Аня! — воскликнул Александр...

Вечером чуть ли не вся деревня собралась в избе. Нашелся керосин, зажгли лампу. Родня натащила всего, чего у кого было,— сала, капусты,— накрыли стол. А потом завели песни, даже свадебные спели.

Вот уж действительно это была у Александра и Ани вторая свадьба.

Узнал он, что пережила семья Чудновых, когда гитлеровцы подходили к Кашире.

— Такую страсть мы испытали! — вспоминала теща.— Просто ужас какой-то... Гляжу, а по улице идут на лыжах, все в белом, как в саване,— и к нам. Сердце подсказало — фашисты. Кричу: «Нюрка, прячься в подпол». А они уже вваливаются в избу, ружьями гремят — и к столу, план разложили, рыгочут по-своему. Я ни жива ни мертва стою. Вдруг один вбежал в избу, гаркнул что-то, и всех будто ветром выдуло. Ничего я не поняла, трясусь вся, думаю, вдруг вернутся. Тут-то пальба пошла... Глянула я в окно, а по улице скачут на конях наши...

— Значит, и к вам немецкие разведчики заходили? — удивился Александр.— Вот бы не подумал...

— Уж не знаю, кто это были,— вздохнула теща,— только говорили после, что до леса они не дошли, наши всех их начисто положили за деревней в овраге...

Приехали в Москву Александр и Аня вместе. Он наладил железную печку, стали жить. Аня вернулась на завод.

Незаметно пролетели три счастливых месяца. Наконец комиссия заключила — годен к строевой службе. Трубникова направили во Владимир на курсы младших лейтенантов. А после окончания он снова, проездом на фронт, оказался в Москве. Решил побывать в своем училище, которое теперь находилось в Лефортове. И снова повезло

Трубникову: встретил по пути знакомого курсанта, а в петлицах у него два кубаря.

— Ты почему младший лейтенант? Нам же после тех боев всем лейтенантов присвоили. Идем в штаб, там Дьячков, помнишь его? Он постарается оформить все как положено...

Так Трубников поехал на фронт уже лейтенантом.

2

Над обширным лесным краем колдовала весна. На зорьке чуфыкали токующие тетерева — это аборигены, куда им деться.

Утиные же последние стаи подолгу кружатся над заболоченными лесами. То справа, то слева под крылом птиц блеснет водная гладь озер или извилистая лента реки. В этих краях родились многие утки. Здесь им предстояло вывести потомство, а осенью снова откочевать в теплые края. Но птиц отпугивали грохот, доносившийся с земли, скопление людей. Волей-неволей приходилось искать укромное место для гнездования.

Трубников стоял у входа в блиндаж и наблюдал, как две вороны сооружают гнездо на соседней березе.

— Нахальная птица, и война ее не берет,— усмехнулся он.

— Помню, у нас в деревне, как только куры выведут цыплят, отбоя от них нет, хуже коршунов, — отозвался ординарец.

Ротный пропустил его слова мимо ушей — думал о другом.

В блиндажах вода, сколько ни отчерпывай, а за ночь ее набирается выше щиколотки. Бойцы живут в сырости, хорошо еще, их пока никакая хворь не берет, но это до поры, ведь не лето...

Трубников обратился к комбату. Мысль его была, может, не нова, но оказалась ко времени. Ротный предложил срубить срубы, завалить по бокам землей, сверху накатник в два бревна — низко, конечно, будет, зато сухо.

Капитан Шалыгин поддержал его инициативу, тут же распорядился, чтобы и в остальных подразделениях немедленно приступили к строительству блиндажей.

Работа закипела. Лес брали в тылу, чтобы не обнаружить себя стуком топоров, шарканьем пил. Раскряжеван-

ные бревна подвозили на повозках поближе к передовой, а там уже подтаскивали на себе.

За двое суток бойцы соорудили новое жилье, перенесли туда печки; как-никак, а стало посуше.

Прошло уже несколько дней, как дивизия приняла отведенную ей полосу обороны по реке Великой. Гитлеровцы здесь укрепились основательно: сплошные траншеи, впереди проволочные заграждения.

Комдив нервничал: кто перед ним, какова численность противника, его состав, вооружение? — ничего пока не было известно.

Расхаживая по своему просторному блиндажу, он хмуро поглядывал на худощавого, широкого в кости начальника разведки дивизии капитана Горбачева.

— Из штаба корпуса передают — противник производит перегруппировку, а что мы знаем? Все по нулям. «Язык» нужен, капитан.

— Ясно, товарищ гвардии полковник.— Капитан Горбачев, детство которого было безрадостным — воспитывался в детском доме,— был грубоват, порою резок, открыто умел и правду в глаза сказать начальству.— Мои ребята не загорают на солнышке. Двое суток не вылазят из траншей. И Король там, всю передовую исползали.

— Что Король докладывает?

— Ведут наблюдения. Но пока глухо. Оборона у них там... никак не подступиться.

— Усильте наблюдение.

— Слушаюсь, товарищ гвардии полковник. Все силы приложим...

— Того от вас и добиваюсь, — уже примирительнее ответил комдив,— а вы, начальник штаба,— обратился он к подполковнику Пантюхову,— подключите артиллеристов, чтобы окуляров своих не сводили с переднего края, усилили разведку огневых средств противника. В батальонах тоже пусть мух не ловят, а докладывают о замеченном. Сейчас нам особенно дорога каждая крупица сведений...

На этот раз объектом разведки младший лейтенант Король выбрал боевое охранение гитлеровцев, вынесенное метров за двести впереди траншеи.

Пробравшись ночью в окопы нашего боевого охранения, разведчики продолжали вести наблюдение. Трое су-

ток, сменяя друг друга, они не спускали глаз с противника. Наконец удалось установить, что несколько гитлеровцев в одни и те же часы подносят в термосах пищу для боевого охранения. Причем ходят они только по одному маршруту. Посоветовавшись с товарищами, Король решил устроить засаду на этой тропе...

А утром он уже докладывал капитану Горбачеву о выполнении задания. «Язык» дал очень важные сведения. За этот успех Король был награжден орденом Александра Невского, а все его разведчики орденом Славы III степени.

Однако показания одного пленного не давали командиру дивизии полных сведений об обороне противника, и он требовал все новых и новых данных.

Но и гитлеровцы почувствовали что-то неладное: с наступлением темноты и до рассвета освещали передний край ракетами, время от времени открывали пулеметный огонь. Часам к семи утра все стихало. При сложившейся обстановке надо было менять тактику действий разведчиков.

Начальник штаба дивизии Пантюхов снова вызвал на совещание Горбачева, Короля и переводчика лейтенанта Шаевича.

— Опять топчемся на месте. Что там твои разведчики докладывают? — спросил он Короля.

— Понаблюдали и кое-что интересное узнали,— ответил младший лейтенант.

— Точнее.

— На участке батальона капитана Шалыгина замечено, что в боевом охранении противника к рассвету остается только два человека с пулеметами,— доложил Король.— Остальные уходят в блиндажи. Вот пока все.

— А разве этого мало? — поддержал своего взводного Горбачев.— Раз немцы уходят бай-бай, то стоит подумать, как быть. Но и дежурные ночь не спали, тоже носами клюют, как я предполагаю.

— Верная мысль.— Шаевич взглянул на Горбачева.— Почему мы только ночью ходим в разведку? А если днем?

— Это уже совсем по-деловому,— положив ладони на стол, согласился Пантюхов.— Неожиданные для противника действия всегда приносят успех. Сбить немцев с толку, запутать их — вот к чему надо стремиться.

— Но без шума нам никак не обойтись — тихо не получится,— заметил Король.

— А мы и устроим небольшой сабантуйчик,— сказал Пантюхов.— Давайте сейчас же обсудим план захвата контрольного пленного...

План был дерзок и заключался в следующем. По окопам вражеского боевого охранения артиллеристы наносят короткий огневой налет. Гитлеровцы, конечно, уйдут в укрытия. На девятом выстреле разведчики должны быть уже у окопа и забросать его противотанковыми гранатами, разрывы которых как бы продолжат артналет и помешают немцам быстро вернуться к пулеметам. На всю вылазку отводились считанные минуты.

— Все должно быть ювелирно точно,— подытожил начальник штаба, глянув на Короля.— Надо бросок отрабатывать четко, для этого организуем тренировки на местности...

Настал намеченный день поиска. Младший лейтенант Король и восемь его разведчиков еще затемно пришли в блиндаж командира роты Трубникова. По тому, как они были экипированы, старший лейтенант понял — предстоит серьезное дело, но расспрашивать в таких случаях было не принято и не положено. Однако он обратил внимание на то, что разведчики вроде налегке — у всех только пистолеты, ножи и противотанковые гранаты.

Посидели, покурили. Сопровождающий группу переводчик лейтенант Шаевич все поглядывал на часы и наконец сказал:

— Пора.

Разведчики поднялись и гуськом направились в траншею.

Ровно в 7. 30 в глубине нашего тыла раздался выстрел орудия. Как только на позиции боевого охранения разорвался первый снаряд, разведчики, уже вышедшие за передний край, стремительно рванулись вперед. Минута ушла на то, чтобы преодолеть ничейную полосу, и вот он, окоп. С последним разрывом снаряда туда летят четыре гранаты. Еще рывок, и разведчики сваливаются на головы трех гитлеровцев.

И тут снова ударила артиллерия. На вражеском переднем крае стали рваться осколочные снаряды вперемешку с дымовыми, прикрывая отход разведчиков.

За этот подвиг участвовавшие в вылазке бойцы были награждены, а Николаю Королю приказом командующего фронтом присвоено звание гвардии лейтенанта.

3

Более двух месяцев 52-я гвардейская стрелковая дивизия провела в обороне на реке Великой. Отзвуки начавшегося грандиозного сражения по освобождению Белоруссии докатывались сюда лишь в виде сводок Совинформбюро, но командиры и бойцы понимали, что уже близится день, когда и на этом участке войска 3-го Прибалтийского фронта перейдут в решительное наступление.

16 июля вслед за коротким артиллерийским налетом передовые батальоны частей дивизии ринулись в атаку.

Так началась операция по ликвидации псковско-островской группировки противника.

Обходя опорные пункты, отражая контратаки гитлеровцев, дивизия шла вперед. В упорных трехдневных боях соединение продвинулось на северо-запад более чем на сорок километров. Во взаимодействии с соседними соединениями дивизия 21 июля освободила город Остров. За эти успешные боевые действия она была награждена орденом Суворова II степени.

4

После боев под Елгавой и Доктой полки 52-й гвардейской понесли ощутимые потери, боевая техника также требовала ремонта, поэтому дивизию вывели в резерв 3-го Прибалтийского фронта.

Недолго, неделю, дивизия находилась в тылу, но за это время пополнилась людьми, технику привели в порядок.

В эти дни фронтовая судьба снова неожиданно улыбнулась Трубникову: он встретился с братом Федором. Конечно, они переписывались, скупо, по-мужски делились радостями и печалями, но о встрече не помышляли, у каждого была своя фронтовая дорога. И вот они скрестились.

Трубников и парторг Щукин после завтрака сидели в землянке, обсуждали текущие дела, дверь отворилась, и часовой доложил:

— Товарищ старший лейтенант, выйдите, к вам приехали.

Александр вышел и не поверил своим глазам: перед ним стоял Федор.

Они обнялись.

— Вот ты какой стал, гвардеец! — похлопывая по плечу младшего брата, радостно улыбаясь, говорил Федор.— Ты вроде подрос, Сашка?

— Ну скажешь, просто ты помнишь меня фезеушником.

— Нет, в самом деле, повыше стал, окреп.

Они присели на лавочку возле землянки.

— Рассказывай, как воюешь, братан,— сказал Федор.

— Да как воюю? Как все. Вот были в наступлении, теперь отдыхаем. Лучше сам расскажи. Где ты, как меня нашел? — Взглянув на его погоны, добавил: — Давно тебе майора присвоили?

— В звании меня повысили недавно, это верно,— ответил Федор.— Где я? Воюю в триста девяносто первой стрелковой дивизии, командую отдельным саперным батальоном. Мы на Втором Прибалтийском.

— Да ну? — воскликнул Александр.— Так это почти рядом!

— Не совсем,— возразил Федор.— Но обстановка сложилась так, что оказались близко к вам. Нас тоже вывели на отдых. Я в штаб дивизии, говорю: «Помогите разыскать брата». Мне подсказали, где вас искать. Вот так-то...

С час, не больше, провели в разговорах братья. Вспомнили довоенную жизнь, родных, жен своих, пора было расставаться. Александр проводил Федора до машины, махнул рукой на прощанье. И все. Короткой была встреча, а радость от встречи еще долго теплилась в сердце старшего лейтенанта Трубникова.

Шагая в расположение своей роты, он думал: «Верно Федор говорил: Риги нам не миновать. А куда еще могут бросить?.. Какая она, Рига-то?..»

5

Августовская ночь на исходе. Лейтенант Король с разведчиками лежал в придорожных кустах, вслушиваясь в гудение моторов грузовых машин, следовавших по шоссе Псков — Рига. Наконец показалась одинокая машина. Возможно, из-за неисправности она шла медленно. Король махнул рукой. Разведчики выскочили на дорогу. От неожиданности водитель резко затормозил. В ту же минуту он и сидевший рядом гитлеровец были связаны.

Обойдя стороной укрепленный населенный пункт, группа разведчиков вышла к боевым порядкам первого батальона.

Пока переводчик лейтенант Шаевич вел предварительный допрос пленных, комбат капитан Шалыгин, водя карандашом по карте, выслушивал доклад Короля:

— Так что у нас впереди?

— Хутор, товарищ капитан, впереди траншеи, два дзота. Опорный пункт как раз прикрывает шоссе. Обороны сплошной нет, но брать его вам придется.

— Учти, командир роты, — взглянув на Трубникова, следившего за карандашом комбата, сказал Шалыгин.

— Учту, товарищ капитан,— ответил ротный.

— Люди поели? — спросил он.

— Заканчивают, товарищ комбат.

— Тогда по местам, ждите сигнала к атаке. Связь по телефону.

Возвратившись в роту, Трубников вызвал командиров взводов и командира приданного самоходного орудия САУ-76, разложил карту.

— Смотрите сюда, товарищи,— сказал старший лейтенант, обводя кружком населенный пункт.— Нам приказано овладеть этим хутором с последующим выходом на шоссе Псков — Рига. По данным разведки, здесь у немцев проходит траншея, тут и тут два дзота...

Поставив боевую задачу, командир роты отпустил взводных.

Хутор. Как мирно, безобидно звучит это слово. Но за короткое время боев в Латвии Трубников хорошо узнал, что собой представляет такой хутор, если его как следует укрепить. Это не просто одинокий домик, а и постройки вокруг — сложенные из дикого камня скотные дворы, бетонированные хранилища, которые, дооборудовав, легко можно использовать как огневые точки. Из таких опорных пунктов и складывалась оборона врага, которую предстояло прогрызать.

Об этом думал он, шагая с бойцами по лесной дороге следом за ушедшей вперед самоходкой.

На опушке взводы развернулись в линию.

Мгла редела. На фоне темного неба стали прорисовываться крыши хуторских построек. Впереди открытое поле. Левее чуть приметная ложбинка — межа, поросшая жиденьким кустарничком. По ней, если, конечно, удастся, можно скрытно приблизиться к опорному пункту для первого броска.

Стоя на коленях, Трубников из-за куста рассматривал в бинокль местность, прикидывал, откуда будет удобнее атаковать противника.

Пригибаясь, к нему подбежал связной.

— На провод, товарищ старший лейтенант,— отдуваясь прошептал он.— Комбат вызывает.

Александр отполз в глубь перелеска и, петляя между деревцами, побежал к телефонистам.

— Трубников слушает,— вполголоса доложил он, принимая трубку от связиста.

— Выдвигай своих вперед быстро. Через десять минут открываю огонь. С первыми выстрелами — в атаку.

— Слушаюсь, товарищ капитан,— ответил ротный и — ординарцу: — Миша, пулей к Аргунову, чтоб немедля выдвинулся вперед по лощинке, с первым залпом — в атаку.

Он еще постоял с минуту, прислушиваясь к отдаленной перестрелке, приглушенному ворчанию танковых двигателей, шагам бойцов подходивших подразделений, и трусцой заспешил к роте.

Трубников достиг опушки, как сзади резко ударили батальонные минометы. Раздвигая кусты, он успел разглядеть фигурки бойцов, бегущих вдоль межи.

«Молодец, Аргунов! — охваченный азартом начавшегося боя, подумал он.— В самый раз рванул».

Разрывы мин густо накрыли вражеские траншеи. Аргунов натянул на пилотку каску, привстал на колено, глянул вправо, влево.

— Взвод, в атаку, за мной! — властно скомандовал он, торопливо вынимая из кобуры трофейный парабеллум.— Ура!

Бойцы подхватились, кинулись к траншее.

Пропустив вперед первое отделение, лейтенант побежал за стрелками. Ближе, ближе траншея, над бруствером замельтешили каски. Но поздно. Летят гранаты, бойцы поливают автоматным огнем позицию гитлеровцев, те начинают отходить к скотному двору, отстреливаются. Вдруг справа, под стеной, плеснули огоньки пламени — пулемет. И сразу в том месте грохнул разрыв. Это самоходчики уничтожили огневую точку врага.

Сержант Шаронов и красноармеец Титов выдвинулись вперед. Слева, будто из-под земли, на них наваливаются двое немцев. Почти в упор строчат автоматы. Перепрыги-

вая через трупы, бойцы бегут дальше по ходу сообщения. За поворотом — блиндаж. В дверь летят гранаты: огонь, дым, крики. Бойцы врываются в блиндаж, выволакивают оттуда оглушенных гитлеровцев.

Бой продолжается. Опорный пункт огрызается огнем. Подошедшая самоходка бьет по чердаку. Разрыв. Рушатся стропила, крыша на глазах оседает.

Неожиданно на правом фланге огонь усилился. Автоматы строчили не умолкая. Это гитлеровцы со стороны шоссе контратаковали наступающую роту. И тут снова ударили минометы, поле заволокло дымом. Ломая кусты, выскочила тридцатьчетверка и открыла частый огонь осколочными снарядами по группе гитлеровцев.

Исход боя решила дружная атака роты лейтенанта Дли с левого фланга. Справа на помощь Трубникову подоспела рота лейтенанта Редькина.

Трубников догнал свою роту, когда хутор был взят. Пересекая истоптанное множеством ног поле, он видел распластанные тела убитых бойцов и раненых, ожидавших санитаров с носилками. Потери, потери...

Преследуя отступающую группу противника, батальон наконец оседлал шоссе. Поступил приказ закрепиться.

И вдруг наступила тишина. Только теперь бойцы заметили, что совсем рассвело и туман стелется в низине, и таким мирным казался со стороны хутор, где только что шел бой.

Перерезав шоссе Псков — Рига, полки дивизии двинулись на северо-запад и на третий день вступили на территорию соседней республики — Эстонии, освободив десятки населенных пунктов от гитлеровских захватчиков.

Впереди небольшой городок Рыуге.

Преследуя отступающего врага, гвардейцы 151-го стрелкового полка вырвались вперед. Но вот наш батальон неожиданно был остановлен ураганным ружейно-пулеметным огнем. Стрелки залегли. И сразу же гитлеровцы, поддержанные танками, перешли в контратаку, начали теснить стрелковые подразделения полка. В это же время, используя образовавшийся разрыв между частями дивизии, группа вражеских автоматчиков просочилась в тыл и вышла к командному пункту соединения...

Ожесточенная стрельба, отдаленный гул танковых двигателей уже докатывался до КП дивизии.

Начальник штаба подполковник Пантюхов, прислушиваясь к звукам разгоревшегося боя, нервничал: «Что там происходит? Почему нет связи?»

Потеряв терпение, он решил немедля ехать на НП дивизии.

— Лейтенант Шаевич,— сказал он на ходу переводчику.— Я на НП.

Лейтенант проводил взглядом отъехавший от крыльца «виллис» и вернулся к своим делам.

Игорь Шаевич мечтал стать врачом, поскольку в семье все были медиками. Когда началась война, они, выпускники десятого класса, сразу пошли в военкомат. Но вместо фронта их направили на строительство оборонительных сооружений под Смоленск. Вернулись парни в Москву, и снова отсрочка от призыва. Такая неопределенность тяготила.

Однажды кто-то из друзей Игоря разведал в военкомате, что идет набор на курсы военных переводчиков.

Ребята двинулись по указанному адресу. Игорю и еще двоим-троим из числа дерзнувших повезло, их зачислили на курсы. В сорок втором ему по окончании учебы присвоили звание лейтенанта. Игорь Шаевич был направлен в действующую армию в разведотдел штаба 63-й стрелковой дивизии. В ноябре 1942 года соединение было преобразовано в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Воевал Шаевич под Сталинградом, на Курской дуге. И все время он был рядом с разведчиками. Конечно, в поиск его не посылали, но сопровождать группу приходилось каждый раз — то до первой траншеи, а то и до окопов боевого охранения. А на передовой никто не застрахован от пули или осколка. И за время, пока он дошел до Прибалтики, его дважды настигал вражеский металл...

Кто такой военный переводчик? Допрос пленных — само собой его обязанность. А там еще сбор сведений от наблюдателей: как ведет себя противник, система его обороны, ну и еще разные поручения — доставить донесение в штаб корпуса, сгонять срочно в разведроту, получить необходимую информацию.

Лейтенант Шаевич закончил свои дела, сложил бумаги в папку. И тут неожиданно в комнату влетел молоденький ординарец Вася Попов, и чуть ли не восторженно выкрикнул:

— Товарищ лейтенант, немцы!

— Где? — мгновенно охваченный тревогой, спросил лейтенант.— Откуда они?

— Не знаю, товарищ лейтенант,— захлебываясь словами, доложил ординарец.— Прут через поле, орут, ничего не понять.

— Ясненько,— собираясь с мыслями, сказал Шаевич, и хотя в этот момент он не имел ни малейшего представления о случившемся, но решение принял сразу: — Вася, собирай комендантский взвод, всех, кто есть, чтоб занимали круговую оборону. Всех «в ружье». Бегом!..

В комнату вошел кто-то из старших офицеров, тоже, видимо, оповещенный о прорыве группы автоматчиков, распорядился:

— Лейтенант Шаевич, бери людей, любой ценой обеспечь оборону узла связи... Действуй.

— Я уже приказал, сам поведу.— И он выскочил на крыльцо.

Дом, занимаемый штабом, был окружен живой изгородью из акации. За ней начинался яблоневый сад, в котором стояла палатка узла связи. «Телефонисток — тоже в цепь»,— подумал он, глядя, как отовсюду к нему сбегаются бойцы. Тут были караульные, два повара, обозники. Всего набралось человек пятнадцать.

Между тем со стороны сада уже отчетливее доносилось пока редкое постукивание немецких автоматов. Видимо, гитлеровцы вели огонь так, для острастки, еще не зная, кто перед ними и есть ли вообще кто-нибудь.

— За мной! — скомандовал лейтенант и повел за собой солдат.

На краю сада группа залегла.

— Вот они! — хрипло прошептал незнакомый Шаевичу усатый боец, высовываясь из травы, передергивая затвор карабина.— Идут.

Лейтенант и сам видел вражеских солдат, прикинул — не менее двух десятков. По черным мундирам определил — эсэсовцы. Шли они в полный рост, но какой-то странной походкой, вроде враскачку. «Пьяные, что ли, они?» — подумал он и, махнув рукой, скомандовал:

— По фашистам, огонь!

Ударили из карабинов, двое или трое бойцов его группы с колена застрочили из автоматов. Но не тут-то было: цепь вражеских солдат продолжала шагать так, будто ничего не случилось, зато огонь их автоматов стал прицельнее, пули защелкали по ветвям деревьев совсем низко над

землей. Гитлеровцы, видимо, догадались, что перед ними совсем незначительный противник.

«Так они сомнут нас,— думал Шаевич.— Подойдут ближе и забросают гранатами».

Повернувшись на бок, он окинул жиденькую цепь бойцов, и отчаянная решимость овладела им.

— Взвод, в атаку, за мной! — звонким натянутым голосом скомандовал лейтенант.

— Ура-а-а! — нестройно раздалось справа и слева.

Стреляя на ходу, бойцы кинулись за своим командиром. А он бежал, не оглядываясь назад, и тоже стрелял из пистолета.

В какую-то минуту обстановка изменилась: увидев перед собой цепь наших бойцов, гитлеровцы попятились, а затем побежали. Лейтенант еще не успел сообразить, что вышел победителем из этого скоротечного боя, как сзади ударило орудие, второе. Разрывы снарядов накрыли отходивших фашистов.

Это на помощь оборонявшемуся штабу дивизии подошли два расчета противотанковых орудий. И вовремя. Оказалось, что на подходе были еще две машины с гитлеровцами. Артиллеристы развернули орудия и несколькими выстрелами подожгли оба грузовика.

Пока шел бой в тылу дивизии, 151-й полк отбросил наседавшего противника. В тот же день, 13 августа, был освобожден город Рыуге. Дивизия продолжала наступление.

В жестоких боях на территории Эстонии полки дивизии понесли ощутимые потери. Пали на поле боя десятки отважных. Много ушло в госпиталь по ранению. Был ранен и опытный разведчик лейтенант Король.

6

Вскоре дивизия снова была выведена в резерв фронта.

Пользуясь передышкой, политработники и командиры в беседах с бойцами рассказывали о подвигах их товарищей, о событиях на других фронтах.

Рота Трубникова собралась на полянке. Беседовал с бойцами старший сержант Шукин, в руках у него листок дивизионной газеты.

Прочитав сводку Совинформбюро, парторг оглядел бойцов, спросил:

— У кого какие вопросы?

Вопросов не было.

— Теперь послушайте, что пишут о нас с вами, о наших товарищах.— Он поднял над головой газетный листок.— В бою, товарищи, может всякое случиться. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Помните, что враг хитер, коварен. К примеру, стоишь ты на посту в траншее — глаз не смыкай. Заметил что-то подозрительное — дай ракету, может, немцы подползают. Поэтому я обращаюсь к нашему пополнению, кто еще не бывал в бою,— будьте бдительны, учитесь воевать, перенимайте опыт наших лучших солдат... Ясно?

— Ясно, товарищ сержант,— раздались голоса бойцов.— А что вы там хотели прочитать?

— Этот случай в бою — тоже пример находчивости и смелости. Слушайте: «Гитлеровцев выбили из населенного пункта М. Поступил приказ закрепиться на новом рубеже. Командир пулеметного взвода лейтенант Латкин Александр с автоматом в руке шел по траншее к своему второму расчету проверить, как установлен пулемет. Шагах в пяти от траншеи тянулась полоска высокой ржи. На повороте траншеи из ржи выскочили четыре вражеских солдата и с ними офицер. Они кинулись на лейтенанта, вырвали автомат и повели. Солдаты шли сзади, офицер впереди. «Позор,— думал лейтенант.— Лучше умереть, чем в плен». И тут он вспомнил о гранатах в карманах шинели. Немцы не успели его обыскать. Лейтенант сунул руку в карман, выхватил гранату, выдернул чеку, и сам резко рванулся вперед. Упав, он метнул гранату. Взрыв. Четверо гитлеровцев были убиты. Офицер кинулся бежать, лейтенант метнул в него вторую гранату. Прихватив автомат, Латкин притащил раненого гитлеровца в свое расположение. Вот вам пример находчивости офицера,— закончил Щукин.— А растеряйся он, что бы тогда было?

— Здорово! — одобрительно загудели бойцы.— Расскажите еще что-нибудь.

— Рассказывать можно много,— сказал Щукин.— Я думаю, это сделают не хуже меня ваши командиры...

— Разрешите мне, товарищ старший сержант? — поднимаясь с травы, спросил командир отделения старший сержант Шаронов.

— Давай, Шаронов, ты у нас старый вояка,— одобрил его инициативу парторг.

— Я много говорить не умею,— начал Шаронов.— Скажу только о нашем командире роты старшем лейтенанте

Трубникове. К нам прибыло пополнение, а потому каждый новичок должен знать своего командира. А он у нас боевой. Я с ним от Курской протопал. И всегда он рядом с солдатами. В бою — рядом. Встали в оборону — позаботится, чтоб боец был накормлен вовремя, мог обсушиться. Однажды я спросил его: «Что, товарищ старший лейтенант, вы под шинелью как завороженный; вон посекло осколками, а вас не тронуло». Он отвечает: «С меня уже хватит. Под Москвой и Старой Руссой получил свое. А теперь решил фашистам отомстить за всё». Вот какой наш командир.

— Хорошо,— сказал Щукин.— На сегодня хватит.

Довольный, что расшевелил бойцов, парторг распорядился, чтобы рота продолжала заниматься по расписанию. Он хорошо знал, что на этом беседа не окончена, на досуге новички еще о многом будут расспрашивать испытанных в боях гвардейцев.

В последних числах августа, сменив 56-ю стрелковую дивизию, соединение заняло оборону по берегу реки Вяйке-Эмайыги.

И опять взялись за свое опасное дело войсковые разведчики. Но и работать им стало сложнее. На этот раз противник не контратаковал, потому что наши позиции прикрывались водным рубежом. И хотя речка была невелика, с ходу ее не одолеешь. Гитлеровцы надеялись, что и разведчикам не удастся незамеченными переправиться через реку, к тому же местность впереди была открытая.

Что ни ночь, то поиск, и все неудачно. Разведгруппы несли потери. А штабу дивизии срочно нужны были дополнительные и точные сведения о противнике.

Командир дивизии вызвал начальника штаба Пантюхова, начальника разведки Горбачева, сказал:

— Смотрю, что-то ничего у вас не получается. Исправляйте положение, «язык» нужен.

— Надо менять тактику поисков,— сказал Горбачев.

— А что думает начальник штаба?

— Согласен,— ответил Пантюхов.— Эх, жаль, нет Короля.

— Тогда будем думать вместе. Сегодня ночью выедем на передовую. Но прежде посоветуйтесь с бойцами, глядишь, сообща решите, как действовать дальше.

Посоветовались с бывалыми разведчиками — не зря их учил лейтенант Король — и решили под покровом ночи действовать мелкими группами. Первым пробраться на ту сторону вызвался разведчик Бигильдин, группу прикрытия — пять человек — возглавил старший сержант Зырянов. Он взял с собой недавно прибывшего из медсанбата и направленного в разведроту Виктора Белозерова.

А тот был уже обстрелянным бойцом. Вначале воевал минометчиком в 16-й Литовской дивизии, затем в расчете станкового пулемета. Был ранен. После излечения в госпитале и медсанбате попал в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Командир дивизии и все находившиеся с ним офицеры штаба понимали, что в такой обстановке трудно рассчитывать на бесшумные действия разведчиков. Поэтому с целью прикрытия в условленное время было решено на фланге завязать перестрелку.

В полночь, проверив оружие и снаряжение, разведчики поползли к прибрежным кустам, за собой они волокли надувную лодку. Как только луна скрылась за тучами, они быстро переправились на противоположный берег.

Теперь Бигильдину предстояло действовать одному. Задача у него была вроде простая: подползти к окопам вражеского боевого охранения, а там — как покажет обстановка. Бигильдин знал, на что идет.

Но гитлеровцы неожиданно сами облегчили его задачу. Не прополз разведчик и сотню метров, как услышал подозрительный шорох. Приподнялся и увидел четырех гитлеровцев — дозор. Как только фашисты миновали притаившегося разведчика, Бигильдин выскочил и, направив на них автомат, тихо скомандовал: «Стой!» Два гитлеровца, пригибаясь метнулись в сторону. Разведчик не стал по ним стрелять, потому что остальные стояли покорно, вздернув руки вверх. Так потихоньку и привел он «языков» к кустам, где его ждали товарищи.

Тут же, на переднем крае, лейтенант Шаевич допросил пленных, которые сообщили важные для комдива сведения — о системе обороны и численном составе противостоящей вражеской части.

После часовой артподготовки 14 сентября дивизия перешла в наступление. Совместно с 44-й стрелковой дивизией 12-й гвардейский корпус наносил удар в направле-

нии города Валги. 19 сентября сильно укрепленный узел сопротивления был взят.

Передовые отряды 1-й ударной армии вырвались вперед. В этой обстановке надо было наращивать темп наступления, и командир дивизии гвардии полковник Симонов торопил свои части. Он приказал передовым отрядам действовать решительнее, перерезать коммуникации противника, устраивать на пути его отхода засады.

Едва начало светать, командир 155-го гвардейского стрелкового полка подполковник Романов вызвал на КП командира пулеметной роты старшего лейтенанта Иванцова.

Константин спешил на КП, теряясь в догадках: «Зачем я понадобился так рано?» Провинностей за ним никаких не было, рота хорошая, но ведь всякий вызов к начальству невольно порождает сомнения: а вдруг где-то оплошал?

На КП Иванцов доложил о прибытии.

Командир полка без лишних предисловий объяснил, в чем дело:

— Звонил командир дивизии, приказал выделить надежного офицера.— Романов сделал упор на слове «надежного» и, взглянув на старшего лейтенанта, продолжал:— Я рекомендовал тебя, Иванцов. Предстоит выполнить ответственное боевое задание, как я понял...

— Какое? — спросил Иванцов.

— Все подробности узнаешь в штабе дивизии, немедленно отправляйся туда.

Иванцов прибыл в штаб дивизии. Там его уже ждали.

Подполковник Пантюхов, разложив карту, коротко пояснил:

— Видите, станция,— указал он карандашом,— здесь железная дорога пересекается с шоссейной, стало быть, тут мост. Задача — не дать противнику взорвать этот мост и продержаться до подхода основных наших частей. Вам придается машина, семидесятишестимиллиметровое орудие с расчетом. Сколько возьмете своих?

— Один станковый пулемет,— подумав, ответил Иванцов.— Надо бы выделить и расчет ПТР.

— Хорошо, выделим,— сказал начальник штаба.— И чтобы знали: у немцев сплошной обороны нет, шоссе прикрывает лишь пост. Это нам на руку. Немедленно приступайте к выполнению приказа...

Группа — всего четырнадцать человек с водителем — отправилась на выполнение боевого задания. На максимальной скорости машина проскочила участок шоссе, где находился вражеский пост. Гитлеровцы, очевидно, не поняли, что все это значит: чья машина, откуда. К тому же утро было туманное. Вдогонку смельчакам прострочили два автомата, но было уже поздно: пули никого не задели.

Не доезжая до станции, машина остановилась.

— Смотри, сержант,— сказал Иванцов командиру орудийного расчета.— Отсюда обзор хороший. Занимай здесь позицию, прикроешь нас огнем в случае чего. Остальные пойдут со мной.

Выслав вперед двух бойцов, Иванцов с группой, укрываясь за насыпью, последовал к ним.

Бойцы осмотрели бараки — никого. Только в просторном блиндаже обнаружили нескольких женщин с детьми. На вопрос, где немцы, они ничего толком не ответили.

— Обстановка неясная,— хмурясь, сказал Иванцов, выслушав доклад бойцов.— Устанавливайте пулемет на этот блиндаж. Расчету ПТР занять позицию слева. Проскуров, ты останешься со мной, будешь вторым номером.

Младшего лейтенанта Гусева с тремя бойцами Иванцов выдвинул за мост, а сам остался у пулемета.

Ждать долго не пришлось. Вскоре из-за леса показался паровоз с тремя пустыми платформами, дал гудок и стал медленно проближаться к мосту. Иванцов припал к пулемету и метров с четырехсот обстрелял паровоз. Но он оказался бронированным, к тому же вооруженным автоматической пушкой. Гитлеровцы дали несколько очередей по станционным постройкам и отошли.

Прошло меньше получаса, когда с той же стороны показался другой поезд, на платформах стояли танки.

— Ну держись, Никола,— сквозь зубы процедил Иванцов.— Кажись, дело худо.

Довернув ствол пулемета, он дал длинную очередь вдоль состава, на платформах которого маячили фигурки солдат. Петеэровцы тоже сделали несколько выстрелов. Иванцов успел еще услышать два-три выстрела противотанкового орудия, как все заглушил грохот разрывов. Сразу же погиб расчет ПТР.

Гитлеровцы до того спешили с переброской техники, что не стали выяснять, кто перед ними, полагая, что

случайный заслон смят; машинист прибавил ходу, состав прогромыхал по мосту и скрылся за поворотом.

Иванцов и Проскуров выбрались из блиндажа, в котором они укрылись, молча переглянулись, понимая, что уцелели чудом.

Пулемет, к счастью, оказался в исправности.

— Приведи-ка в порядок наше оружие,— сказал Иванцов, поднимаясь на блиндаж, приподнятый благодаря накатнику над землей. Отсюда была видна железная дорога, мост и выемка шоссе, проходящего под ним. «Что теперь делать? — думал он, пытаясь разобраться во всем, что только что произошло.— Состав пропустили, но мост цел. Как быть дальше?»

Старший лейтенант вдруг вздрогнул: в километре, не более, он увидел густую цепь вражеских солдат, пробиравшихся через мелколесье. Вот-вот они выйдут на чистое, будто выстриженное под машинку поле.

— По местам! — скомандовал он себе и Проскурову, ложась к пулемету.

Подпустив гитлеровцев метров на триста, он открыл огонь. Цепь расстроилась, враги заметались, залегли. Минуты через три они вновь поднялись, строча из автоматов, перебежками стали наступать.

Иванцов длинными очередями снова положил фашистов на землю.

— Патронов штук тридцать осталось,— торопливо доложил Проскуров.

Выпустив остаток ленты, Иванцов вынул замок, сунул в карман.

— Отходим,— приказал он Проскурову.— За мной!

— Я прикрою, товарищ старший лейтенант.

— За мной, не отставать,— повторил Иванцов.

Укрываясь за постройками, выбрались на картофельное поле. Где ползком, где перебежками, они достигли опушки леса. Здесь их нагнали бойцы. Группа вышла к небольшой высотке. Залегли, стали наблюдать.

Гитлеровцы почему-то не решились идти дальше моста, постреляли и тоже залегли.

Иванцов с бойцами перекоротали ночь в лесу. Перед рассветом подошли подразделения 153-го стрелкового полка, а следом рота старшего лейтенанта Трубникова. Гитлеровцы, не приняв боя, отступили.

— Костя, живой! — Трубников обнял Иванцова.— А мы вас уже похоронили.

— Да что я,— как-то вяло ответил командир пульроты.— Задание мы свое выполнили...

А потом хоронили убитых.

Пока бойцы подравнивали могилу, Иванцов молча стоял с краю, скорбно переживая события вчерашнего дня.

Прозвучал троекратный залп. И появился близ дороги еще один могильный холмик с деревянной пирамидкой, увенчанной красной звездой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РИГИ

1

В последних числах сентября сорок четвертого командиром дивизии снова стал гвардии генерал-майор Нестор Дмитриевич Козин.

После излечения в госпитале Козин был направлен на краткосрочные курсы при Академии Генерального штаба. Все это время он переживал за свою дивизию, с которой прошел длинный путь с самого начала войны. И вот он среди боевых друзей, с кем пришлось многое пережить, делить радости и горести.

Войска 3-го Прибалтийского фронта с боями продвигались к Риге. Ленинградский фронт к тому времени уже освободил столицу Эстонской ССР Таллин и продолжал гнать противника вдоль Рижского залива. Но и гитлеровское командование прилагало немало усилий, чтобы удержать Прибалтику, прикрывавшую путь к Восточной Пруссии. На рижском направлении были сосредоточены основные силы немецкой группы армий «Север», была построена глубоко эшелонированная оборона, проходившая по выгодным естественным рубежам. Потому этот участок обороны сразу преодолеть не удалось.

Обстановка изменилась в начале октября. В связи с активными боевыми действиями 1-го Прибалтийского фронта противник вынужден был снять несколько дивизий из-под Риги и перебросить их в Литву, на клайпедское направление. В это же время начался отвод вражеских войск ближе к городу. Как только это стало известно советскому командованию, был отдан приказ о преследовании противника.

Но чем ближе подходили части соединения к Риге, тем ожесточеннее становилось сопротивление гитлеровцев. Форсировав реку Маза-Юглы, полки дивизии достигли предместья города и здесь были встречены хорошо организованной обороной фашистов.

Поставив боевую задачу ротам, капитан Шалыгин со своего КНП в бинокль оглядывал поле боя. Местность ровная, за полем в окружении садов постройки под красными черепичными крышами, дальше сосновый лес. А что за ним?

Шалыгин видит, как передвигаются по полю бойцы: короткие перебежки, залегают, снова вперед. Немцы пока ведут вялый минометный огонь, вроде ждут чего-то, похоже, готовят какую-то каверзу.

Комбат подкручивает бинокль, видит, как бойцы первой роты скрываются в посадках. И тут его слух улавливает густой гул танковых моторов. «Вот оно что»,— успел подумать он, и сразу же из-за леса ударила вражеская батарея и вокруг хутора встали черные султаны разрывов.

Рота Трубникова, не встречая вражеского сопротивления, уже овладела всем хутором — десятком дворов с постройками,— когда начался артналет. Тогда же из ближнего леса вышли два танка, за ними бежали автоматчики. Гитлеровцы стали охватывать хутор справа и слева.

Еще не понимая, что произошло и в каком опасном положении оказалась его рота, Трубников вбежал в дом, огляделся. Увидев лестницу, ведущую на мансарду, кинулся вверх. Отсюда, с высоты, он сразу оценил обстановку: да, гитлеровцы намереваются взять его в клещи. Холодные мурашки пробежали по спине. Ротный чуть ли не кубарем скатился по лестнице.

— Связной, ко мне! — крикнул он.— Бегом в первый взвод, всем занять круговую оборону! — И ординарцу:— Миша, пулей к Шингалову, чтоб прикрыл правый фланг.

Трубников выскочил на крыльцо, и тут же вблизи рванул снаряд. Александр мигом укрылся за углом дома. Другой снаряд врезался в крышу, ротного осыпало битой черепицей, кирпичным крошевом. Оглушенный, он осторожно приподнял голову и увидел ход сообщения, узкой

щелью тянувшийся меж кустов в глубину сада. Не раздумывая, Трубников кинулся к этому ходу, по нему он добрался до окопов, отрытых немцами по краю посадки, окружавшей фруктовый сад.

Ротный нашел Аргунова в траншее. Лейтенант из-за бруствера следил за серыми фигурками вражеских солдат, бегущих за танком.

— Без команды не стрелять! — передал по траншее Аргунов и, обернувшись к Трубникову, добавил: — Попались, как черт в ступку.

— Ну это еще посмотрим,— переводя дух, возразил командир роты.— Где твои пулеметчики?

— Вон там их позиция,— махнул рукой Аргунов.

— А бронебойщики?

— Там же, вперед выдвинулись.

Отдав необходимые распоряжения, старший лейтенант направился тем же ходом сообщения на правый фланг во взвод Шингалова. Понимая, что попал в трудное положение, Трубников был уверен, что комбат Шалыгин уже принимает меры, что и в штабе полка знают о неожиданной контратаке гитлеровцев, а значит, его роте помогут, непременно помогут.

Не отбежал он и сотни метров, как сзади короткими очередями стали бить «дегтяри», застрочили автоматы, перекрывая треск очередей, раз за разом ударили бронебойщики.

«Началось»,— еще больше тревожась, подумал Трубников, прислушиваясь к усилившейся стрельбе на правом фланге...

Это был упорный бой. Один танк удалось подбить, а затем петеэровцы из роты лейтенанта Баева подожгли его, и теперь он догорал метрах в ста пятидесяти от хутора. Другой танк с расстояния поддерживал пушечным огнем свою пехоту. Гитлеровцы несколько раз бросались в атаку, но, встреченные плотным огнем, теряя убитых и раненых, отходили.

Как ни трудно было бойцам первой роты, они держались. Был момент, когда казалось, фашисты ворвутся в боевые порядки. Но, так и не сумев прорвать оборону гвардейцев, немцы прекратили атаки. И тогда во фланг противнику, уверенному, что еще один натиск — и рота будет смята, ударили бойцы соседнего батальона. Это два взвода под командованием старшины Панченко и младшего лейтенанта Храмцу пришли на выручку роте Трубникова.

2

Дивизия готовилась к решительному наступлению на Ригу. Создавались штурмовые группы, командиры разъясняли бойцам особенности уличных боев в условиях большого города.

В те дни газета «За Родину» обратилась с призывом ко всем воинам 3-го Прибалтийского фронта, в нем были такие слова:

«До Риги — считанные километры. Мы под ее стенами. Еще одно усилие, и Рига вновь станет советской».

Рано утром 11 октября после артиллерийской подготовки дивизия двумя полками перешла в наступление, выбила гитлеровцев с первой позиции. Чтобы не снижать темпов наступления, командир дивизии гвардии генерал-майор Козин через сутки ввел в бой 153-й полк.

Два усиленных батальона с разведчиками устремились вперед, имея задачу обходить встречающиеся на пути опорные пункты, как можно глубже проникнуть в город. Такие действия имели определенную цель: не дать гитлеровцам взорвать важнейшие промышленные предприятия, здания, представляющие историческую ценность.

Опорные пункты доколачивали подразделения, следовавшие за штурмовыми отрядами. Гвардейцам помогало местное население. Жители, рискуя жизнью, выбегали навстречу бойцам, объясняли, где скрываются гитлеровцы или указывали те участки улицы, которые фашисты успели заминировать.

Хотя 155-й полк был выведен во второй эшелон, но его задача — развивать наступление, выкуривать гитлеровцев из всех нор — тоже была не из легких.

По всей восточной окраине города гремел бой, строчили автоматы и пулеметы, наши и немецкие,— Трубников определял их по звуку. Мины рвались с каким-то особенным оглушительным треском, эхо удесятеряло грохот разрывов.

Прижимаясь к стенам домов, бойцы перебежками продвигались вперед по узкой улице. Вдруг из одного дома метнулась под арку на противоположной стороне группа вражеских солдат. Из подвала дома, стоявшего под углом, ударил пулемет, застрочили автоматы.

Рота залегла. Гитлеровцы прижали к земле наших бойцов. К Трубникову подполз младший сержант Савельев, переводя дух, выкрикнул:

— Обходить надо!

— Действуй. Возьми трех человек, да будь осторожен.

Смельчаки ползком проникли во двор, встали на ноги. К счастью, из этого каменного колодца был второй выход. Младший сержант оглядел улицу, щель между створками ворот, махнул рукой, и бойцы один за другим, пройдя через калитку, собрались под аркой.

— По одному, за мной, бегом!— скомандовал Савельев.

Трубников спрятался за спасительными каменными ступеньками крыльца. Гитлеровец из пулемета теперь стрелял короткими очередями: заметит подозрительное шевеление — и тут же очередь. Только пули, рикошетя, со свистом отлетали от стен. Уверенный в себе попался фашист.

Не зная, в каком положении находится Савельев, ротный хотел было послать вторую группу, но вдруг раздался тугой подземный удар, второй — и пулемет замолчал. Теперь отчетливее раздавалась автоматная трескотня в здании.

Трубников вскочил на ноги, скомандовал:

— Рота, за мной!

Он вместе с группой бойцов добежал до дома, рванул парадную дверь подъезда и остолбенел: на крутой лестнице, шагах в трех, стоял гитлеровец с занесенным в правой руке топором. Все произошло в считанные секунды, и потому он никак не воспринял короткую очередь рокотнувшего за спиной автомата.

— Еще б чуток — и он вас...— внушительно пробасил боец с автоматом, спасший ротного. Он перешагнул через мертвого гитлеровца, буркнул:— Надо же, до топоров у них дошло. А ну проверим, что там наверху.— И затопал по ступенькам.

От пережитого Александра трясло, знобило. Перед глазами так и стоял ощеренный рот врага и занесенный над головой топор. Отплевываясь и ругаясь про себя, он вышел из подъезда, с облегчением вздохнул.

А к нему уже спешили два бойца, конвоировавших взятого в плен гитлеровского офицера.

— Товарищ старший лейтенант,— торопясь, доложил боец.— Чего это он все долдонит, может, что важное сказать хочет.

— Где Мелехов?— спросил ротный, зная, что тот сносно может объясняться по-немецки.

— Я здесь, товарищ старший лейтенант,— подбегая, доложил боец.

— Спроси его, в чем дело.

Мелехов задал вопрос и, выслушав немца, озадаченно развел руками.

— Говорит, русские дерутся, как звери.

— Как звери?— сквозь зубы произнес ротный.— Переведи ему, чтобы запомнил навсегда: двуногие звери пришли в нашу страну, и мы мстим фашистам, мстим за все их злодейства.

Когда Мелехов перевел ответ, Трубников распорядился:

— Отведите его к комбату...

Продолжая уничтожать отдельные вражеские очаги сопротивления, подразделения 155-го полка квартал за кварталом очищали правобережную часть города от гитлеровцев.

Командир полка, получив данные, что в районе кладбища передовой отряд наткнулся на упорное сопротивление противника, направил туда два батальона, которым были приданы танки и артиллерия.

К утру 13 октября рота Трубникова заняла исходный рубеж.

Первым старшего лейтенанта встретил незнакомый сержант, командир штурмовой группы.

— Так, так,— сказал Трубников, выслушав доклад сержанта.— Где они засели, посмотреть можно?

— Пройдемте на второй этаж, оттуда все видно, но будьте осторожны,— предупредил сержант.— Чуть чего — чешут из пулемета, спасу нет.

Они поднялись по лестнице, прошли темным коридором к серевшему оконному проему. Шагах в трех от окна остановились.

— Ближе не подходите, еще заметят,— напомнил сержант.— А теперь смотрите. Вон там, в конце квартала, у них баррикада, дальше ограда и кладбище за ней, там фрицев не меньше батальона.

— Знаю,— сказал Трубников.— Обойти не пробовали?

— Попытались, да ничего не вышло, все подступы простреливает, фаустники бьют. Тут танк нужен, артиллерия.

— Будет и то и другое,— ответил старший лейтенант.— Слышишь, уже подходят.

Сержант прислушался:

— Верно, ну я побегу к моим ореликам, разрешите?

— Давай жми, а я к танкистам, они же не знают, что впереди, не нарвались бы...

Трубников спустился во двор и поспешил к остановившемуся за углом танку. Встретившись с командиром машины, он передал ему все, что услышал от сержанта и что сам увидел из окна.

— Понятно,— ответил танкист,— а для прикрытия выдели-ка пяток своих автоматчиков, все будет надежнее, чтоб не подкрался какой-нибудь гад с фаустпатроном.

Атака началась сразу, как только полковые орудия ударили по гитлеровцам, укрепившимся за кладбищенской стеной и завалами.

Следом пошли танки, приданные батальонам, огнем пушек они подавляли пулеметные точки. Все ближе баррикада, оттуда хлещут автоматы и пулеметы. В ответ танкисты шлют снаряд за снарядом. Завал окутывается черным дымом.

Трубников понимал: нужен еще один решительный рывок, и рота овладеет этой проклятой баррикадой.

— Вперед!— подбадривал бойцов ротный, глядя на пробегавших мимо автоматчиков.

Взвод Аргунова почему-то замешкался, бойцы залегли за выступом здания.

«Чего они там?» — успел подумать Трубников; пригнувшись, оторвался от стены, и вдруг рядом оглушительно грохнул разорвавшийся фаустпатрон, тугая волна кинула старшего лейтенанта на булыжную мостовую, он потерял сознание.

Александр уже не мог видеть, как поднялась его рота, как действовали бойцы. И не слышал голоса командира санвзвода, склонившегося над ним, не почувствовал, как несли его на носилках. Очнулся уже в санитарной повозке, когда ее тряхнуло раз-другой на выбоинах.

Так, с контузией, Трубников попал в медсанбат.

А полк продолжал бой. Засевший на кладбище батальон гитлеровцев был разгромлен. Бойцы продвигались дальше, за товарной станцией захватили автоколонну, взяли в плен до сотни вражеских солдат и офицеров.

В то же время с юго-запада наращивали удары передовые части 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. Рижский гарнизон противника был деморализован,

нарушилось управление войсками. Отдельные части, чтобы избежать окружения, прорывались на запад вдоль берега, другие уходили морем.

К исходу дня 14 октября, когда наши войска заканчивали ликвидацию очагов сопротивления гитлеровцев, 52-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена в резерв армии.

Старший лейтенант Трубников, подлечившись в медсанбате, догнал свою часть, когда она вела бои уже на новом направлении.

В конце ноября дивизию снова сняли с переднего края. Целый месяц она находилась в резерве, приводила себя в порядок, пополнялась людьми.

В конце декабря поступил приказ грузиться в эшелоны. Соединение перебрасывалось с балтийского побережья под Варшаву. Начиналась новая страница в героической летописи ратных дел 52-й гвардейской стрелковой дивизии. Предстояли бои за освобождение Варшавы, в Померании, форсирование Одера и, наконец, Берлинская операция.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Демобилизовался Трубников в сорок седьмом году. Вернулся на свой завод имени 1 Мая, работал, без отрыва от производства окончил торговый техникум. Тогда и перешел на новую работу, вначале был заместителем директора столовой одного из крупных заводов в Тушине, затем его назначили директором.

Тот воскресный день в конце июля был солнечный, яркий. На рейде Химкинского водохранилища, украшенном флагами расцвечивания, стояли корабли. Набережные заполнили тысячи москвичей — праздновался День Военно-Морского Флота.

Трубников — он проверял работу своих торговых точек — вышел из павильона, но тут же его окликнула буфетчица.

— Александр Никанорович, там какой-то гражданин спросил: «Это Трубников?» Я сказала «да», он просил вас позвать...

Он вернулся в павильон, огляделся и... остолбенел: перед ним, застенчиво улыбаясь, стоял Тихон Аргунов. Трубников сразу узнал своего взводного. Все такой же поджарый, только в русой шевелюре седина.

Обнялись боевые друзья, взяли по кружке кваса, пристроились за свободным столиком. И пошло: «Где, да как, да когда?» О многом переговорили в тот день ветераны. Вспомнили боевых товарищей, с кем делили тяготы окопной жизни в лесах под Невелем, наступали с плацдарма на реке Великой, и как брали маленький городишко Фраенвальде, за взятие которого Трубников был награжден орденом Кутузова III степени, наконец, штурм Берлина. Вспомнили и тех своих бойцов, кто погиб незадолго до конца войны — сержанта Карима Султанова, младшего сержанта Ивана Савельева, удостоенного за форсирование Одера высокого звания Героя Советского Союза посмертно, и геройски павшего вместе с ним Петра Осипова.

— А помнишь командира отделения сержанта Анатолия Шаронова?— спросил Трубников.

— Еще бы,— ответил Аргунов.— Он на Одере отличился, храбрый был парень.

— В самом Берлине погиб,— вздохнул Трубников.— Девять дней оставалось до Победы. И знаешь: на родине Шаронова в Борском районе Горьковской области его именем школу назвали, в которой он учился...

Друзья помолчали. Должно быть, они снова мысленно перенеслись в то суровое время, когда шли бок о бок дорогами войны.

Да, годы идут. Александр Никанорович Трубников вышел на пенсию, но продолжает трудиться. Через совет ветеранов 52-й гвардейской стрелковой Рижско-Берлинской орденов Ленина, Суворова и Кутузова дивизии он установил связь с однополчанами, переписывается с ними. Трубникову пишут красные следопыты клуба «Салют» имени Гавриила Григорьевича Пантюхова из белгородской школы № 10, получает он письма с родины Султанова и Шаронова.

Большую военно-патриотическую работу ведет совет общественного музея боевой славы города Виляны Резекненского района Латвийской ССР, руководимый бывшим стрелком-радистом штурмовика Михаилом Андреевичем Липиным. В экспозиции музея — стенды, фотоснимки, рассказывающие о героическом прошлом, о ратном подвиге советских воинов, освобождавших Латвию от фашистов. Когда в совете ветеранов дивизии узнали о существовании такого музея, то сразу завязали переписку с его активом.

Об этом Трубникову сообщил заместитель председателя совета ветеранов дивизии гвардии капитан в отставке Лев Леонидович Питиримов, напомнил Александру Никаноровичу, чтобы тот представил фотоснимки военных лет. В результате музей пополнился новыми документами о боевых действиях 52-й дивизии, а тридцать ее ветеранов получили памятные адреса от совета музея боевой славы.

Получил такой адрес ко дню рождения и Трубников.

В нем говорилось:

Дорогой товарищ!

Решением совета музея боевой славы от 28 декабря 1982 г. за активную помощь и содействие в его работе, присланные в дар музею экспонаты и сувениры и воспоминания о боях за наш родной уголок, в память о Ваших ратных делах во время войны на нашей латвийской земле, проявленное Вами мужество, стойкость и самоотверженность Ваше личное фото с аннотацией занесено в книгу Почета музея.

Поистине дорогие сердцу ветерана слова, в них уважение и любовь к защитнику Родины.

ФЕЛЬДШЕР ВТОРОГО БАТАЛЬОНА

КОГДА НЕ ПИШУТ СЫНОВЬЯ

Тревога овладела ею еще на большой перемене, когда собравшиеся в учительской преподаватели обсуждали свои житейские дела — кому и чем отоварили продовольственные карточки, да когда богатый дядя «Промстрой», шефствующий над школой, подкинет им талонов на промтовары. И это были не досужие разговоры: шел сорок четвертый военный год, всем в глубоком тылу жилось трудно, тем более учителям и служащим, пайки у которых были чуть ли не на половину меньше, чем у рабочих.

Ангелина Петровна — она проверяла сочинения по литературе учеников 9«Б» — в разговор не вступала, но все, что из слов коллег представляло и для нее какой-то интерес, улавливала. И тут кто-то сказал, что у соседей горе — пришла похоронка. Женщины заохали, наперебой стали вспоминать своих бывших учеников, кто погиб, кто жив и воюет, шлет письма, сообщает о наградах, повышении в должности или звании.

Ангелина Петровна кое-как дочитала очередное сочинение, отметила красным карандашом орфографические

и синтаксические ошибки и отложила тетрадь. Запахнув шаль на груди, она уставилась в окно. В таком оцепенении сидела с минуту. Наконец, взглянув на оставшуюся стопку тетрадей, решила, что доделает эту работу дома: авось сегодня не отключат электричество, а если и отключат, то можно и при лампе, керосин в ней еще оставался. Обо всем этом она подумала так, по привычке.

Разговор коллег неожиданно вернул ее к мыслям о сыне Виталии, от которого она уже давно не получала писем, и эти думы сейчас с непостижимой быстротой вытеснили из ее головы все намеченные на день планы.

А хотела она во время «окна» проверить сочинения, собрать комсомольцев-старшеклассников, участников художественной самодеятельности — начали готовиться к праздничному вечеру, посвященному двадцать седьмой годовщине Октября,— обсудить программу, чтобы ничего не ломать, когда начнутся репетиции. Эту общественную нагрузку Ангелина Петровна взяла на себя добровольно еще до войны: она сама неплохо пела под гитару или баян, ее отметили как способного организатора и постановщика. И, конечно, первой помощницей Ангелины Петровны была Маргарита Даниловна, молоденькая учительница, восторженная, полная самых радужных планов,— это благодаря ее энергии школьная самодеятельная труппа уже не раз выступала в Доме культуры строителей, в заводском клубе.

Школьная техничка тетя Шура прошла с колокольчиком по длинному коридору. За дверью учительской стихли голоса, пробежал, топая, кто-то из опаздывающих. Учителя разошлись по своим классам.

Тетя Шура была женщиной малограмотной, с виду суровой, со всеми своими делами управлялась споро. Понимая, что для военного времени она просто незаменимый в школе человек, тетя Шура держала себя с учителями на равной ноге; старшеклассники, даже самые отчаянные и заносчивые из эвакуированных москвичей, побаивались ее.

Техничка вошла в учительскую, поставила колокольчик на тумбочку, присела на табурет, прислонясь спиной к теплой голландке, провела гребенкой по прямым, темным с нитками седины волосам. Повздыхав, зевнув протяжно раз, другой, сказала простодушно, будто уже говорила об этом с Ангелиной Петровной:

— Петровна, верно, что сын-то у тебя санитаром служит? Да не пойму, почто его туда определили... Может, зря болтают?

Ангелина Петровна взглянула поверх пенсне на тетю Шуру, обиженно отвернулась.

— А мой-то племяш танкист, слышь, к награде ево представили,— с гордостью, вызывающе продолжала она.— Вчерась золовка прибегала с письмом: сын ее пишет, что его командиром к орудию поставили... Ох-хо-хо! — снова зевнула тетя Шура.— Кому какая судьба — война она не спрашивает. Может, твоему-то в санитарах и полегче,— снисходительно добавила она.

Слова технички снова кольнули Ангелину Петровну. Она уловила даже какой-то упрек, словно ее сын, Виталий, не то провинился перед кем-то, не то сплоховал — горько, обидно было слышать такое.

— Не знаю, тяжело ему или легко,— сдержанно ответила Ангелина Петровна.— Он ведь тоже на фронте, военный фельдшер,— добавила она.— Куда приказали, туда и пошел служить...

— Фелдшар? — недоверчиво спросила тетя Шура.— Я думала, туда одних девчат берут... Чудно́... А теперь где он у тебя?

Ангелина Петровна, чувствуя, как к беспокойству примешивается досада, не отвечала, сидела, по-прежнему глядя в окно. И тут из своей комнаты вышел директор школы, худощавый, в перетянутой ремнем шерстяной диагоналевой гимнастерке, Куранов, списанный по ранению еще в сорок втором году. Опираясь на палочку, он подошел к Ангелине Петровне, протянул газету.

— Посмотрите-ка, что я обнаружил... По-моему, очень подойдет для стенгазеты, а лучше сделать копию, в красках, конечно, вроде плаката для предстоящего вечера. И привязано конкретно к Уралу — это ведь тоже важно. Ну как?..

Ангелина Петровна искоса посмотрела на газету, пододвинула ее поближе. Вначале она подумала, что картина написана по мотивам сказов Бажова, но, вглядевшись, убедилась, что первое впечатление обманчиво, хотя в том седом старике было что-то бажовское. Художник изобразил, как на берегу горной реки работает старый кузнец, сам он как бы врос в землю, воедино слит с нею. На огромном пне — наковальня. «Могуч и ловок старик,— стала она читать текст к рисунку.— Неутомимо бьет он

чеканным молотом, заканчивает богатырский заказ — меч. Святой зарок принес кузнец — ночи не спать, сил не жалеть, а дать богатырям такой меч-кладенец, чтобы до самого Урала донеслось благодарное слово родных воинов:

— Спасибо, батюшка Урал, за булатный меч, за доброе боевое снаряжение...»

Мысленно соглашаясь с Курановым, она уже думала, кто из ребят сможет лучше нарисовать этот плакат, но думала как-то рассеянно, казалось безучастно, что не ускользнуло от внимания директора.

— Может, вам нездоровится, Ангелина Петровна? — Куранов как-то сразу расстроился, переложив палочку из руки в руку, склонился над ней. — Письма-то от сына нет?

Ангелина Петровна вздохнула, голос ее дрогнул:

— Не знаю, что и думать, Василий Дмитриевич.

— Да-а... Но не надо отчаиваться. Поверьте мне, на войне всякое бывало... И со мной... Может, его часть куда-то перебросили, номер полевой почты сменился...

Ангелина Петровна в военных делах не разбиралась совершенно, и потому в ее воображении порой рисовались образы весьма фантастические: так, полевая почта, например, представлялась ей в виде зеленой палатки, раскинутой посреди широкого поля, к которой с разных сторон спешат почтальоны. Конечно, понимая свою неосведомленность, она никому об этом не говорила. И сейчас, услышав слова «полевая почта», она с надеждой посмотрела на Куранова:

— В самом деле так бывает, как вы сказали? Он в последнем письме намекал на какие-то перемены. Но я так ничего и не поняла.

— Ведь я о том и говорю,— ответил директор. Он вынул жестяную коробочку с махоркой, стал скручивать папироску.— Потерпите и не расстраивайтесь.

— Но ведь почти месяц нет письма...

Ангелина Петровна помолчала, и неожиданная мысль осенила ее: «А может, как раз сегодня пришло письмо».

— Схожу-ка я домой на часок, Василий Дмитриевич,— сказал она.

— Конечно, конечно,— согласился директор.— Ваши часы не скоро, есть время.

Она быстро сунула в портфельчик учебники, тетради увязала в платок и, надев потертую кротовую шубку, вышла из учительской.

Ей надо было пройти через актовый зал. В этот час там проводил занятия военрук, в недавнем прошлом ученик Ангелины Петровны, получивший длительный отпуск по ранению. Десятиклассники стояли в две шеренги, а военрук командирским голосом объяснял что-то этим парням. Ангелина Петровна открыла дверь — военрук обернулся. Как бы спрашивая разрешения, она кивнула ему, он улыбнулся своей учительнице. Ангелина Петровна с каким-то жалостливым чувством окинула взглядом разношерстный строй и, подавив подступивший к горлу ком, торопливо, держась ближе к стенке, вышла на площадку и стала осторожно спускаться по ступеням чугунной, отполированной башмаками учеников лестницы.

Ангелина Петровна — в одной руке портфель, в другой стопка тетрадей — боком отжала тяжелую на пружине филенчатую створку, просунулась в проем. Дверь с глухим сердитым стуком захлопнулась за нею. Дул холодный ветер, небо было хмурое. С той стороны, где продолжалось строительство завода, доносилось лязганье металла и еще какие-то непонятные звуки, дым из труб и пар косо стлались над поселком, добавляя унылости в картины предзимья.

До дома было квартала два, и она теперь думала о том, что в квартире холодно — окна на зиму еще не заклеила,— значит, придется наскоро протопить железную печку. Вспомнила и о своих трех курицах, которых поместила на зиму в клетушку в прихожей, надо им корм задать: не велики заботы, а со всем приходится управляться самой. Хорошо, что с соседкой, тоже учительницей, она ладит: по воду ходят по очереди, а дров напилить, так и вовсе вдвоем сподручнее.

Под горку шагалось ей легко, ветер тоже был в спину; хорошо, что шубку сегодня надела: старенькая, а не продувает.

Ангелина Петровна жила в двухэтажном доме. Вместе с соседкой Людмилой Федоровной, женщиной одинокой, они занимали первый этаж пятистенка; наверху поселили семью какого-то начальника из эвакуированных. Казенное жилье она получила уже после смерти мужа, перед войной. Перевезла сундуки да узлы с частной квартиры, и зажили они с Виталием посвободнее.

Как и в любом горнозаводском поселке Урала, коренные жители имели обширные приусадебные участки, многие держали скотину. Был огород и при коммунальном доме, поделенный между жильцами по количеству едоков, который в военное время стал главным подспорьем для двух учительниц. Была и своя банька, что также представляло немалое удобство, потому что в общественную баню в строящемся Соцгороде попасть было нелегко: работала она посменно—день мужской, день женский, и очередь, разумеется, выстраивалась с утра.

За тесовыми воротами начинался обширный двор, огороженный высоким заплотом. Ангелина Петровна поднялась на крыльцо под навесом, опустила узелок и портфель возле двери. Почтового ящика у них не было, и почтальонша обычно просовывала письма и газеты в щель между дверью и порогом, так что снаружи не увидишь, есть почта или нет.

Она отомкнула висячий замок, толкнула дверь в сени, обшарила быстрым взглядом пол: нет, ничего на нем не лежало. Снова повела глазами по широким с потершейся краской половицам — пусто. Тогда она подхватила узелок с портфелем, перешагнула порог.

Войдя в свою комнату, она на какую-то минуту словно забыла, что собиралась сделать, не раздеваясь, присела на скрипнувший стул, опустив руки на колени.

Рыженький тощий котишко, вкрадчиво мяукая, вспрыгнул ей на колени, стал тереться головой о рукав.

— Что, Барсик? — Ангелина Петровна погладила котенка.— Ах, беда, и тебя надо покормить,— спохватилась она.

Скинув шубку, Ангелина Петровна затопила железную печку — тепло от нее недолгое, зато нагревает комнату в минуты,— поставила греться чайник и кастрюльку с ячневой жидкой кашей, заправленной постным маслом. Затем поспешила на кухню, вывалила из тазика в корыто корм курам. Те с жадностью, тесня друг друга, принялись клевать толченую картошку, перемешанную с пареной сенной трухой, разбрасывая по полу крошки. Она постояла возле клетушки и, глядя на птиц, незаметно для себя успокоилась, тоска отлегла от сердца, да и нервы свои распускать она не имела права; а прошедшие три тяжелых военных года укрепили ее дух и волю. Надо было держаться, делать свое дело и верить в грядущий светлый день.

В комнате стало совсем тепло. Поев каши и попив чая с брусничным повидлом на сладкой свекле, Ангелина Петровна сморилась, прилегла на кровать сына. Виталий не любил спать на мягком, сам оборудовал себе постель: «Чтоб как в охотничьей избушке, на нарах»,— говорил он.

Думы о сыне рождали в памяти матери разрозненные картины из их жизни уже вдвоем; вспомнились его поступки, увлечения. В полудреме лежала она на жесткой постели сына, и ей казалось, что подушка еще хранит запах его волос. Слезы сами собой потекли по ее щекам: «Виталий, где ты? Почему не пишешь?!» — прошептала она, как бы заклиная судьбу быть милостивой к ней, не оставить ее одну до последних дней жизни...

Ангелина Петровна любила сына с какой-то истовой ревнивостью. Но это была не слепая любовь, и Виталий ни по каким меркам не походил на маменькиного сынка. И лишь немногие коллеги Ангелины Петровны считали все же ее сына баловнем. Но и те немногие пасовали, видя, что она сама ни в чем не спускает сыну, не выделяет его среди остальных учеников. Сдержанно выслушивала Ангелина Петровна и замечания коллег, когда Виталий, как все мальчишки, озорничал в классе. Внешне она оставалась невозмутимой даже в тех случаях, когда сын плохо отвечал на уроке, хотя на самом деле это больше всего и огорчало ее. Она внутренне сжималась вся, боясь выказать свою обиду или вызвать сочувствие коллеги, и лишь скорбно, обещающе кивала в ответ.

Несмотря на свое решение строго поговорить с сыном, Ангелина Петровна, приходя домой, находила Виталия тоже расстроенным: он не умел лгать и всем своим удрученным видом как бы извинялся за причиненные ей неприятности. А затем наступало примирение, без лишних слов, как не требовала объяснений их глубокая привязанность друг к другу.

Эта привязанность еще сильнее окрепла после смерти его отца. Может быть, не осознавая вполне, лишь бы охранить ее от лишних забот, Виталий, как отметила она про себя, стал прилежнее в учебе, успевал сделать что-то и по дому: протирал пол в комнате, к ее приходу ставил в русскую печь к загнетке кастрюльку с супом.

Эту заботливость Виталия, его желание и готовность помогать взрослым отмечали и хозяева дома, у которых Ивашовы квартировали перед войной. Виталий подростком сам определил круг своих обязанностей: колол дрова,

подметал двор, зимой отгребал снег от ворот; когда их колодец перемерзал, возил на санках в бочке воду из дальнего колодца. Устанавливался санный путь — хозяин брал лошадь с конного двора, и они отправлялись на покос за сеном, в другой раз вывозили с делянки дрова.

«Виталька-то у тебя, Петровна, работящим растет,— говорила, радуясь, хозяйка.— Не углан... Покойный-то Сергеич как бы порадовался за сына».

От отца перешла к Виталию и страсть к охоте. Ангелина Петровна из воспитательных соображений поощряла увлечение сына охотой — уж лучше пусть ходит в лес, чем по вечерам станет слоняться в клубе или просто бить баклуши. «На ловца и зверь бежит»,— одобрительно говорила она, когда сын с гордостью выкладывал на кухонный стол пару рябчиков. И еще она видела, что Виталий, как бы поздно ни возвращался домой, перво-наперво чистил ружье, а потом уже садился за стол — это тоже было от отца.

1941 год. Все труднее складывалась жизнь у Ивашовых. Однажды Виталий спросил, не пойти ли работать, как поступили некоторые его сверстники. Ангелина Петровна, подумав, ответила: «Лучше учись пока, там видно будет...» А ему хотелось хоть как-то помочь матери. Уже перед самой весной разузнали они с приятелем, что на железную дорогу требуются временные рабочие копать канавы в снежных заносах для спуска талых вод. Неделю ходили они после школы на железную дорогу. Заработали по сто рублей и, к великой радости, еще и получили по буханке хлеба... Как он весь сиял, отдавая ей свои первые трудовые рубли!

Лишь один раз, в начале сорок третьего, между ними произошла размолвка. Виталий уже проходил курс всевобуча. Парней разбили по группам, которые стали называться отделениями. Три раза в неделю они собирались вечером в просторной конторе приискового управления: одно отделение изучало устройство винтовки или знакомилось с воинскими уставами, другие занимались строевой подготовкой, учились ползать по-пластунски. Затем группы менялись ролями. И так два часа.

Прошел месяц, и однажды математичка Полина Ивановна намекнула Ангелине Петровне: мол, сын твой совсем перестал выполнять домашние задания и на вопросы отвечал грубовато, чего за ним прежде не замечалось.

Ангелина Петровна недоверчиво посмотрела на нее, недоумевая, а осмыслив сказанное коллегой, рассердилась не на шутку. Дома она учинила Виталию строгий допрос. Сын сидел опустив голову, краснел и наконец зло и упрямо выпалил: «А зачем мне все это? Все равно скоро призовут в армию...»

Ангелина Петровна переменилась в лице, растерялась, она не ожидала такого ответа, была сбита с толку, но справилась с собой, негодуя, тюкнула сухим кулачком сыну в затылок, прикрикнула: «Как ты смеешь меня позорить! Почему другие не отлынивают, не один ты такой. Ты что, обреченный?» Но в то же мгновение она ужаснулась от этих резких своих слов, своего поступка. Она еще не успела прийти в себя, как Виталий рывком поднялся, слезы текли по его щекам, он кинулся к ней. Минуту стояли обнявшись, и она устало гладила сына по голове, постепенно приходя в себя от обиды на него...

В начале марта Виталий получил повестку. Посыльный из военкомата — такой же призывник — прибежал поздно вечером. Все было так неожиданно, что Ангелина Петровна растерялась: внутренне подготовленная к этому известию, она никак не могла сразу осознать, какая сила заключена в этом сером бумажном листке.

Но нельзя было не верить предписанию, в котором говорилось, что необходимо Виталию взять с собой, куда и к какому часу прибыть.

После отъезда сына Ангелина Петровна жила как бы вне времени и пространства, поглощенная думами о нем, ничего не зная, где он теперь.

Недели через две пришло от него первое письмо — сложенный треугольничком листок из тетради. Виталий писал, что он и еще двое знакомых парней попали в военно-медицинское училище, а находится оно в Молотове*, держат их пока в карантине, кормят хорошо, но он сильно скучает по дому...

Она грустила, ждала писем от сына — тем вроде и жила. А счастье ей привалило неожиданно. Вскоре после весенних экзаменов директор Куранов намекнул Ангелине Петровне, чтобы она обратилась к военкому, авось тот выдаст пропуск, и она съездит навестить сына.

Ангелина Петровна в изумлении посмотрела на Куранова:

---

* Ныне город Пермь. *(Прим. авт.)*

— Возможно ли это в военное-то время?

— Почему нет?.. Тут пути всего полсуток,— улыбнулся Куранов.— Хотите, я сам похлопочу?..

И все у нее сложилось как нельзя лучше. Вот она идет по незнакомому городу, училище расположено где-то в центральной части, вот останавливается у решетчатых ворот, за которыми прохаживается курсант с красной повязкой на рукаве. Почему-то робея перед этим парнем, торопливо начинает объяснять, кто она и зачем прибыла.

— Будет сделано, мамаша! — бодро отвечает курсант, окликает другого такого же парня в военной форме, скороговоркой отдает какое-то распоряжение и, обращаясь к ней, говорит: — Вы проходите, мамаша, отдохните вон там на скамейке,— указывает он на пятачок, окруженный кустарником и молодыми липами.— Сейчас его вызовут.

Ангелина Петровна вошла в крошечный скверик, поставила сумку, садиться не стала. В тревожном и радостном ожидании она оглядела сквозь редкую листву пустой широкий двор, длинное деревянное здание, стоявшее под углом к ней. И тут дверь казармы распахнулась, во двор стали выбегать курсанты, каждый занимал свое место в строю. С любопытством глядя на этих парней, она только и успела подумать: «Как они все похожи», и тут вдруг ее окликнул знакомый голос: «Мама!»

Она обернулась. Перед ней стоял навытяжку высокий парень. По близорукости и оттого, что Виталий был в непривычной для нее одежде, сразу не поняла, что это он. Парень заулыбался, шагнул ей навстречу. И тогда они обнялись.

Когда улеглась первая радость встречи, она внимательно оглядела сына. Форменная фуражка с лаковым козырьком, зеленые погоны с серебристыми галунами по краям, туго затянутый ремень, обмотки и начищенные грубые ботинки — все, все это отложилось в ее памяти. И еще она заметила пробивающийся темный пушок на верхней его губе. Сын показался ей другим, возмужавшим, что ли, во всяком случае уже не тем ласковым, домашним Виталькой, каким был до призыва...

Ангелина Петровна встала с постели, подошла к столу, посмотрела на серебряные карманные часы — память о муже,— висевшие на клюве чугунного орла: пора снова в школу. Взглянула в зеркальце в простенке, провела кончиками

пальцев по щекам. Лицо ее, до войны такое миловидное, теперь одрябло, появились новые морщины. «Фу, какая противная»,— подумала она и отвернулась. Не глядя больше в зеркало, поправила прическу и стала собираться.

А за окном ветер в палисаднике трепал иссохшие стебли цветов, траву. Редкая снежная крупка сыпала на дорожку и тут же таяла...

ЧТО ЖЕ ЭТО ВЫ, КОЛЛЕГА!

Октябрь на исходе, а здесь, в Прибалтике, тепло. Солнце, правда, показывается реже, дни стоят мглистые, перепадают дожди, но тепло, шинель пока не нужна. Красноармейцы, находящиеся на излечении в этом госпитале легкораненых, прогуливаются по двору в байковых халатах и пижамах. Офицерам привилегия: хотя тоже больные, но госпитальное начальство разрешило носить форму. Значит, можно и на танцы сходить в школу по соседству, куда собираются из ближайших хуторов девушки-литовки, парни допризывного возраста.

Уже месяц с лишним младший лейтенант медицинской службы Виталий Ивашов находится в госпитале. Это третий по счету. Сюда с группой больных его привезли с неделю тому назад — как он полагал, на долечивание. Вначале Виталия определили в госпиталь в Паневежисе, затем перевели в Даугавпилс (Двинск), тот самый, где началась его служба в должности фельдшера отдельного мостостроительного батальона, восстанавливавшего разрушенный мост через Двину. Госпиталь располагался в Форштадте — старой крепости на окраине города. Оттуда не выпускали, режим был строгий: погулять — пожалуйста, но не далее проходной, можешь взойти на крепостную стену и озирай себе окрестности с высоты.

Здесь вольготно. После утренних процедур и врачебного обхода до обеда ты свободен, хочешь — броди по лесным дорожкам вдоль озера, там к твоим услугам две-три лодки. Есть какая-никакая библиотечка.

Ивашов чувствовал себя вполне здоровым. Врач сказала, что лежать ему осталось от силы дней десять. Тогда-то он и напишет письмо домой матери. «А так,— рассуждал он,— зачем ее расстраивать, мало ли что подумает, пере-

пугается понапрасну, да и адреса полевой почты нет постоянного».

Виталий изнывал от скуки и безделья. Читать? Но сколько можно? Вечером еще куда ни шло: почти через день кино крутят. На танцы? Нет, танцевать он не умеет, девушек стесняется. Так и дотянул бы он до дня выписки, если бы не приключилась с ним эта неприятная история.

Госпиталь, в котором лежал Ивашов, занимал трехэтажный корпус — бывшее волостное сельскохозяйственное училище.

Здание, окруженное ровными рядами елочек, стояло на холме. С него открывался вид на широкое озеро, холмистые поля, тут и там раскиданные хутора, перелески, картина на первый взгляд вполне мирная, но, вглядевшись, можно было увидеть на скатах высоток извилистые темные трещины — траншеи с оплывшими, осыпавшимися брустверами, как суровые морщины на лике земли, свидетельствующие о прошедших здесь боях.

В офицерской палате — высокой светлой комнате — стояло двенадцать коек. Шесть из них занимают офицеры, седьмую — он, Ивашов. Народ этот был возрастом немного старше Виталия. Но все они были обстрелянными, бывалыми парнями, мало чему удивлявшимися, в общем, настоящими фронтовиками: еще недавно они командовали взводами, и лишь он, Ивашов, по сути, ничего пока не видел, не видел войны. А уж если не довелось воевать с оружием в руках, то хотя бы с честью выполнить свой воинский долг — готовили-то его как медика переднего края. А с чем он столкнулся на первых порах своей фельдшерской службы: фурункулами, ушибами да радикулитами.

Ивашов слушал рассказы товарищей о боях в районе Елгавы и Добеле близ Риги, на других участках, названия которых ничего ему не говорили, и думал, как обошла его судьба, и еще — завидовал. Завидовал хотя бы потому, что у каждого из этих парней красовался на груди если не орден, то две медали обязательно. Значит, отличились, проявили себя — ни за что ни про что не награждают. А он, Виталий Ивашов, в поле обсевок?

И его невольно тянуло к этим офицерам, среди шестерых обитателей палаты он сразу выделил артиллерийского лейтенанта Иноземцева. Смуглый, худощавый Иноземцев и пилотку носил с особым шиком, сдвинув ее чуть ли не на правое ухо, при том козырял с какой-то особенной лихо-

стью, когда сжатый кулак подносится к виску и тут же мгновенно распрямляется ладонь. У него одного были не кирзачи, а сшитые по ноге хромовые, всегда начищенные сапоги. Он один умел легко, с прищелкиванием пальцами пройтись в цыганочке. Когда Ивашов появился в палате, а Иноземцев, глянув на его узкие погоны с эмблемой-«гадючкой», воскликнул: «Живем, братцы, у нас есть свой доктор!»,— с той минуты и установились между ними отношения, как между старшим и младшим братьями.

Иноземцев стал как бы опекуном Виталия.

Ивашов сразу понял, что разбитной артиллерист — заводила в палате. Приближение вечера он встречал прибауткой:

— Что ж вы головы повесили, соколики? А? Идем на танцы!

Начинались сборы.

— Доктор, ты чего?.. Не танцуешь? Научим. Тут такие литовочки приходят, залюбуешься.

Но с танцами ничего не получилось: Ивашов наотрез отказался учиться.

— Вот это напрасно,— сетовал Иноземцев.— Ну посмотрел бы, как другие танцуют. Ничего ты не понимаешь. Кружишься с девушкой в вальсе, и душа твоя поднимается ввысь... Эх, доктор, чему вас только учили.

Иноземцеву же чаще доставалось от врача и за нарушение режима: то опоздает к отбою, провожая свою симпатию, то смотается к ней на хутор на весь день, что категорически запрещалось.

Однажды, когда Ивашов в ожидании обеда лежал с книгой, в палату вошел Иноземцев.

— Гляди, доктор,— сказал он, показывая из-под полы плащ-накидки две немецкие гранаты на деревянных рукоятках.— Трофеи наших войск.

— Откуда ты взял? — спросил Ивашов.

— Тут по высоткам оборона у них была. Залез в блиндаж, а они под нарами лежат, голубушки.

— А зачем принес?

— Как зачем? — удивился Иноземцев.— Голова два уха. Рыбу глушить. Пойдешь? Умеешь с этими «колотушками» обращаться?

Ивашов покачал головой: откуда, если он видит эти «колотушки» впервые.

Иноземцев отвинтил от рукоятки зеленый стакан, начиненный взрывчаткой, снял похожий на пенальчик алюми-

ниевый детонатор, затем открутил колпачок с торца деревянной трубки, изнутри выкатился стеклянный шарик на шелковом шнурке.

— Дергай шибче, кидай дальше, — пояснил он, взвешивая шарик на ладони, — и вся техника. А пока спрячь, сунь под матрац, что ли...

Затею Иноземцева в палате одобрили, а известный риск распалил охотничий азарт парней.

Уговорились отправиться на озеро завтра после врачебного обхода. Однако судьба-злодейка распорядилась посвоему. «Заговор» семерых злоумышленников раскрыла совершенно случайно не кто-нибудь, а нянечка, плотная, крепкая женщина, которая каждого из них звала не иначе как «сынок». Будучи вольнонаемной, она не признавала воинских званий.

Перед ужином, когда обитатели офицерской палаты смотрели кино, а Иноземцев с Ивашовым в обществе двух сестер Яни и Чеславы играли у них дома во флирт цветов, нянечка затеяла, как полагалось по графику, менять постельное белье. Она-то и обнаружила под матрацем Ивашова два предмета, назначение которых ей было неизвестно, однако женским умом угадала, что эти загадочные «игрушки» небезопасны, что в них скрыта какая-то злодейская сила. Вначале она оцепенела, но, вмиг совладав с собой, накрыла простыней находку и помчалась к сестре-хозяйке.

Старший сержант медицинской службы была поопытнее своей подчиненной — от Сталинграда до Литвы прошла с госпиталем, — решительно сграбастала гранаты, при этом отпустила в адрес раненых офицеров такое крепкое словечко, что даже нянечка покраснела и, сердито топая каблучками сапожек, умчалась в свою кладовую.

...Флирт цветов! Ничего подобного Виталий ранее не встречал. Удивительная игра! Все игроки молчат. Время от времени то один, то другой, обращаясь к партнеру, называет какой-то определенный цветок. За названием кроется вопрос, намек, ответ, отрицание предложения или, наоборот, согласие на знакомство — словом, флирт есть флирт. За безобидной «ромашкой», например, для Ивашова таился каверзный вопрос, подкинутый Яней: «Вы мне нравитесь. Но почему вы такой нерешительный?»

Виталий слегка покраснел, но, понимая, что тайна немого разговора будет соблюдена, нахально соврал, послал жестокий ответ «Герани»: «Вы ошибаетесь. Мы слишком мало знаем друг друга...»

Затем они пили чай — заваренную сушеную мяту, сестры угощали кавалеров ржаными коржами, был и сахар, прихваченный предусмотрительным Иноземцевым.

За разговорами и чаепитием время прошло незаметно. Вернулись в госпиталь они уже после отбоя. Часовой — солдат из команды выздоравливающих — не стал поднимать шум, пропустил загулявших офицеров, и они потихоньку прошмыгнули в свою палату.

Прежде чем раздеться и лечь, Виталий решил взглянуть на гранаты, отвернул матрац — пусто. Внутри у Виталия словно что-то оборвалось.

— Иноземцев,— шепотом окликнул он товарища и махнул ему рукой.

— Чего тебе? — спросил Иноземцев.

— Ты не брал гранаты?

— Нет.

— Куда же они пропали?

— Ты что, сбрендил? — Иноземцев подбежал к Ивашову. — Это ведь ЧП, если начальство узнает. Может, ребята убрали подальше?

Посовещавшись, они не стали будить товарищей: решили во всем разобраться после подъема.

Утро не принесло успокоения, а опасения и неясность стали еще больше. Иноземцев и Ивашов не на шутку встревожились: никто из пятерых, остававшихся в палате, гранат не брал. Но кто мог их взять?

Виталий нервничал, конечно, больше всех: как-никак, а гранаты лежали под его постелью. Договорились пока молчать — будь что будет. Но все понимали — беды не миновать.

Первая, кто на это намекнула, была медсестра, раздававшая лекарства перед завтраком. В палате ее не любили за острый язык и за то, что отвергала ухаживания молодых офицеров, а если случались нарушения предписанного режима, она сразу докладывала врачу. «Сухарь, старая дева», — ворчали ребята.

Востроносая, с колючими черными глазами и с ехидной усмешкой на тонких губах, она молча разложила по тумбочкам лекарства, а когда уходила, с нескрываемым злорадством кинула:

— Что, доигрались, товарищи офицеры? Разболтались вы. Я ли не предупреждала вас... Заварили горькое пиво — теперь расхлебывайте...

Медсестра ушла. Парни приуныли, молчали: чем-то все это кончится?

Иноземцев, обхватив себя за плечи длинными руками, прошелся между коек.

— Да-а! Дело пахнет керосином, — сквозь зубы процедил он.

В ответ молчание. И о чем тут говорить?

...Начальник госпиталя полковник медицинской службы Уваров, выслушав доклад капитана медицинской службы Евсеевой о случившемся в офицерской палате, рывком снял очки, доброе лицо этого уже немолодого человека приняло жесткое выражение. Он понимал всю меру опасности, которая угрожала раненым, мало ли что эти парни-фронтовики: чуть что — и не миновать беды. И это в его-то лечебном заведении?!

Помолчав, полковник распорядился:

— Прошу принести мне истории болезней этих офицеров... И прикажите, чтобы прибыли ко мне. По одному. Я поговорю с ними. И еще: с сегодняшнего дня я лишаю их права ношения формы. Обмундирование сдать на склад. Это мой приказ.

Уваров уже просматривал запись в последней истории болезни, когда в дверь постучали и в кабинет вошел по-юношески стройный офицер, в глазах — тревога.

Уваров, сделал вид, будто ничего не заметил, предложил Ивашову сесть к столу.

— Та-ак, больной Ивашов... — Помедлив, он перелистал его историю болезни, вздохнул: — Как себя чувствуете, на что жалуетесь?

Виталий с надеждой — вдруг пронесет — глянул на начальника госпиталя.

— Ни на что не жалуюсь, товарищ полковник медицинской службы.

— Отлично. Курс лечения вы прошли полностью. Пора в строй? — он изучающе посмотрел на Ивашова.

— Надо бы, товарищ полковник медицинской службы, здоров я, — ответил Виталий, несколько смутившись под пристальным взглядом врача.

— Отлично, — повторил полковник. — А теперь, коллега, извольте рассказать, что у вас произошло в палате?

Виталий сразу почувствовал над собой какую-то непонятную власть полковника Уварова: врач обладал удивительной способностью проникать в мысли собеседника. В голове Виталия все перемешалось, он опустил глаза, покраснел до корней волос: ему стало мучительно стыдно перед этим пожилым человеком, который назвал его «коллегой» и тем самым уравнял с собой и как бы лишил возможности солгать или прибегнуть к каким-либо уверткам.

Но Ивашов не умел лгать и тем более идти против совести. И не признание своей вины как таковой угнетало его, а последствия и наказание, тяжесть которого вырисовывалась ему с самой мрачной стороны.

Наконец, собравшись с духом, Виталий рассказал все как было.

Полковник Уваров выслушал Ивашова и, кивнув, сказал:

— Решили поразвлечься, значит? Н-н-да. Хорошо, с Иноземцевым будет разговор особый... Но вы, Ивашов, догадываетесь, в чем ваша вина?

Виталий был опустошен, подавлен, и что он мог сказать в свое оправдание?

— Вы комсомолец? — спросил врач.

— Да, товарищ полковник.

— Комсомолец, офицер, как же вы позволяете себе нарушать воинскую дисциплину да и другим потакаете? Что молчите? — Полковник потер пальцами лоб. — Ах, молодой вы человек! Что же вы не доложили сразу?

— Не подумал, товарищ полковник, — упавшим голосом произнес Виталий.

— Не подумали или не хотели выдавать товарища? Вот ведь в чем вопрос: сегодня вы покрыли одного нарушителя дисциплины, а завтра... Представьте, если перед вами оказался бы явный преступник или враг, что тогда? А на фронте неосмотрительность стоит жизни... — Уваров помолчал. «В сущности, этот Ивашов неплохой парень, — размышлял он. — Честно во всем признался, но мальчишества в нем — впору отбавлять. И что мне делать?» — У вас есть родители? — неожиданно спросил полковник.

— Дома одна мама осталась, — ответил Ивашов.

— Видите, как вы ласково сказали — «мама». Стало быть, думаете о ней, и она переживает, небось, не одну слезу пролила — сын-то на фронте. А ну как напишу

ей о ваших выкрутасах, мол, в том-то и том-то отличился сыночек. Есть у меня такое право! Понимаете?

Чего-чего, а этого Виталий не ожидал, ужаснулся сердцем, в памяти тут же возник образ матери: вот она, вся какая-то надломленная, провожает его на станцию, шаркая калошами по раскисшему снегу, а вот радостно-суетливая во время встречи у проходной училища. Неужели ко всем переживаниям матери добавится и письмо такого позорного содержания? Нет, это невозможно. Виталий поднял голову, посмотрел в глаза Уварову, сдавленно пробормотал:

— Не пишите маме, товарищ полковник...

— И я о том же подумал, — ответил начальник госпиталя и постучал пальцем по столу. — Это вам хороший урок, запомните навсегда. А теперь ступайте, я вас выписываю, получайте документы, направляю вас в распоряжение санитарного отдела фронта...

Ивашов ликовал. И как было не радоваться, если вся эта история с гранатами закончилась для него более или менее благополучно. А за головомойку, которую учинил ему начальник госпиталя, он не обижался. Поделом!

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В оставшиеся до обеда часы Ивашов получил двухсуточный сухой паек, документы на все виды довольствия — продовольственный, денежный и вещевой аттестаты, — забежал в палату попрощаться с товарищами. Парни, а больше всех Иноземцев, были удручены происшедшим — в халате теперь далеко не разгуляешься.

— Ну, прощевай, доктор, — сказал Иноземцев, пожимая руку Виталию. — А живы будем, может, встретимся. И не журись. Нам начальник госпиталя тоже всыпал по двадцать первое число. Авось, переживем. Ну, еще раз будь...

От госпиталя до шоссе километра три. Шагая по проселку, Ивашов чувствовал себя на седьмом небе. Мысленно он благодарил полковника Уварова за то, что тот смилостивился и не стал писать матери, — это было главное. Радовало и другое: в свою тыловую часть, мостостроительный батальон, где до болезни началась его служба, он уже

не попадет, а значит, можно добиваться направления в стрелковый полк, а затем и в батальон — только там, на переднем крае, считал Ивашов, его настоящее место.

На перекрестке шоссе и проселка маячила одинокая фигура: похоже, какой-то военный томился в ожидании попутного транспорта.

Виталий подошел, оглядел парня в шинели, на которой почему-то не было ни погон, ни петлиц, поздоровался:

— Голосуешь, земляк?

— Так точно, товарищ младший лейтенант медицинской службы. Целый час толкусь тут, — ответил парень, и его румяное светлобровое лицо расплылось в улыбке.

— Лихо рапортуешь. Кто такой, откуда? — Ивашов в изумлении уставился на чудаковатого парня.

— Саратовские мы, — прикладывая ладонь к пилотке, дурашливо ответил парень. — Вольноопределяющийся Виктор Лукин, следую к месту назначения!

Виталий расхохотался: парень был что надо, разбитной.

— Ну ты даешь, земляк! Честно скажи, куда двигаешь?

— Честно? Сам не знаю, — откровенно признался саратовец. — Послушай, я ведь тоже медик, — торопливо стал объяснять он. — В этом году окончил фельдшерское училище, сразу в военкомат: так, мол, и так, направьте на фронт. Еле упросил. Выдали обмундирование — и все. Прибудешь, говорят, в часть, там аттестуют. Не знаешь, как это делается? Ну форменная торричелиева пустота.

Ивашов, разумеется, в вопросах аттестации не был силен: у него все было проще — сдал экзамены и получай погоны медицинские, в два пальца шириной. А что предстоит пройти этому пока еще полувоенному парню, он не знал.

Но ответил Лукину так, будто имел самое прямое отношение к его дальнейшей судьбе:

— Не паникуй. У тебя есть направление?

— А как же! — Лукин с готовностью вынул из бумажника серый листочек. — Вот тут сказано: «Направляетесь в распоряжение санотдела Первого Прибалтийского фронта».

— О, да нам с тобой по пути, и я туда же! — воскликнул Ивашов. — Вот прибудем на место и там тебя оформят как положено. Точно тебе говорю. Может, в одну часть направят.

А машин попутных все не было и не было. Наконец со стороны города показалась полуторка. Ивашов и Лукин вышли на середину шоссе, отчаянно замахали руками.

Машина остановилась сбочь дороги, из кабины выглянул плотный старшина в суконной зеленой фуражке с твердым широким козырьком, какие стали шить полковые портные для начальства, весело глянул на парней.

— Куда вам ехать? — спросил он.

— До Шяуляя подбросьте, товарищ старшина, — взмолился Ивашов. Как старший, он первым подошел к машине.

— Нет, ребятки, нам ближе.— Старшина с сочувствием посмотрел на парней. — Мы за картошкой для части, тут всего с полста километров.

Ивашов, имея некоторый опыт в передвижении по прифронтовым дорогам, усвоил простую истину: лучше ехать, чем торчать в ожидании попутки на перекрестке. Мигом сообразил:

— Хорошо, сколько проедем — все вперед.

— И то верно, — согласился старшина. — Быстро в кузов.

Ивашов и Лукин разместились на пустых ящиках, подложили под себя мешки, подняли воротники шинелей.

— День какой-то невезучий, — сказал Лукин, прижимаясь к Виталию. — Второй раз с машины на машину пересаживаюсь...

Виталий не ответил, занятый мыслями о происшедшем за сегодняшний день, и о том, что ожидает его впереди. Он смотрел на убегавшее шоссе, которое плавно изгибалось на холмах; справа и слева уходили назад расчерченные межами пустые поля, перелески, ближние и дальние, как ему казалось, необитаемые хутора. Вся эта картина выглядела придавленной — над лесами и холмистыми полями плыли низкие серые облака, и на душе Ивашова также было сумрачно и тревожно: главное, что его беспокоило — неопределенность; до Шяуляя им сегодня не добраться — какие к вечеру попутки, а как быть с ночлегом?

Машина остановилась на развилке дороги в каком-то населенном пункте.

— Нам направо, — сказал старшина. — Переночуете у кого-нибудь, а утречком машины пойдут...

Ивашов и Лукин остались одни посередине улицы.

— Что будем делать? — спросил Лукин: он уже признал Ивашова старшим и теперь доверялся его опыту.

Виталий знал, что в подобной ситуации следует обратиться в комендатуру или в любое воинское подразделение — там всегда приютят да и накормят. В этом поселке, похоже, не было ни того, ни другого.

— Может, кто из жителей пустит,— ответил он, направляясь к приземистому дому на взгорке.

Наружная дверь была на запоре. Постучали. Минуты две или три никто не выходил. Наконец брякнул засов, и на крыльцо вышел старик-литовец, хмуро оглядел парней в военной форме. Уяснив, что они хотят, старик, сносно говоривший по-русски, торопливо стал объяснять, почему он не может устроить их ночевать:

— Не могу, не могу, проше прощения, товарищи, — повторял он. — То есть строгий приказ милиции.

Из сбивчивых пояснений хозяина дома Ивашов понял одно: в районе действуют бандиты — буржуазные националисты, и чтобы обезопасить военных от возможного нападения, местный начальник милиции приказал населению никого не пускать на ночлег, а в случае чего обращаться непосредственно к нему.

Конечно, Виталий и до этого слышал о существовании бандеровцев, но те были где-то далеко на Украине, а здешние бандиты почему-то не воспринимались им всерьез. Слова старика-литовца не на шутку встревожили Ивашова.

— Усек, в чем дело? — спросил он Лукина, который хлопал глазами и, видимо, ничего пока не понимал. — Идем, куда сказано.

Дом, занимаемый милицейским подразделением, стоял на отшибе и окружен был еловой посадкой, отделявшей усадьбу от поля.

У каменного сарая Ивашов приметил часового.

Они вошли в дом. Человек десять разношерстно одетых парней и мужчин занимались кто чем: одни отдыхали на койках, сидевшие за столом перекидывались в картишки. Навстречу встал мужчина средних лет (очевидно, старший), на нем был армейский китель без погонов, перетянутый ремнем с кобурой на боку.

Проверив документы Ивашова и Лукина, указал на пустовавшие койки, застеленные жиденькими матрацами, набитыми соломой.

— Места хватит, — улыбнулся он. — Как это у вас:

«В тесноте, да без обиды». Правильно я сказал? Хотите чаю — вон на плите чайник. Сахару не имеем, — рассмеялся командир подразделения. Могу предложить хлеб и сало.

— Спасибо, — ответил Ивашов. — Есть у нас и сахар и хлеб.

— Тогда располагайтесь, отдыхайте. Утром посадим на попутную машину.

Ивашов и Лукин развязали вещевые мешки, вынули сухой паек, принялись за еду. После рыбных консервов и шпика крутого посола захотелось пить. В чайнике оказался не чай, а какое-то подобие кофе — суррогат, жареный ячмень. Но и это было здорово, тем более с сахаром и галетами.

Насытившийся, разморенный теплом, Лукин укрылся шинелью и через минуту заснул.

Виталию не спалось. На душе было неспокойно. Развешанное по стенам оружие — немецкие карабины, автоматы ППШ — как бы напоминали, с какой целью собрались здесь эти люди, и, конечно, не затем, чтобы провести вечерок за картишками и в дружеской беседе. А вели они себя, как казалось Виталию, беспечно: курили, смеялись, о чем-то говорили, а литовского он не понимал, и от этого тревога только возрастала. «На улице темень, а у них окна кое-как завешаны, стоит ударить из автомата — и все, — размышлял он. — Тоже мне вояки». На память пришел даже какой-то старый фильм: ночь, избенка, ее окружают вооруженные обрезами кулаки... Виталий приподнялся на койке, быстро оглядел окна, покосился на сидевших за столом вокруг лампы. Нет, никто из них не выказывал и признаков беспокойства. Ивашов подумал, что ему просто кажется: «Наговорил старик про бандитов, вот и лезет в голову всякая чертовщина».

Сменился часовой. Потирая озябшие руки, подошел к плите, налил кружку эрзац-кофе, заговорил о чем-то со старшим.

Дремлет Виталий не дремлет, ухом ловит обрывки разговоров. Проходит час, другой. Тихо, и воображение его улеглось, да и сколько можно?..

Было уже около полуночи, когда за домом грохнул разрыв гранаты. Следом второй. Милиционеров будто ветром сорвало: похватав оружие, они толпой вывалились наружу. Раздались выстрелы из карабинов, рокотнул автомат. Снова все стихло.

Ивашов тоже кинулся к двери, но остановился: куда ему, невооруженному?

Милиционеры стали возвращаться в дом. Вошел их командир, повесил автомат на гвоздь, посмотрел на растерянно стоявшего посередине комнаты Ивашова, усмехнулся:

— Это есть, по-нашему, небольшой конфликт. — Он погрозил кому-то кулаком. — В сарае под стражей два бандита... Кто-то по елочкам хотел тихо подходить. Часовой понял — ночью один враг пойдет. И встретил его гранатой... был маленький фейерверк.

— А кто же подходил? — спросил Виталий.

— Кто был — тот расписки не оставил, — невесело пошутил командир подразделения. — Идите спать, младший лейтенант.

Ивашов встал чуть свет. Растолкал Лукина.

— Ну ты и силен спать, — сказал Виталий. — Тут такой переполох был...

И он рассказал товарищу о ночном происшествии.

— Вот здорово! — воскликнул Виктор по-детски простодушно. — И ты не разбудил меня?

— А мне до тебя было? — Ивашов сердито посмотрел на Лукина. — Всякое могло быть... Соображаешь? Собирайся давай.

Они быстро оделись, попрощались с дневальным и вышли из дома. И тут они увидели отъезжающую от сарая подводу и на ней двух связанных по рукам бандитов. Следом за телегой шагали конвоиры.

Ивашов и Лукин настороженными взглядами проводили повозку, в нерешительности потоптались на крыльце под широким навесом и, будто сговорившись, не оглядываясь, зашагали по шоссе к развилке.

ТОЛЬКО НА ФРОНТ

Еще вчера Ивашову казалось, что он самый несчастный человек на свете. А все из-за того, что он почему-то «не пришелся» начальству из санотдела фронта. Сомнений тут не могло быть. Подумать только: этого саратовца Лукина без лишних разговоров направляют в санотдел 6-й гвардейской армии, а его, младшего лей-

тенанта медицинской службы Ивашова, оставляют в резерве на неопределенное время. Несправедливость, да и только.

Но чтобы медицинский работник не оставался без дела, Ивашова определили в один из госпиталей, там же его поставили на довольствие.

Во дворе госпиталя разбита большая палатка. Внутри вдоль брезентовых стен два ряда топчанов, застеленных синими байковыми одеялами, посредине железная печь — бочка из-под горючего, санитар круглые сутки поддерживает в ней огонь на тот случай, если неожиданно привезут партию раненых. Но бои пока поутихли, и раненые не поступают, а те, кто находится на излечении, размещены в двухэтажном доме рядом.

Пустующая палатка — временное жилье Виталия.

Утром после завтрака он идет в хирургическое отделение. К тому времени раненым измерили температуру, раздали лекарства, врач обошел палаты, назначил процедуры.

Виталий помогает сестрам. Работы в перевязочной ему тоже хватает. Сюда уже собираются ходячие. Со всеми Ивашов успел познакомиться, и бойцы, охочие до разговоров с новым человеком, знают, кто он и откуда. Даже земляка встретил Виталий, тоже уральский, водитель из Верхотурья. Уралец подарил ему на память кожаный шлем с очками. Шлем Виталию, конечно, ни к чему, но подарок есть подарок.

Ивашов приступает к привычному делу — практику в училище получил хорошую, да и в десмургии — учении о наложении хирургических повязок — преуспел. Он осторожно снимает старые бинты, скручивает их, как полагается, трубочкой, обрабатывает края раны, накладывает свежие повязки — кому с гипертоническим раствором, кому с риваноловым — все по назначению врача.

Затем Виталий с сестрой идут в палату к лежачим. Здесь то же самое. Но как тяжело Виталию видеть этих покалеченных войной людей, тут одной перевязкой не обойдешься: надо поговорить с бойцом, объяснить, в каком состоянии его культя, успокоить, ободрить — на то ты и медик, человек самой гуманной профессии.

До обеда Ивашов успевает управиться с перевязками. Теперь он свободен.

Обычно Виталий отправлялся бродить по городу. Шяуляй был основательно разбит, тут и там глаз выхватывал разрушенные или сгоревшие дома — следы ожесточенных июльских боев. По пути он заглядывал в магазин Военторга, просто так, из любопытства — покупать ему было нечего да и не на что,— затем ноги сами несли Виталия в санотдел. Потолкавшись в коридоре, он, робея, заглядывал в комнату начальника строевой части, молодого веселого майора медицинской службы Бронина. Тот встречал его как старого знакомого, что, впрочем, соответствовало истине. Усаживал рядом, живо интересовался работой в госпитале и вообще, чем Виталий занят в свободное время.

Ивашов, конечно, понимал, что майор ведет отвлекающий разговор, и потому терпеливо ждал, чем он закончится. Выкуривали по папиросе, майор начинал заметно скучать, у него сразу появлялись неотложные дела. Виталий соображал, что пора уходить. Снова ни с чем.

— Пойми, Ивашов,— прижимая ладонь к груди, говорил майор.— Не могу ничем помочь. Нет вакансий. Потерпи немного.

Расстроенный, как это было вчера и позавчера, Виталий возвращался в свою палатку, валился на топчан. В такие минуты он начинал сомневаться в правдивости слов майора. «Неужели нигде нет вакантной должности фельдшера? Или никому нет до меня дела?» Постепенно мысли уносили его в недавнее прошлое. И эти воспоминания почему-то опять выстраивались как цепочка невезения или неудач. Ну чем объяснить, что из всей роты младших лейтенантов после училища десять человек, в числе которых был Ивашов, направляют в резерв Главного санитарного управления Красной Армии, но только не на фронт?

... В Москве у Виталия жила двоюродная сестра Маргарита, студентка медицинского института. Домашнего ее адреса он не знал и потому направился в институт. Там он выяснил, что все студенты на лето разъехались кто куда: одни работают в колхозах, другие на заготовке дров. Так и не встретился Виталий со своей сестрой, единственным родным человеком во всем большом городе.

Офицеры — тут была и молодежь, и бывалые фронтовики — жили в центре, на площади Восстания, рядом с Планетарием. Каждое утро они выстраивались на плацу

перед казармой, им зачитывался очередной приказ, счастливчики, кто оказывался в списке направляемых по частям, ликовали, мчались оформлять документы.

Однажды и для Виталия взошла над горизонтом его наивно-романтических желаний и надежд счастливая звезда. Но тут же померкла. В этот раз ему не повезло по той причине, что уже сформированная танковая часть отправлялась на фронт на следующий день. Пока он бегал за документами, фотографировался, затем добирался на перекладных на далекую окраину Москвы, где находился бронетанковый центр, чтобы выяснить, куда и когда ему прибыть, время ушло: танковая часть в ночь отбыла к месту назначения.

Редели ряды сводного батальона офицеров-медиков. Сашка Смирнов, земляк Ивашова, уехал на один из Украинских фронтов. Двоих фронтовиков направили в Иран, где стояли наши части. Обоим выдали соответствующую экипировку — для заграницы, что само по себе вызвало известную зависть у тех, кто оставался в Москве.

Наконец пришла очередь Ивашова, но к тому времени в нем уже все перегорело, страсти улеглись, оттого приказ о назначении он встретил более или менее спокойно. Впрочем, это было не совсем так: Виталий торжествовал. Опасался он теперь одного — не вмешалась бы какая-то сила, способная изменить этот приказ, и потому он сдерживался, как бы скрывал от себя самого прилив охватившей его радости.

Все складывалось благополучно до той минуты, когда ему вручили пакет с документами. Тут-то и объявили Ивашову, что он назначается старшим команды, а стало быть, обязан заботиться в пути следования о подчиненных и прибыть на место без опоздания.

— Ступай знакомиться,— сказал офицер, вручая Ивашову пакет. — Они в коридоре сидят. С такой командой не пропадешь,— со скрытой иронией добавил он.

Виталий действительно не обратил внимания на двух женщин — одна из них была лейтенант медицинской службы, вторая в мешковато сидевшей гимнастерке без погон, как позже выяснилось, хирургическая сестра, призванная в армию, но еще не аттестованная. Обе они теперь входили в его подчинение.

Когда было выяснено, кто есть кто, и состоялось знакомство, лейтенант медицинской службы, назвавшаяся Валей, смелым живым взглядом окинула Ивашова с головы

до ног, сказала весело: «Какой у нас начальник хорошенький, правда, Шура? — И, словно не замечая смущения Виталия, добавила: — Возьмем над ним шефство. Верно?» — «Как старшие сестры над дорогим братцем», — пошутила вторая женщина.

Пока добирались до Ржевского вокзала, обе «подчиненные» расспрашивали Виталия, который старался держаться по-командирски, и вскоре знали о нем все, что требовало женское любопытство. Валя и Шура оказались не просто веселыми попутчицами, они были и практичнее: каким-то путем пробились первыми в воинскую кассу, быстро оформили билеты. Да и вся дальнейшая дорога для Виталия была бесхлопотной: «сестры» опекали его, заботились о нем.

Расстались они уже в санотделе 1-го Прибалтийского фронта. Лейтенант медицинской службы отбыла в авиационную часть, хирургическая сестра — в полевой госпиталь, а Ивашова майор Бронин направил в отдельный мостостроительный батальон.

И вот он снова встретил майора здесь, в Шяуляе.

Вскоре после Октябрьских праздников Бронин сам вызвал Ивашова.

— Ну, получай предписание,— сказал он.— Направляю тебя в распоряжение санотдела шестой гвардейской армии. А ты думал, о тебе забыли?

— Спасибо, товарищ майор! — с благодарностью ответил Виталий и крепко пожал руку Бронину.

...То было вчера, а сегодня он шагает по гулкому тротуару упругой походкой и с твердой верой в свою счастливую звезду и верой в себя.

Миновав пустынные разрушенные окраины города, Ивашов вышел к посту регулировщиков. У шлагбаума на фанерном щите он издали увидел начертанные крупными буквами слова: «КПП. Проверка документов».

Тепло одетый боец с автоматом за спиной и красной повязкой на рукаве, на которой отчетливо выделялась буква «Р», мерил шагами шоссе. Выяснив, кто перед ним и куда следует, он кивнул в сторону костра, вокруг которого стояли бойцы и офицеры, человек пять.

— Грейтесь пока, пойдет попутная машина — посажу.

— Не забудьте про меня, товарищ сержант,— напомнил Виталий.

— Не переживайте, — ответил регулировщик, — все уедете.

Ивашов отошел в сторону, развязал вещмешок, вынул кожаный шлем на байковой подкладке, подарок земляка-водителя, натянул его вместо пилотки: так будет теплее. Все это он проделал заранее, чтобы быть в готовности, когда подойдет машина.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Начальник штаба полка, просмотрев документы Ивашова, вызвал по телефону командира второго батальона, сказал:

— Капитан Забегин?.. Направляю в твое распоряжение младшего лейтенанта медицинской службы,— он взглянул в предписание,— Ивашова. Да, да, вместо Авдеева, его в госпиталь кладут. Знаешь? Тогда не переспрашивай. Введи нового командира санвзвода в курс дела, пускай привыкает, присматривается. Все!

Этот короткий телефонный разговор насторожил Виталия: похоже было, что незнакомый ему комбат чем-то остался недоволен или пытается откреститься от него, Ивашова. «А кто такой Авдеев? — подумал он.— Почему я должен его заменить?»

Начальник штаба, видя, что младший лейтенант в замешательстве, все разъяснил в нескольких словах:

— Капитан Забегин, видишь ли, никак не может согласиться, что от него уходит фельдшер Авдеев. А того в госпиталь кладут. Они хорошо сработались, так что учти, Ивашов. Твой комбат — человек резковатый, имей и это в виду. Возражений не любит. А ты и не лезь в пузырь по пустякам, делай свое дело как надо,— наставлял подполковник Ивашова.— Ничего, притретесь, надеюсь.

Штабной писарь записал в толстую тетрадь все сведения о вновь прибывшем офицере, вызвал посыльного.

— Проводи младшего лейтенанта во второй батальон— и назад.

— Слушаюсь, товарищ старшина,— ответил боец и с любопытством посмотрел на Ивашова.— Идемте, товарищ младший лейтенант. Тут недалеко, километра полтора, да ведь в лесу, где вам найти батальон, темнеет уже.

Они вышли из дома и направились по широкой тропе, рядом с которой на шестах тянулась через поле в сторону леса воздушная линия связи. Было сыро и холодно, в низине накапливался туман. Виталию почему-то вспомнились

теплая госпитальная палатка, тихие вечера, проводимые в одиночестве. Нет, все это позади, и он ни о чем не жалеет. Вот только как его примут на новом месте?

Дивизия отдыхала, укрывшись в обширном урочище. По склонам оврагов вырыты землянки; техника, имущество хозяйственных подразделений тоже упрятаны под пологом густых елей.

Тропа углубилась в лес. Глаз Виталия зорко, по-охотничьи выхватывал все, что встречалось на пути: то выстроившиеся в ряд передки и орудия батареи сорокапяток, поодаль тюки сена и зеленую сарай-конюшню, сооруженную из лапника (от нее остро потягивало конским навозом), то штабеля ящиков, укрытые брезентом — боеприпасы,— все, к чему Ивашов старался быть ближе, разом окружило его. При виде этой собранной в кулак грозной силы мурашки пробежали по спине Виталия. И оттого, вероятно, что он сам вдруг ощутил себя крупицей этой потаенной силы, младшего лейтенанта охватило чувство возвышенного, и, как бывало с ним в подобные минуты, сами собой выплывали из памяти строгие, чеканные строки:

Этот иней, эта крыша,
Мгла над проводами.
Эти ставни дышат, дышат
Снегом и войсками.

Правда, не было ни инея, ни крыш, зато был отемнелый лес, и он в самом деле дышал войсками.

Проводив Ивашова до землянки комбата, посыльный сказал:

— Пришли, товарищ младший лейтенант,— и козырнул: — Разрешите идти?

Ивашов отпустил посыльного. Оставшись один перед дверью, сквозь щели которой пробивался желтый свет, он расправил под ремнем шинель и, собравшись с духом, спустился по ступенькам и вошел в землянку.

Капитан Забегин и три офицера сидели на нарах, о чем-то оживленно беседовали. На стук в дверь все обернулись.

«Кто из них комбат?» — едва успел подумать Виталий. И тут из-за стола встал капитан.

Забегин оказался на полголовы ниже Ивашова. Светлые его волосы были гладко зачесаны, серые холодноватые глаза как бы прощупывали новичка; капитан был весь

в ремнях, как в сбруе. Принимая документы Виталия, он оглядел его с ног до головы. Именно в этом порядке: сперва заляпанные грязью кирзовые сапоги, солдатскую шинель, потом кожаный шлем. В этом бесцеремонном осмотре было что-то оскорбительное, но таков уж был Забегин.

— Так,— произнес капитан.— Значит, для дальнейшего прохождения службы? В документах записано, что вы, Ивашов, прибыли из госпиталя. А где воевали до этого?

— В мостостроительном батальоне, товарищ капитан.

— Представляю! — вскинул пшеничные бровки Забегин.— Это что, километров сто от фронта?

Виталий пристыженно промолчал: комбат затронул самое больное место.

Забегин, переходя на «ты», спросил:

— У вас все ходили в таких кожаных колпаках? Что у тебя за маскарад?

Офицеры, сидевшие за столом, рассмеялись. Виталию пришлось объяснить, откуда взялся шлем и почему он предстал одетым не по форме.

— Ладно,— сказал, иронически усмехаясь, комбат.— А я думал, нам какого-то чудака-авиатора прислали. Утром пойдешь к старшине, получишь шапку. Ясно?

— Слушаюсь, товарищ капитан,— чувствуя себя совсем униженным, ответил Ивашов.

Командир батальона принялся изучать документы Ивашова и, когда дочитал, вздохнул.

— Ничего не попишешь,— сказал он.— Не хотелось мне расставаться с Авдеевым — это наш фельдшер,— пояснил комбат.— Да заболел он, в госпиталь направляют.

— Ну что теперь делать? — вмешался худощавый высокий капитан, заместитель командира батальона по политчасти Логинов, и ободряюще подмигнул Ивашову:— Новый фельдшер необстрелянный, правда, а держится-то молодцом. Привыкнет. Верно, Ивашов?

Виталий с благодарностью посмотрел на замполита, и на душе у него посветлело.

— Поживем — увидим,— ответил комбат, давая понять, что остается при собственном мнении.— А теперь ступай, Ивашов, в полковую санчасть, Авдеев там, принимай у него имущество и приступай к своим обязанностям. Все, на сегодня ты свободен. Связной проводит тебя.

Виталий собрался было уходить, но его остановил комсорг батальона, усатый лейтенант Тедлиашвили, подавая руку, сказал:

— Завтра ко мне зайди, на учет тебя поставлю.

Утешая себя мысленно, что, за исключением командира батальона, все, кому он был представлен, отнеслись к нему доброжелательно, Ивашов вышел из штабной землянки.

Полковой медицинский пункт — ПМП — располагался на отшибе. Основной личный состав санитарной роты жил в большой палатке. Еще на подходе к ней до слуха Ивашова донеслось приглушенное пиликанье аккордеона, женщины напевали какую-то песенку.

Здесь встретили Ивашова радушно. Начальник ПМП, капитан медицинской службы Золотова, женщина лет тридцати, не стала слушать доклад Виталия, протянула руку и первым делом осведомилась:

— Ты, наверное, есть хочешь? Вижу, вижу, не стесняйся.— И, обращаясь к обступившим ее медсестрам, распорядилась:— Девочки, сбегайте на кухню, надо покормить молодого человека.

На шум из-за занавески, разделявшей палатку на две половины, вышел Авдеев. Он был по-домашнему, в меховой безрукавке поверх теплого белья, в шерстяных носках и тапочках.

Они познакомились. Авдеев, обхватив себя руками за плечи, поежился.

— Знобит меня, Галина Сергеевна,— сказал он, обращаясь к врачу.

— Я давно предлагала тебе госпитализироваться. С почками шутить не следует.

Авдеев грустно улыбнулся — и Виталию:

— Такие, брат, мои дела. Утром представлю своих людей, и командуй.

Тем временем Ивашову принесли в котелке кашу, кружку сладкого чая и добрый ломоть хлеба.

Когда Виталий управился с едой, Золотова сказала:

— А теперь, Ивашов, послушаем тебя: где был, что видел, ты счастливый, побывал в Москве.

Весь долгий вечер Виталий рассказывал о себе, о жизни в тылу, о том, через какие перипетии прошел, прежде чем добрался до части. И все слушали его со вниманием как

человека, нежданно пришедшего из полузабытого ими прекрасного мира. Разумеется, он и словом не обмолвился о том, что с ним произошло в госпитале и за какую провинность он был выдворен оттуда.

— Ну вот,— сказала Золотова.— Ты уже не гость, мы принимаем тебя в нашу семью.

В шесть часов дневальный объявил подъем.

Виталий еще потягивался под одеялом, счастливо улыбался в темноте; так хотелось полежать, вспомнить вчерашний день. Но Авдеев уже тормошил его:

— Вставай, Ивашов. Идем принимать имущество. А мне надо машину не прозевать, в тыл пойдет, на ней я и уеду.

Они вышли в холодную, промозглую темень.

Авдеев, знавший дорогу, легко ориентировался в ночном лесу. А лес ожил: из глубины доносились голоса людей, стук топора, всхрапывали застоявшиеся кони. Пока добирались до батальонного медпункта, Авдеев наставлял Ивашова:

— В наступлении держись ближе к комбату, у него вся связь, обо всем докладывай ему, но сам действуй по обстановке. Да Галина Сергеевна тебя еще проинструктирует.

Слова Авдеева озадачили Виталия. Глядя на покачивающуюся впереди темную его спину, он с сомнением подумал, что сказанное лейтенантом противоречит требованиям инструкций и наставлений санитарной тактики — предмета, который так основательно штудировали в училище они, будущие медики. «А как же инструкции? — начиная теряться, подумал Виталий.— Нарушишь — потом влетит». Он представлял все действия фельдшера в бою так, как они были расписаны в учебниках, взаимодействие с ПМП — тоже. А тут получалось несколько иначе. Не зная, как возразить Авдееву, он сказал:

— Нас учили не так.

— О, святая простота!— тихонько рассмеялся Авдеев.— И меня учили, а на войне пришлось переучиваться. Ты представляешь, что будешь сидеть в километре от передовой и заниматься лишь эвакуацией раненых? Не-е-т. Придется и на брюхе поползать, и самому таскать раненых.

— А ротные санинструкторы?

— Что ротные?— неопределенно проговорил Авдеев.— Они тоже не застрахованы. Это мой еще держится, сер-

жант Ясыров. Храбрый татарин и дело свое знает, он тебе первая опора.

— Выходит, вы вдвоем? — все более недоумевая, спросил Виталий.

— Почему? Ездовой Омельчик тоже славный дядька. Так и воюем.

В землянке, куда они вошли, было так накурено, что пламя коптилки тонуло в махорочном дыму, а у Ивашова сразу защипало глаза. При виде офицеров бойцы встали с нар.

— Фу-у, насмолили,— морщась, сказал некурящий лейтенант, разгоняя рукой слоями плавающий дым.— Вредно натощак курить, сколько раз вам говорил.— И он открыл дверь, чтобы проветрить землянку.— Вот мои гвардейцы, знакомься. А это,— указывая на Виталия,— ваш новый командир, младший лейтенант Ивашов.

Виталий поздоровался с бойцами за руку, оглядел помещение. Оно ни чем не отличалось от обычного фронтового жилья, лишь на стене висели две санитарные сумки, а на столе стоял знакомый зеленый фанерный ящик, на крышке которого было начертано белыми буквами — ПФ-1, что означало — полевой фельдшерский набор первый.

— С чего начнем?— спросил Авдеев, взглянув на плоские трофейные часики-штамповку.— Акт не будем составлять? К чему нам бюрократию разводить. «Петр Федорыч»,— указал он на полевой фельдшерский набор,— почти в комплекте, перевязочный материал в повозке, пять мешков, носилки — вон там, в углу. А о том, чего, по-твоему, не хватает, доложи капитану Золотовой и представь список. Согласен?

Ивашов не был против. На этом и состоялась процедура сдачи и приема имущества санитарного взвода второго гвардейского стрелкового батальона.

— Ну, а теперь попрощаемся,— сказал Авдеев и обнял по очереди своих уже бывших подчиненных. Расстроганный Омельчик даже прослезился, а Ясыров, коренастенький, собранный, чуть путая русские слова, бодро отчеканил:

— Счастлива тебе дорога, товарищ гвардии лейтенант. Шибко поправляйся, желаю.

Ивашов, с улыбкой наблюдавший эту сцену прощания, подумал, какие они оба хорошие мужики и сколько нужно сделать ему, чтобы завоевать их расположение и дружбу.

Вторые сутки Ивашов на новом месте.

Капитан Забегин держится с ним официально, ни о чем не расспрашивает, почти не вмешивается в его работу, вроде не подпускает к себе. Виталий приглядывается к нему и не понимает, чего в нем больше — заносчивости или командирской самоуверенности. Судя по наградам, Забегин не очень-то отличился или преуспел в службе — орден Отечественной войны II степени, две медали «За боевые заслуги» и еще «За оборону Сталинграда». Вот эта последняя медаль как бы вносит поправку к придиркам самого Ивашова. Все-таки Сталинград! И еще за плечами у Забегина Курская дуга — это тоже немаловажно: после нее он и стал комбатом в этом полку.

Лишь один раз капитан вслух выразил Ивашову свое неудовольствие: «Семь человек больных?— просматривая список бойцов, направляемых в полковую санчасть, недоверчиво спросил он.— Не много ли?— И совсем жестко предупредил:— Смотри, этак всех солдат мне избалуешь, в результате я воевать не смогу...»

Зато с Ясыровым и Омельчиком отношения у Виталия сложились хорошие, и буквально с первых же часов его пребывания в должности командира санвзвода. Оба бойца привыкли выполнять свои обязанности как положено, и уход прежнего командира на их службе не отразился никак.

С подъемом Ивашов в батальоне. Проследив за физзарядкой, проведя утренний осмотр, Виталий спешит на кухню снимать пробу. После завтрака он с Ясыровым ведет прием больных. Почти каждый день выходит с батальоном на боевые стрельбы или на занятия в поле.

Вечером он идет в санроту, куда собираются кое-кто из свободных от службы офицеров. Поют песни, вспоминают разное из своей прошлой жизни, перебирают полковые скупые новости. Заводила всех таких вечеров — старшина санроты Петров. Трофейный полуаккордеон он еще не освоил, но и публика не придирчивая: выдал кое-как простенький вальс или фокстрот — и на том спасибо. Потанцевав, а вернее, потоптавшись на крошечном пятачке, девчата и офицеры отходят в сторонку. Теперь самое время попеть. Петров, склонив к инструменту голову, сосредоточенно подбирает мотивчик. Непослушные его пальцы шарят по клавишам, и наконец начинает прорезываться

более или менее сносная мелодия. Освоившись, старшина заунывным голосом запевает:

Возле домика родного,
Возле самого села
Пуля-дура молодого
Лейтенанта подсекла.

Ему пытаются подтянуть, но тут вмешивается капитан Золотова:

— Прекратить, Петров. Что за репертуар у тебя? Опять свое завел, тоску нагоняешь.

— Вам не угодишь, Галина Сергеевна,— ворчит Петров.— Притом я самоучка, мужик деревенский, калининский, мне б двухрядку, тогда б я врезал.

— Ладно, калининский мужик, сыграй нашу,— смеется капитан Золотова.— А то все тебя тянет на деревню, которая ехала мимо мужика...

— Так то шутка народная, товарищ капитан.— Петров снова начинает перебирать клавиши и наконец, ужасно перевирая мелодию, заводит «На позицию девушка провожала бойца».

Песню дружно подхватывают молодые голоса:

Темной ночью простилися
На ступеньках крыльца.

И не важно, что Петров отчаянно фальшивит, его попросту не замечают, песня льется сама по себе, и каждый в эти минуты мысленно переносится к порогу отчего дома, но каждый по-своему.

То были славные вечера, и Виталий постепенно срастался с боевой дружной семьей санроты.

Но в один из дней поступил приказ: полку свернуть все имущество и быть готовым к выдвижению на передовую.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Осенняя распутица приостановила активные боевые действия в Курляндии. Сказывалось и то, что Советское Верховное Главнокомандование решило не выделять дополнительных сил для ликвидации блокированной группировки в районе между Тукумсом и Лиепаей. Относи-

тельное затишье стояло и в полосе действия 6-й гвардейской армии. Но вот поступил приказ перейти в наступление.

Ивашов, прислонясь к толстой ели, с любопытством новичка осматривал голое поле, лес, за которым, как ему растолковали, находится передний край: туда ушли бойцы соседнего полка.

Командир батальона с группой офицеров стоял на краю старой траншеи, в которой находились его бойцы, и разглядывал лежащую впереди местность. Все чего-то ждали.

Пытаясь разобраться в происходящем, Виталий с тревогой прислушивался к редким орудийным выстрелам справа и слева. Где-то сзади из глубины леса методично стреляли полковые минометы. И вдруг до слуха донесся незнакомый, но такой угрожающий свист, что он инстинктивно втянул голову в плечи, а следом метрах в ста рванули три разрыва. Виталий присел от неожиданности, но краем глаза успел заметить, что разрывы не произвели никакого впечатления на стоявших в открытую офицеров. Сообразив, что на опушке находиться не так уж безопасно, он вскочил и кинулся к траншее, и, как показалось ему, вовремя. Обвальный грохот, нестерпимо режущий слух басовитый вой и скрежет оглушили Виталия. Приподняв голову, он увидел в сером небе одну за другой проносившиеся огненные стрелы. Это летели тяжелые реактивные снаряды. Прошлой ночью он разглядывал эти установки, но не представлял, какая адская сила в них заложена.

Грохот канонады прижал Ивашова ко дну траншеи. Его всего трясло от страха. Не понимая, что творится вокруг, он ждал чего-то ужасного, скорее всего смерти.

Громыхало уже минут пятнадцать, но за это время ничего не произошло. Придя немного в себя и чувствуя всю унизительность лежания в такой скрюченной позе, Виталий огляделся. По соседству с ним, прислонясь к стенке траншеи, сидел боец в каске, с сосредоточенным видом потягивал махорочную самокрутку. Кто-то дернул Ивашова за сапог, он оглянулся.

Ясыров стоял перед ним на коленях, показывая в улыбке мелкие прокуренные зубы.

— Мало-мало мандраж берет? — продолжая улыбаться, прокричал Ясыров.— Идем смотреть артподготовка.

Они выбрались из траншеи. В километре за лесом Ивашов увидел клубы дыма, черные шапки разрывов тяжелых мин, слева, где лес разделяло узкое поле, горели постройки какого-то хутора.

И тут последовала команда «Вперед!» Бойцы повыскакивали из траншеи, растягиваясь в цепь, затрусили к лесу.

Наступавшие подразделения полка ушли вперед, а батальон Забегина занял опустевшие траншеи вдоль опушки и блиндажи в глубине леса. Противник, очевидно, заметил передвижение наших войск: издалека внезапно раздался смешанный с воем скрежет, очень похожий на крик ишака.

— Скрипач! — закричали бойцы.— Скрипач!

Все кинулись в укрытия. Виталий тоже метнулся к узкому ходу сообщения, тянувшемуся меж кустов. В то же мгновение на небольшой возвышенности справа оглушительно загрохотали разрывы снарядов шестиствольного миномета. Виталий даже ощутил, как содрогнулась под ним земля.

Переждав налет, Ивашов отправился разыскивать КНП батальона. Блиндаж, который занял капитан Забегин, оказался вблизи траншеи. Просунувшись в узкий проход, ведущий в блиндаж под тройным накатом, Ивашов услышал сердитый голос комбата.

— «Волна!», «Волна!» — кричал он в трубку.— Какого вы там черта! Меня обстреливают из минометов. Дайте огонь по батарее. Где артиллерия?

Услышав ответ, капитан передал трубку телефонисту, взглянул на Ивашова.

— Что, доктор, живой? Есть потери в батальоне?

Вопрос комбата ошарашил Ивашова: «Какие потери? И что это за потери?» — соображал он.

— Э-э! Куда тебе,— махнул рукой комбат.— Где твой санинструктор?

Виталий весь сжался. Действительно, где сержант Ясыров? Комбат, глядя на растерявшегося фельдшера, неожиданно рассмеялся.

— Что, потерял своего единственного подчиненного? Так мы с тобой не навоюем.

В этот момент в блиндаж влетел связной.

— Товарищ гвардии капитан! — выпалил он. — Убит командир третьей роты.

— Как? Почему?— вскочив с нар, выкрикнул комбат. Ухватившись за ремни портупеи, он с такой силой рванул их, что Ивашову показалось, будто они вот-вот лопнут. Понимая нелепость своего вопроса — о потерях ему должны были доложить ротные,— комбат снова сел и, немного успокоившись, спросил:— Где лежит Щедрин?

Связной развел руками.

— А тама... Где убило товарища старшего лейтенанта, там и лежит, под елочками,— ответил покорно он.

— Эх, черт возьми!— Капитан сорвал с головы ушанку, хлопнул ею по столу — ящику из-под мин.— Ивашов! — обернулся он к командиру санвзвода.— Ступай вместе со связным, забери документы убитого ну и все, что найдешь. Тело отнеси сюда, на КНП. Давай быстро...

Ивашов, а за ним связной выскочили из блиндажа.

— Товарищ младший лейтенант, не спешите,— проговорил связной, не поспевая за Ивашовым.— Чего теперь спешить, нету товарища старшего лейтенанта — и все.

Щедрин лежал рядом с комлистой елью, положив голову на левую руку, словно отдыхая. Шапка валялась рядом. Он был убит наповал осколком мины, ударившей в ствол этого самого дерева, осколки пошли веером вниз, один из них сразил старшего лейтенанта.

Ивашов опустился на колени, за плечо тронул убитого, всмотрелся в его серое, как газетная бумага, лицо, откинул прядь русых волос. В черепе, чуть повыше виска, он увидел треугольное отверстие. Потрясенный гибелью Щедрина, которого и знал-то не очень давно, Виталий растерялся. Кое-как совладав с собой, Ивашов принялся извлекать документы и всякую мелочь — все, что нашел в карманах брюк и гимнастерки Щедрина. Положив собраннные вещи в носовой платок, он сунул узелочек за пазуху.

Когда они несли тело старшего лейтенанта Щедрина по траншее, связной, обернувшись, чтобы перевести дух, сказал:

— Вот так... Был человек — и нет его.

Доложив комбату о выполнении задания, Ивашов передал узелок с документами Щедрина и поспешил наружу. Тут он и столкнулся с сержантом Ясыровым.

— Куда вы пропали, товарищ младший лейтенант,— заполошно затараторил Ясыров.— Совсем ноги потерял, бегал туда-сюда, все искал вас.

— И я тебя потерял,— ответил смущенно Ивашов.— Едва очухался, а тут комбат; командир роты Щедрин убит. Вот только принесли его на КНП.

— Ай, вай, вай, Щедрин!— запричитал Ясыров.— Какой умница, какой золотой человек!

Выждав минуту, пока санинструктор немного придет в себя, Ивашов спросил:

— Где мы расположимся? Куда теперь?

— Тут блиндаж рядом, идем туда. Там у меня двое контуженных сидят.

— Надо их эвакуировать?— спросил Ивашов.— Где Омельчик?

— После, ночь будет — тогда,— ответил Ясыров и стал свертывать цигарку.— А повозка наша в тылу за лесом, ближе опасно,— пояснил он.

Шагая следом за Ясыровым, Ивашов чувствовал себя пристыженно. «Размазня,— ругал он себя.— Сержант все знает, везде успел, а я прятался в блиндаже». Глядя на коренастенькую фигуру санинструктора, он все больше проникался к нему уважением.

Так прошел первый день на передовой, и прошел, как понимал Виталий, для него бестолково: младший лейтенант все порывался куда-то бежать, что-то делать, но Ясыров осаживал его; без лишних объяснений сам дважды пробежался по траншее, давая тем самым понять Ивашову, что он, сержант, пока что лучше разбирается в обстановке.

Беспокоясь за жизнь трех тяжелораненых и двух контуженных, Ивашов не стал ждать, пока окончательно стемнеет, и послал Ясырова за повозкой.

Вскоре оба вернулись с носилками. Осторожный Омельчик оставил коня метрах в двухстах от БМП, Виталий решил, что ему виднее, и вопросов не задавал. Втроем они принялись переносить раненых. На эвакуацию ушло тоже более часа — до санроты было около трех километров,— а там и ночь наступила, промозглая, ноябрьская.

Привезли в термосах пищу: не то обед, не то поздний ужин, а скорее, все вместе. И тут Ивашов внезапно почувствовал, что зверски голоден: за день и в самом деле не сгрыз даже кусочка сухаря.

В блиндаже было темно и холодно, как в погребе. Но Ясыров уже чиркал спичками, поджигая кабель, протянутый из угла в угол.

— Свет есть, будет немножко тепло,— сказал он, вороша хворост, тоже собранный заранее.

В стене блиндажа была отрыта ниша, снаружи к ней подходило наклонное отверстие — дымоход. Конечно, это была не настоящая печка, но кое-какое тепло примитивный очаг давал. Вскоре в блиндаже стало поуютнее.

Они покурили и стали укладываться на ночлег. Виталий положил под голову санитарную сумку, руки сунул за пазуху и свернулся калачиком на нарах. Какое-то время он следил за коптящим язычком пламени, пробиравшимся по осмоленному кабелю, но сон быстро сморил усталого фельдшера.

На третьи сутки батальон сняли с переднего края и отвели в тыл. Оказалось, что и весь полк отошел, сдав обороняемый участок другой части.

Короткий отдых, и батальон снова под покровом темноты занял первую траншею.

В блиндаже комбата тесно, собрались все офицеры — командиры рот и взводов, в помещении жарко, накурено.

Капитан Забегин, разглядывая карту, сказал:

— Задача всем ясна? Сегодня же получить боеприпасы. Старший лейтенант Нечаев! — обратился он к командиру четвертой роты.— Не дожидаясь конца артналета — в атаку. Эти Смайзи надо взять с ходу. Вопросов нет? — Забегин внимательно посмотрел на командиров и, не замечая Ивашова, объявил: — Совещание окончено, всем по местам.

Офицеры стали расходиться. Направился к себе и Виталий.

Ясыров, высунув от усердия кончик языка, расстригал ножницами размотанный бинт на равные части.

— Указатель,— пояснил сержант.— Раненый пойдет в тыл, увидит на кустике бинт и сразу найдет санроту. Не знал?

Ивашов, конечно, знал, что надо бы заранее развесить вдоль лесной дороги такие указатели, да упустил. Спасибо Ясырову, вовремя упредил, с ним и в самом деле не пропадешь.

Бой, как и было предусмотрено приказом на наступление, начался с короткой артподготовки. Рота Нечаева довольно легко овладела хутором и хозяйственными по-

стройками вокруг него. Однако обозначившийся успех развития не получил. Оборонявшийся противник во второй линии траншей, проходившей по холмистому полю с реденькими перелесками, встретил бойцов капитана Забегина таким жестоким огнем, что теперь почти весь батальон лежал за каменными стенами сараев, укрывался в отбитых блиндажах.

К полудню стрельба поутихла.

Старшина четвертой роты Шабров, худощавый высокий мужик, привез боеприпасы для всего батальона. Пользуясь тем, что подмерзшая почва за день не оттаяла, он привел тяжелую повозку по закраинам старой пахоты и луговин и с помощью ездового один за другим перетаскивал ящики с гранатами и цинки с патронами на КНП.

Теперь Шабров стоял над грудой ящиков и коробок, не зная, как к ней подступиться. Помощь пришла неожиданно в лице младшего лейтенанта Ивашова.

Предполагая, что в роте Нечаева могут быть тяжелораненые, Виталий решил не мешкая сбегать туда.

Когда докладывал комбату, что собирается в роту, тот сказал:

— Верно, жми, доктор. Заодно подсоби старшине, он боеприпасы в роту понесет. Да смотрите, поаккуратнее, немец мины кладет по нейтралке.

Комбат как в воду глядел, а скорее, это были мощные цейсовские окуляры вражеского наблюдателя, который заметил две фигурки, перебегавшие нейтральную полосу.

Шабров и Виталий с тяжелыми цинками под мышками, достигли уже половины бывшей нейтральной полосы, как слева, метрах в тридцати, рванула мина.

— Ложись! — крикнул старшина и пластом растянулся на кочковатой земле.

Уже падая, Виталий услышал угрожающее пофыркивание второй летящей мины и тоже сунулся носом в мерзлую пахоту.

Затем разрывы сместились в сторону. Тогда старшина привстал, озираясь, сграбастал цинки, и оба они одним духом домчались до сарая из дикого камня, за стенами которого лежали бойцы роты Нечаева.

Старший лейтенант сидел в окопчике, курил. Улыбаясь Ивашову, сказал:

— Чего ты носишься? Думаешь, без тебя не управимся, если будет надо? Санинструктор у меня, сам знаешь, — бог. Раненые есть, все легко, ночью уйдут в санроту.

— Ну мало ли,— ответил Ивашов, вынимая еще отцовский замшевый кисет.— Решил вот...

— А теперь дуй обратно,— приказным тоном сказал Нечаев.

Был он старше Ивашова лет на восемь, и потому Виталий чувствовал к нему особое уважение. И вообще Нечаев был человек интеллигентного склада; с солдатами вежлив, но по-учительски требователен.

Быстро докурив цигарку, Ивашов встал.

— Напрямик не ходи, — сказал Нечаев.— Шпарь по траншее до низинки, оттуда через нейтралку прямо на КНП. Но будь осторожен. Тот участок простреливается.

— Все понял, товарищ старший лейтенант, учту.

Выбравшись из окопа, придерживая левой рукой санитарную сумку, Ивашов побежал к траншее, спрыгнул вниз и затрусил дальше.

Траншея была местами разрушена снарядами и доверху засыпана землей, то тут, то там валялось брошенное оружие. Виталий уже дважды, опираясь о брустверы, перепрыгивал через трупы в грязно-зеленых шинелях. А траншее, казалось, не будет конца. Оставшись один, он с тревогой подумал, как бы не залететь на участок, занятый противником. Забыв про осторожность, Ивашов бежал, не прячась за бруствер, и это чуть не стоило ему жизни. Свистнувшая пуля взбила фонтан песка метрах в двух впереди. Виталий упал на дно. «Вот, гад, на самом деле простреливает»,— подумал он, продвигась ползком вперед.

А лощина была совсем близко. На четвереньках, перебежками Ивашов добрался до излома траншеи и... замер от неожиданности.

Метрах в пяти от него на приступке в пулеметном гнезде сидел гитлеровец. Сидел он как-то боком, раскинув ноги, два светлых глаза смотрели на Ивашова в упор, будто целясь.

В первое мгновение Виталий хотел кинуться назад, но, увидев брошенный карабин, схватил его, дернул затвор — забит землей.

Между тем ничего враждебного в поведении этого солдата не проявлялось. Виталий понемногу справился с растерянностью. И тут немец сделал знак, подзывая его подойти поближе. Не выпуская из рук карабина, Ивашов осторожно приблизился. Теперь он мог разглядеть солдата. Он был немолод, лицо, обтянутое серой кожей, казалось мертвым.

Ивашов подвинулся к нему еще на шаг. Немец медленно поднял голову — глаза их встретились.

— Капут,— хриплым голосом протянул немец и откинул полу шинели.

Глазам Виталия открылась страшная рана, бедро было наискось разворочено осколком, перебитая кость торчала. Солдат начал быстро шарить рукой по френчу, пытаясь что-то объяснить, но силы оставляли его. Из обрывков фраз ничего нельзя было понять. По-видимому, он умирал. Еще дважды повторил слово «ихь» и умолк. Через минуту его тело сползло с приступка на дно окопа лицом вниз. Ивашов в оцепенении смотрел, как дернулась голова немца, а на стриженый затылок со стенки потекла струйка песка.

При виде всего, что сию минуту произошло на его глазах, холодные мурашки пробежали по спине Ивашова. Одолевая страх и подступившую дурноту, неосознанно возникшую жалость к мертвому солдату, он попятился. Но откуда жалость? Виталий подавил в себе это мгновенное чувство: враг, хотя и мертвый, оставался врагом; вон он, пулемет, чесал по нашим до последнего.

Ивашов отбросил бесполезный карабин и бочком, а затем со всех ног, насколько позволяла траншея, кинулся прочь от этого мрачного места.

От траншеи до КНП батальона было метров триста, Виталий перевалил через бруствер и, хотя по нему никто не стрелял, перебежками кинулся через нейтральную полосу.

Командир батальона, недоверчиво поглядывая на Ивашова, который доложил ему обо всем, что увидел в роте Нечаева, и о встрече в траншее с гитлеровцем, хмыкнув, сказал:

— А ты геройский парень! Подумать только: живого немца увидел! Да-а! Почему у дохлого-то документы не забрал? Растерялся? Ладно, ступай, сам разберусь...

Только по дороге к себе Ивашов осмыслил сказанное капитаном Забегиным. Конечно, комбат был прав, упрекнув его в несообразительности.

В самом деле, документы врага могли пригодиться командованию. Ну и ну! Нет, воевать даже в должности командира санитарного взвода оказалось совсем не просто.

В эту ночь Виталий Ивашов спал крепким сном. Он не слышал возникшей на участке оборонявшейся роты Нечаева перестрелки, разрывов гранат, не слышал, как бегал выяснять обстановку Ясыров: тот не стал будить своего командира, подумав, что возникшая заварушка на переднем крае не представляет серьезной опасности.

На самом деле происшедшее оказалось сложнее и драматичнее.

Гитлеровцы атаковали ночью роту Нечаева с фланга и вытеснили ее. Рота с потерями отошла в свою первую траншею.

Беспечность капитана Забегина была наказана. Его отозвали из батальона. Новым командиром был назначен старший лейтенант Нечаев.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

Рассвет едва наметился, когда стадо косуль, строго следуя за своим вожаком, вышло на опушку. Здесь животные прислушались, более нетерпеливые принялись разгребать копытцами снег, отыскивая стебли хвоща, за ними потянулись и остальные — суетясь, накинулись на кустики ежевики.

Мгла постепенно рассеивалась; уже обозначилась линия старых окопов вдоль березового колка и межевая полоса за ними, дальше проступали очертания хуторских построек. Безлюдье и тишина прифронтовой полосы.

Вдруг вожак — стройный самец, заслышав подозрительный шорох, мотнул короткими рожками, хрипловато проверещал, и стадо метнулось в глубь леса.

Боец, назначенный в оцепление района боевых стрельб, заметил мелькнувшие в кустах темные тени, схватился за автомат, но тут же догадался, кто перед ним, и шумно, весело вздохнул. «Козы лесные! — азартно вглядываясь в чащу и счастливо улыбаясь, подумал он, охваченный охотничьей страстью.— А что им война? Э-эх!»

Мечтательно усмехаясь, боец вынул кисет, стал скручивать папироску. И в воображении встало давнее, стертое войной. Казалось, вот-вот раздастся страстный, злобно-нетерпеливый лай его верного гончака, ходко преследующего удиравшего зайца.

Шли минуты. В отдалении хлестко ударили карабины, затрещали автоматы. Боец выпрямился, бросил в снег окурок, огляделся: какой-никакой, но пост есть пост.

Уже неделю дивизия на отдыхе.

В первый день оборудовали жилье — оставленные какой-то частью землянки. Выгребли мусор, застлали нары свежим лапником, наладили печки — стало можно жить.

Наконец был объявлен день банный.

Помыть полк во фронтовых условиях — дело хлопотное. И что такое фронтовая баня? Та же землянка, человек на десять, да вместительная палатка с тамбурами из брезента, прямо на землю настелен толстый слой лапника, чтобы ноги не стыли. Воду грели на кострах в двух бочках, вместо тазиков — ведра. И все же бойцы мылись с удовольствием, поухивали, повизгивали, когда разогретые тела охватывало сквознячком из тамбура. О веничках, конечно, только вспоминали.

Больше всего забот было у старшины — прими грязное белье, выдай чистое, проследи за водогрейщиками, чтоб ворон не ловили. Фельдшеру тоже досталось: на его ответственности была передвижная дезокамера, в которой прожаривалось обмундирование; вроде бы ничего сложного тут нет, а все надо сделать по инструкции — иначе проку мало. До полуночи крутился Ивашов у этой установки, спасибо Ясырову, подменил, и Виталий смог поспать часика три. К утру помывку закончили тыловые подразделения полка.

Утром, подпоясываясь ремнем и ощущая тяжесть кобуры, Виталий испытывал особое удовлетворение — наконец-то он при оружии. Правда, это был наган, а не пистолет ТТ, о котором мечталось, но тем не менее — оружие, подарок раненого старшины Шаброва.

В тот день по пути из роты Нечаева Шаброва ранило в плечо осколком мины. Ранение было пустяковым, старшина надеялся отлежаться в санроте, однако рана воспалилась, и капитан Золотова направила Шаброва в медсанбат. И теперь, прощаясь с Ивашовым, старшина снял с ремня кобуру, сказал:

— Бери, доктор, мой наган на память, в санбате все равно придется сдавать...

Всего какой-то месяц Ивашов на фронте, но за это время он незаметно для себя возмужал. Внешне он, конечно, оставался прежним, зато в сознательном отношении к своему делу поднялся ступенькой выше. Причины были две: первая — это когда Ивашов понял, что свои обязанности он должен выполнять не от сих и до сих, а брать на себя чуть больше, оттого и конечный результат становится весомее. Вторая причина заключалась в том, что он научился (разумеется, не без промахов) пользоваться отпущенной ему властью. Тут надо было побороть ложный стыд и робость перед старшим по возрасту и званию командиром, потребовать от него выполнения в первую очередь санитарных мероприятий, а затем проверить исполнение, не дать ему отмахнуться от тебя.

Другое обстоятельство — при новом комбате Ивашов почувствовал себя увереннее. Нечаев оказался не просто душевным человеком: его внимание, расположенность исподволь согревали Виталия, порождали ответное искреннее рвение. Старший лейтенант был еще и проницателен. Видя, что фельдшеру батальона пока еще недостает опыта, не приказом или грозным распоряжением давал понять Ивашову, как нужно поступать, а терпеливо, обстоятельно разъяснял, в чем тот ошибается. Но когда из доклада младшего лейтенанта он узнал, что в одной из рот плохо следят за просушкой обуви, немедленно вызвал нового старшину и строго внушил, что распоряжения фельдшера следует выполнять так, как приказы лично его, комбата.

А были еще вечера, когда в землянке комбата собирались офицеры подвести итоги минувшего дня, тут же решались вопросы службы и боевой учебы на следующие сутки. Затем разговор принимал будничный характер: вспоминали дом, перечитывали друг другу письма. И «гуманитарий», как себя именовал комбат, не оставался в стороне, рассказывал о том, как начинал учительствовать перед войной и какое это счастье — быть сельским учителем. В общем, к Нечаеву тянулся не один Ивашов — все офицеры чувствовали себя с ним свободно, и это боевое товарищество укрепляло весь коллектив, называемый стрелковым батальоном.

После обеда в землянку санвзвода прибежал связной.

— Товарищ младший лейтенант! — выпалил он.— Комбат вызывает.

— Идем,— ответил Ивашов, надевая шинель. «Наверное, опять занятия с офицерами»,— подумал он, но расспрашивать связного не стал.

Старший лейтенант Нечаев был в празднично-приподнятом настроении. Очевидно, он недавно побрился, худощавое его лицо лоснилось, даже кончик носа с горбинкой сиял, а русые, в рыжину, влажные волосы носили след расчески. В землянке приторно пахло тройным одеколоном. И сапоги его были парадно надраены. Сунув ладони под ремень, он весело оглядел Ивашова, который был немного ошарашен великолепием комбата.

— Видик у тебя, доктор, не того,— глядя прямо в глаза Виталию, сказал он.— Будто из траншеи вылез. Час даю на сборы: приведи себя в порядок, и — ко мне. В штаб полка вызывают,— загадочно добавил он.

«Вот это да! — думал Ивашов, бегом возвращаясь к себе.— Неужели?» Краем уха Виталий слышал, что на него писали наградной лист, но отнесся к этому спокойно: мало ли что говорят, да и за что его награждать? А в череде быстро бегущих дней он и вовсе забыл об услышанном.

Восемь человек — красноармейцы, сержанты, офицеры — шагают за комбатом по тропинке к хутору на опушке леса, где разместился штаб полка. В голове Виталия полнейший хоровод мыслей: сомнения и тщеславие — все перемешалось.

Когда все собрались в просторной передней, из боковушки вышли командир полка и начальник штаба. Командир полка произнес короткую речь, затем начальник штаба зачитал приказ о награждении. Многим вручили ордена. Нечаева наградили орденом Отечественной войны II степени. Получил свою первую награду — медаль «За отвагу» и младший лейтенант медицинской службы Ивашов.

Когда церемония с вручением наград была закончена, объявили другой приказ, которым старшему лейтенанту Дмитрию Ивановичу Нечаеву присваивалось очередное воинское звание — капитан.

Шагая обратно, все были оживлены, переговаривались, что-то вспоминали, и только Ивашов, до глубины взволнованный свалившейся на него радостью, был торжественно-молчалив. «Сегодня же напишу письмо маме»,— подумал он. А душа его ликовала, и так хотелось выкинуть что-нибудь этакое...

Снег подваливал и подваливал. Зима вступала в свои права. Правда, была она мягкая, прибалтийская, однако морозец вытянул лишнюю влагу, промерзли и болотистые низинки. Обоз полка перевели с повозок на сани.

У личного состава свои перемены: вместо ботинок с обмотками бойцам выдали валенки. Достались кому какие: одному поновее, другому подшитые, но вся обувь прочная, теплая и по ноге.

Виталий тоже получил новую пару серых валенок. «Вот маме бы такие»,— с грустью подумал он, помня, сколько раз латал да подшивал материны черненькие катаночки-развалюшки.

Командир полка провел смотр: обошел выстроившиеся батальоны, батарею сорокапяток, минометчиков, прошелся по тыловым подразделениям; кого-то похвалил, кому-то всыпал как следует.

С того дня время будто ускорило свой бег.

«Значит, скоро в наступление,— догадывался Ивашов.— А когда?» — «Со дня на день жди приказа»,— ответил на его вопрос комбат.

И такой час настал.

Вечером, не дожидаясь темноты, батальоны изготовились к маршу. Все бойцы облачились в маскировочные костюмы — белый балахон с капюшоном, такие же шаровары. Ивашов с Ясыровым — тоже в белых костюмах.

На исходе ночи батальон капитана Нечаева занял траншеи сменившейся части.

Оборона здесь проходила по возвышенности, на которой стоял дом с пустыми глазницами окон, к нему примыкал просторный полуподвал, слева находились хозяйственные постройки и два бетонных бункера, вероятно, в прошлом силосные ямы; эти бункера и занял комбат под свое КНП.

Вместе с Ясыровым командир санвзвода пробежался по траншее, в которой находились бойцы. Сержант вернулся в полуподвал, где они разместили БМП, Ивашов поспешил к комбату.

Утро занималось мглистое. Туман скрывал окрестности, и не понять было, что там, за этой белой мглой, где проходит передний край противника. Истекали последние минуты, и по тому, как всех находившихся на КНП офицеров — знакомых и незнакомых — охватывало возбужде-

ние, по спешно отдаваемым связистам командам Ивашов догадывался, что сейчас начнется. И тут же, опережая его мысли, за лесом скрежетнула «катюша», следом ударила артиллерия, минометы.

Постреляв сколько-то, орудия смолкли. Бой разворачивался вяло. Не прошло и получаса, как стали поступать донесения: пехота залегла, продвигаться мешают вражеские огневые точки, расположенные в насыпи железной дороги, которую было приказано перерезать.

Капитан Нечаев, наблюдавший в стереотрубу за полем боя, спрыгнул с ящика, служившего подставкой, окликнул Ивашова:

— Взгляни и запомни.

Виталий взобрался на ящик, повернул рога стереотрубы, и затянутая дымом и туманом снежная низина как бы прихлынула к его глазам. По низине бил миномет, то тут, то там, оставляя на снегу черные кляксы, виднелись фигурки бойцов в белой одежде, переползавших от воронки к воронке.

— Теперь понял, каково там,— сказал комбат, оттесняя Ивашова от прибора.— Где же танки, черт бы их побрал,— сквозь зубы произнес он.

Ивашов сообразил, что делать ему здесь больше нечего, и направился к себе на БМП.

К полудню батальон при поддержке танков и самоходки продвинулся километра на два. Ушли вперед с капитаном Нечаевым все, кто находился на КНП,— артиллерийские наблюдатели, связисты.

Выделенные в помощь Ивашову два бойца сносили на носилках в подвал тех, кто не мог передвигаться сам. Туда же пришли и легкораненые. Всего собралось более десяти человек. Да около этого, наверное, отправилось в санроту самостоятельно.

Виталий осмотрел повязки раненых, кого-то перебинтовал заново, двум наложил сетчатые металлические шины.

Занятые своими делами, оба медика не заметили, как наступил вечер.

— Где наш Омельчик? — беспокоясь, спросил Ивашов.

— Может, дорогу перепутал? — отозвался Ясыров.— Много войска через лес прошло.

— И такое могло случиться, — ответил Виталий.— Придется идти искать.

Предупредив раненых, что они ненадолго отлучатся, Ивашов и Ясыров направились в тыл.

Миновав поле, немного углубились в лес и остановились; здесь и в самом деле трудно было разобраться в следах: основная дорога, проторенная санными повозками и орудийными упряжками, раздвоилась, вправо и влево уходили другие колеи.

Решили не рисковать, а вернуться на свой БМП.

Вставала луна. В лесу отчетливее обозначились тени от деревьев. Когда они вышли на опушку, впереди предстала взору вся долина, где днем шел бой. Сейчас там было тихо, лишь сквозь туман просвечивало багровое пятно догоравшей постройки. И тут Ясыров неожиданно потянул Виталия за куртку.

— Ложись,— прошептал он.— Смотри!

В лунном свете Ивашов увидел пять силуэтов людей в маскхалатах, они шли наискось через поле к лесу.

Оба, должно быть, мгновенно подумали: «А вдруг это гитлеровцы, проникшие в наш тыл?» Сержант вынул свой трофейный парабеллум, Ивашов тоже расстегнул кобуру. Лежали, вслушиваясь, вглядываясь в приближающуюся группу. Наконец до слуха донеслись отдельные слова, и они поняли: наши. Видимо, это разведчики возвращались с передовой.

— Ух, дьявол, напугали как,— облегченно вздохнул Ясыров и принялся сворачивать цигарку.

Виталий тоже вынул кисет и бумагу.

Покурив и успокоившись, они вернулись к себе.

Прошло еще с час, и наконец в подвал ввалился ездовой. Ругая старшину, он объяснил, что тот мобилизовал его на подвоз боеприпасов, оттого и вышла задержка.

— Я доложу комбату,— сказал Ивашов.— Это старшине даром не пройдет. Будет знать, когда можно и когда нельзя брать нашу повозку.

Только эвакуировав всех раненых, Ивашов и санинструктор отправились догонять батальон.

— Отвезешь последних и нигде не задерживайся, следуй за нами,— приказал ездовому Виталий.

— Слушаюсь, товарищ младший лейтенант,— ответил Омельчик, довольный, что все для него обошлось более или менее благополучно.

В просторный блиндаж набилось столько народу, что ступить некуда. Но бойцы потеснились, и Виталию нашлось местечко на полу у самого входа.

— Отдыхайте, товарищ младший лейтенант,— сказал Ясыров.— Я на свежий воздух пошел. Мы с Омельчиком в повозке переночуем.

— Замерзнете,— возразил Виталий.— Как-нибудь бы и здесь устроились.

— Не беспокойтесь, сено есть, нам не привыкать,— ответил сержант.

Виталий подумал, что сена на санях навалом, к тому же есть табельное стеганое одеяло, которым укрывали эвакуируемых раненых, так что за подчиненных он может быть спокоен.

Сон быстро сморил Виталия. Он не слышал, как подошел танк, не слышал, как кто-то звал: «Санитар, где тут у вас санитар!» Очнулся он, когда тряхнули за плечо:

— Фельдшер, вставай, тебя зовут.

Не зная, в чем дело, Ивашов схватил санитарную сумку, лежавшую в изголовье, и выскочил наружу. Посреди двора черной глыбой маячил танк, и кто-то суматошно продолжал звать санитара.

Ивашов подбежал к машине и увидел лежавшего на снегу танкиста в шлеме и черном стеганом комбинезоне. Рядом стояли члены экипажа.

— Ты санитар? — подошел к нему низенький коренастый танкист, видимо тот, кто разыскивал медика.— Дрыхните, черти! Наш командир ранен, быстро перевязывай! — командовал он.

— Ты не ори! — ответил Ивашов, сдерживая возмущение.— Я фельдшер, в чем дело?

— Командир ранен, говорят тебе,— немного унимаясь, ответил танкист.— Осколком в правую ногу.

Виталий опустился на снег, сумку положил рядом. Штанину стеганого комбинезона одним махом раскроил ножом до паха. Ощупал ногу и понял — ранение с переломом бедренной кости. Теперь Виталий действовал уверенно. Вынув из сумки резиновый жгут, он скомандовал ершистому танкисту:

— А ну помогай! Поддерживай ногу... Вот так, так...

Наложив жгут и тугую повязку на рану, Виталий подумал о шинах. Необходимо было иммобилизовать конечность, придать ей неподвижность, только в таком положении можно транспортировать раненого, не травмируя его дополнительно.

А где взять шины? Ивашов окинул взглядом двор, и его осенило: «Вот он, подручный материал!» Крыша ко-

ровника была снесена снарядами, и вокруг лежали груды древесной дранки, она-то теперь и выручит.

— Закончил, всё? — нетерпеливо спросил помогавший Ивашову танкист.

— Не рыпайся ты,— осадил его Виталий.— Делай, что я велю.

Танкист, уже начиная подчиняться воле фельдшера, послушался, к тому же и сам понял, что следует делать. Вдвоем они быстро, используя бинты, изготовили из дранки три надежные дощечки. Расположив их как надо — одну по низу, две по бокам,— Виталий туго прибинтовал шины к ноге. Он остался доволен своей работой, а больше — собственной сообразительностью.

— Часы у кого есть? — спросил он.— Сколько сейчас?

Кто-то из членов экипажа ответил:

— Двадцать три с четвертью.

Огрызком карандаша Виталий написал на листочке время наложения жгута, приколол записочку булавкой к комбинезону раненого, сказал:

— Теперь все, будем эвакуировать в санчасть.

Раненый, по-видимому, почувствовал облегчение, перестал постанывать и, приподнявшись на локтях, произнес:

— Легкая у тебя рука, доктор, спасибо, легче мне стало.

Виталий уже десятки раз слышал подобные слова благодарности, и потому похвала танкиста почти не тронула его, а вернее, коснулась чуть-чуть: он, как и положено опытному медику, ответил с нарочитой грубоватостью:

— Полегчало — и хорошо, после будешь говорить спасибо, сейчас в санчасть тебя отправим, там у нас врачи,— стараясь ободрить раненого, добавил он.

— А где ваша санчасть? — тут же спросил один из танкистов.— Мы отвезем командира на танке.

Ивашов, конечно, не знал, куда передислоцировалась санрота, и потому, подумав, ответил уклончиво:

— Нет, на машине вы его растрясете, отправим на нашей повозке, теперь я за него отвечаю.

Чуть свет подвезли термосы с пищей. Бойцы, позвякивая котелками, стали выбираться из блиндажа.

Ивашов тоже направился проведать своих подчиненных, узнать, как они переночевали да благополучно ли отвез Омельчик танкиста в санроту.

— Не замерзли? — спросил Виталий, здороваясь с сержантом и ездовым.

— Совсем было хорошо,— улыбался Ясыров.— Омельчик так храпел, что я боялся, немец услышит.

— Ну ладно,— кивнул Ивашов.— А ты, Омельчик, быстро нашел санроту?

— А як же? В том самом хуторе расположились, где вы были вчерась.

«Понятно,— подумал Ивашов.— Место удобное и подвал есть».

Утро выдалось такое же туманное, как и накануне. Пока было тихо. Виталий решил осмотреть хутор, где занял оборону батальон.

За коровником, сложенным из камня, начинался яблоневый сад, опоясанный траншеей, правее на отшибе стоял кирпичный дом.

Едва Ивашов отошел от сарая, как рядом с домом грохнул разрыв. И оттого, что поверх ушанки был еще и капюшон, Виталий с запозданием услышал свист второго снаряда. Уже падая, он ощутил удар в правую ногу — будто огрели тяжелой дубиной. По-собачьи, на четвереньках, он кинулся за сарай. Глянул на валенок — дырка, словно карандашом проткнуло. «Схлопотал осколок»,— ужасаясь, подумал он. Тем же ножом разрезал валенок — точно, осколок вошел в мякоть голени. Перевязав ногу и обмотав бинтом поверх валенка, он приковылял к блиндажу комбата.

Капитан Нечаев торопливо отдавал какие-то распоряжения по телефону. Увидев Ивашова, коротко спросил:

— Ты чего?

С виноватым видом Виталий указал на валенок.

— Ранило, товарищ капитан.

— Эк тебя угораздило,— с досадой поморщился комбат.— Ступай в санроту, чего делать. Там повозка пришла с боеприпасами, на ней и уедешь. Передай санинструктору, что я приказал принять командование санвзводом. Давай иди лечись, мне некогда. Сам видишь, начинается...

Наспех распрощавшись с Ясыровым и Омельчиком — оба были ошарашены случившимся, оттого больше молчали,— оставив на санях ненужную теперь санитарную сумку, Ивашов направился к повозке боепитания, ездовой которой нетерпеливо махал рукой.

Санрота уже обжила пустовавший дом: окна забили досками, завесили плащ-палатками, топилась железная печка, и было тепло.

— Ивашов? — удивленно воскликнула капитан Золотова.— Зацепило? — указывая на перехваченный бинтом валенок, спросила она и добавила: — Показывай, что там у тебя.

Ивашов снял повязку. Врач пощупала пальцами края раны, сказала:

— Ничего опасного, в санбате вынут осколок, поправишься. И обязательно просись к нам назад.— Она смотрела на Виталия приветливо.— Понял? Надеюсь, мы еще увидимся...

ВЕСНА ПОБЕДЫ

Почти месяц Ивашов находился на излечении в госпитале. 19 февраля сорок пятого года его выписали. А вот возвратиться в свою часть не удалось. Из санотдела армии его направили в другую дивизию.

Отмахав километров пятнадцать по начавшей раскисать дороге, Виталий в тот же день разыскал полковую санчасть, где ему теперь предстояло служить и воевать.

Начальник ПМП майор медицинской службы Власова, женщина лет сорока, круглолицая и курносая, по-зимнему в ушанке, из-под которой высовывались рыжеватые кудряшки, бегло просмотрев предписание, сказала:

— Так, младший лейтенант Ивашов. Значит, из госпиталя. Куда ранен был?

— В правую голень, товарищ майор.

— Рана-то затянулась?

— Не совсем, но это пустяки,— бодрясь, ответил Виталий.

— Ну это мы посмотрим,— возразила врач.— Коли такое дело, будешь работать у нас.

Ивашов было заикнулся насчет должности командира санвзвода, но Власова, строго посмотрев на него, ответила приказным тоном:

— Приступайте к исполнению своих обязанностей, младший лейтенант Ивашов.— И тут же совсем не по-командирски добавила: — На то ты и фельдшер, у меня в санроте одни медсестры, с ног сбились, раненых хватает. Ясно?

В первые же часы Ивашов убедился, насколько права майор Власова.

Дивизия вела бой за латышский городок Приекуле, километрах в сорока от морского порта Лиепая. Туда были нацелены основные силы армии. Здесь гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись.

По тому, как раненые продолжали поступать и поступать, Ивашов догадывался, насколько тяжело дается нашим бойцам этот городок.

Виталий работал наравне с медсестрами: подбинтовывал кровоточащие раны, накладывал более сложные повязки. Лишь далеко за полночь, когда отправили в медсанбат последнюю партию раненых, подлежащих срочной эвакуации, он прикорнул часок-другой.

Утром, пользуясь передышкой, Ивашов вышел во двор. Отсюда, с возвышенности, местность просматривалась далеко: километрах в пяти в дыму лежал городок, и в ту сторону продолжали бить орудия, методично посылали свои огненные кометы эрэсы, время от времени звеньями проносились штурмовики. Все увиденное в глазах Виталия предстало как одна грозная картина боя.

23 февраля сорок пятого года город Приекуле был освобожден. Дивизию сняли с передовой и вывели в резерв.

В Курзем наконец пришла весна. Быстро сходили снега, с моря налетал сырой ветер и сеялся холодный дождь. Временами выпадали такие густые туманы, что в десяти шагах ничего не разглядишь. Но день ото дня становилось теплее, чаще сквозь облака просвечивало солнце. И тогда взору открывались голые холмистые поля, изрезанные траншеями и окопами, разрушенные хутора, посеченные артогнем леса.

Не заметили, как подошел праздник 1 Мая. А на следующий день свершилось то, чего все так долго ждали.

Было уже поздно. Виталий лежал в землянке на нарах, дремал. Вдруг с улицы донеслись крики «Ура!», а затем застрочили автоматы, начали стрелять из карабинов и пистолетов. Ивашов кинулся наружу. Перед землянкой толпилась вся санрота. Стараясь перекричать стрельбу, кто-то восторженно вещал:

— Товарищи, Берлин капитулировал! Красное знамя над рейхстагом! Победа! Ура!

Не зная, как выразить свои чувства, еще не осмыслив в полной мере грандиозность свершившегося, Виталий смотрел в небо, сплошь расчерченное трассирующими пулями, и вздрогнул от неожиданности, когда загрохотала гаубичная батарея, стоявшая неподалеку. Орудия вели огонь по переднему краю противника, до которого и было всего несколько километров.

Да, в Берлине наступила тишина, советские бойцы ликовали, капитуляция фашистской Германии ожидалась со дня на день. А здесь, в Курляндии, днем и ночью гремела канонада. И в последующие дни доносились отзвуки боя, то более близкого, то отдаленного.

Рано утром полк подняли. Бойцы выстроились и побатальонно, колонной, с развернутым знаменем двинулись в сторону передовой. Было удивительно тихо, лишь в вышине гудели самолеты — советские истребители барражировали над линией фронта.

До полудня находились в лесу близ передовой, а около трех часов разведчики сообщили: «По всему переднему краю гитлеровцев выброшены белые флаги».

И вот на полевой дороге показалась первая огромная колонна безоружных немецких солдат, потянулись фуры, запряженные битюгами, к повозкам уздечками были привязаны верховые кони под седлами. Курляндская группа войск сдавалась в плен.

Сияло майское солнце, проклевывались первые листочки, зеленели луговины.

— Никогда не забудем этого,— тихонько сказал лейтенант Исаев, комсорг батальона, стоявший рядом с Ивашовым.

И это была правда. Такое помнится всю жизнь.

На следующий день Виталий написал матери восторженное письмо:

«Здравствуй, дорогая мама!

Вот и настал долгожданный День Победы, фашистская Германия капитулировала. Я в это время находился на передовой. К трем часам мы увидели белые флаги над вражескими траншеями, сначала не поверили, а потом убедились, что это капитуляция. Радости нашей не было конца. Спустя некоторое время бойцы двинулись вперед, и что мы увидели? Застрявшие в грязи колонны автомашин, дру-

гую брошенную технику, увидели вереницу идущих навстречу немцев... Я уверен, что и у вас с огромной радостью встретили сообщение о нашей Победе. Пока всё.

С гвардейским приветом, Виталий».

Дальнейшая служба Ивашова проходила в Клайпеде. Виталий с нетерпением ждал демобилизации.

Однажды августовским днем сорок шестого года он шагал по улице, а навстречу ему под горку спускались двое военных — мужчина и женщина. Виталий обратил внимание, что женщина держит спутника под руку, и это показалось забавным. Пара приближалась. И вдруг Виталий узнал военных и замер посреди тротуара. Да, это были капитан Золотова и капитан Нечаев.

— Ты посмотри, Дима, кто перед нами! — весело воскликнула Галина Сергеевна, оглядывая во все глаза смотревшего на нее Виталия. — Это ведь Ивашов, помнишь?

—Ну как же, помню.— Нечаев энергично тряхнул руку Виталия.— Боевой фельдшер был.

После первых обычных расспросов «где?», «откуда?», «чем занимаешься?» Золотова сказала:

— Раз такая встреча, идем, Ивашов, к нам в гости, мы тут недалеко квартируем, пообедаем вместе. Кстати,— добавила она,— я не представляю тебе моего мужа, впрочем, вы знакомы.

Виталий в изумлении уставился на капитана Нечаева.

— Что, не веришь, или я не пара Галине Сергеевне? — с ехидцей спросил Нечаев.

— Нет, что вы, товарищ капитан! — смутившись вконец, ответил Ивашов.— Как-то не сообразил сразу... Поздравляю.

— Не называй ты его по званию,— с нарочитой строгостью сказала Галина Сергеевна.— Зови по имени-отчеству, скоро уже погоны снимет.

До сумерек сидели они втроем, вспоминали бои, фронтовую жизнь.

— А Ясыров и Омельчик как? — осторожно спросил Виталий.

— Живы и здоровы, еще в прошлом году демобилизовались,— ответил Нечаев.

Потом заговорили о будущем: как-то устроится жизнь в дальнейшем?

— Хочу в Ленинград,— мечтательно вздыхая, сказала Галина Сергеевна.— Ужасно скучаю по своему Питеру. А ты, Ивашов, куда, к себе на Урал?

— Да, мама меня ждет,— ответил Виталий.

— Молодец, ну а чем думаешь заняться дома? Кем хочешь стать?

Он не был готов к этому вопросу и промолчал; будущее для него пока плавало в романтической дымке надежд и мечтаний.

— Учиться тебе надо,— твердо сказала Золотова.— Постарайся выбрать верный путь, чтоб не метаться и не жалеть после.

Прощался Виталий Ивашов с этими так запавшими в душу людьми в приподнято-восторженном настроении. Простыми, но такими надежными словами провожали они его, будто благославляя в долгую дорогу, которая называется жизнью.

ВОЛЖАНИН АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ПЕРЕД ПРОРЫВОМ

Из письма бывшего командира 44-го гвардейского танкового полка подполковника в отставке Г. И. Сапрыкина:

«Я не ошибусь, если скажу, что он был самым авторитетным офицером в полку, и со мной будут согласны все те, кто хорошо знал командира танковой роты капитана Волкова. Для меня он был находкой; я поручал только ему самые трудные боевые задания. Смелый, рассудительный, всегда опрятный, вежливый и немногословный, он являлся примером для своих подчиненных. Они с гордостью говорили: «Мы — из роты Волкова». И потому не помню случая, чтобы я сам или мои заместители вынуждены были разбирать какой-то неприятный случай или нарушение дисциплины в роте Волкова. Он умел строить работу так, что все его распоряжения выполнялись безоговорочно. Справедливый и заботливый, он строго спрашивал с подчиненных, оставаясь ровным в отношениях с каждым, и люди любили его за это. Такому своему правилу он не изменял и в самой тяжелой боевой обстановке.

Приведу один пример, как бойцы дорожили честью воевать вместе с Волковым. Однажды я решил перевести одного командира взвода с экипажем в другую роту, чтобы потом он вступил в должность ротного. В беседе со мной офицер попросил: «Оставьте меня в своей роте, я еще поучусь у Волкова, а когда будет необходимо — переведете».

Напишите, обязательно напишите об Александре Волкове...»

1

Они стояли в дверном проеме теплушки, облокотившись на оградительный брус, и смотрели на проплывавшие мимо леса, опушенные молодой листвой, на окрестные поля, где по высоткам, заросшие бурьяном, еще змеились грубые трещины траншей, зияли воронки, торчали бревна развороченных блиндажей. Обочь железнодорожного полотна изредка попадались изуродованные вагоны, остовы автомашин.

Природа кое-где прикрыла изъязвленную землю, но только не пепелища, не сгоревшее человеческое жилье,— тут нужны были умелые руки плотников, каменщиков. Уныло безлюдно выглядели и уцелевшие, пощаженные огнем деревни.

И все же жизнь возрождалась, раны, нанесенные прокатившимися здесь боями зимой сорок первого, постепенно залечивались — глаз выхватывал то свежую соломенную кровлю коровника или избы, то новые, может, только вчера поставленные стропила.

Созерцая скорбные картины хотя и мирной, но все еще тяжелой жизни деревни, оба офицера молчали. И не такое, а, пожалуй, пострашней и похуже эти двадцатичетырехлетние парни уже видели; и тот и другой с начала войны на фронте и со своим танковым корпусом прошли с боями от Сталинграда до Миуса, затем были Левобережная Украина, форсирование Днепра. Это легко сказать... А сколько яростных контратак гитлеровцев отбили гвардейцы, удерживая плацдарм на правом берегу Днепра, сколько товарищей потеряли они...

Теперь это был пройденный этап. А что впереди?..

Два паровоза, тянувшие тяжелый состав, заметно убавили и без того невеликую скорость. Начался небольшой подъем, да и сам путь, видимо, не позволял двигаться бы-

стрее. Ход стал таким, что выпрыгивай и шагай рядом с вагоном — не отстанешь. Оба офицера высунулись в проем, глянули в голову состава — нет, никакой станции впереди не виднелось, посмотрели налево: длинной полудугой на повороте открылся взору весь эшелон — с танками, орудиями и автомашинами на платформах, вагонами с боеприпасами и прочим имуществом. Платформы с боевой техникой были укрыты маскировочными сетями или брезентом.

Стройный худощавый капитан Волков надел фуражку, глянул на товарища, тоже капитана, человека крепкого сложения, с крупным приятным лицом, Мирского, сказал:

— Ну как, махнем, Яша? Посмотрим, чем занимаются наши гвардейцы.

— Можно,— согласился Мирской.— На таком ходу не отстанешь, а остановка — когда она будет.

Тут вагон дернулся, лязг буферов прокатился от головы до хвоста поезда, ход совсем замедлился. Командир танковой роты Волков и его зампотех Мирской спрыгнули на насыпь и трусцой направились вдоль состава.

На первой и второй платформах, на которых стояли машины танкового взвода лейтенанта Милькова, кроме часовых, никого не было. На третьей платформе собрались почти все экипажи взвода. Бойцы, увидев своего командира, дружно приветствовали его одобрительными возгласами, несколько пар рук протянулось ему навстречу. Подхватили Волкова и Мирского, помогли им взобраться на платформу.

— Товарищ гвардии капитан,— доложил Мильков,— с личным составом проводится политбеседа.

— Правильно, Мильков,— сказал Волков, вглядываясь в лица бойцов, среди которых были и знакомые, и те, кого он знал пока мало.— О чем беседуете?

— Сперва замполит рассказал о боях зимой сорок первого здесь, в Калужской области,— пояснил Мильков,— а сейчас я просвещаю — людей у нас много новых, надо им знать о наших гвардейцах, кто здорово воевал.

Волков весело посмотрел на лейтенанта.

— Неплохо, неплохо,— одобрил он инициативу взводного.— Примеров тому у нас немало.— Обращаясь к бойцам, которые облепили укрытый брезентом танк, добавил: — Нашего зампотеха вы знаете — он перед вами. Гвардии капитан Мирской. Когда мы воевали на Курской

дуге, он со своими помощниками отремонтировал подбитый «тигр» и пригнал его к нам. А затем мы пустили этот танк против врага. К чему это говорю? К тому, что каждый не только должен отлично знать свою технику, но и разбираться во вражеской... Она в бою не помешает.— И, обращаясь к взводному, добавил: — Продолжайте занятия, да поконкретнее, побольше фактов. Дивизионку нашу — «Удар по врагу» — используйте.

— Слушаюсь, товарищ капитан,— улыбнулся Мильков.

— Действуй, лейтенант,— козырнул Волков.— Ну, а мы Сафонова проведаем.

Когда командир роты и зампотех ушли, один молоденький боец спросил:

— Товарищ лейтенант, до фронта еще далеко? А то все едем, едем...

Мильков усмехнулся, оглядел своих танкистов.

— Близко ли, далеко ли — начальство знает.— И строгим голосом добавил: — Едем мы, товарищи, конечно, на фронт. Но помните приказ: строго хранить военную тайну, на вопросы посторонних не отвечайте. Всем ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант,— хором отвечали танкисты.

Шел четвертый день пути. Григорий Мильков и сам истомился, но каким-то чутьем угадывал — близок, близок район сосредоточения.

Миновали Вязьму, Ярцево, позади остались и руины Смоленска. Километрах в сорока от города эшелон остановился. Началась разгрузка боевой техники, прочего имущества. Работали споро: на подходе были другие эшелоны, и задержка могла нарушить скрытность сосредоточения всей этой массы людей и боевой техники.

К середине июля весь личный состав соединения — шестнадцать тысяч человек с танками, орудиями, самоходными артиллерийскими установками и автомашинами — разместился в лесах. Вся техника была тщательно скрыта от вражеского взгляда. За продуктами ездили только ночью, соблюдая светомаскировку.

Люди жили в шалашах. Волков со своим другом Мирским занимали маленькую землянку. Лежали они на нарах после отбоя, тихо беседовали.

— Чудно́, Яша,— сказал Волков.— Знаешь, что вспомнил? Я же где-то недалеко отсюда воевать начал. Километров двести, небось... Торопец, Холм... Вот судьба...

— Да ты рассказывал. Там тебя контузило...

— Верно. Только вначале мы в такую переделку попали — думали, конец. Неосмотрительно поступил я. Загнал свой КВ в сарай, решил замаскироваться и вести огонь из укрытия. А там оказался большой погреб. Ну и завалились мы кормой в эту яму. Тут немцы прорвались. Кричат: «Рус, выходи».— «Черта с два»,— сказали мы, гранаты приготовили. На наше счастье, пехота выручила, отогнала фашистов. Вылез я из машины. Вижу, застряли крепко, самим не выбраться. Ну, подошел наш танк, вытянул. Только опомнились, как налетели «лаптежники». Одну бомбу рядом положили. И всё... Швырнуло меня, а там сознание потерял...

— Ладно, Саша,— помолчав, отозвался Мирской.— Что было, то прошло. Давай спи лучше...

Волков поворочался, умащиваясь на жесткой постели. В темноте назойливо звенели комары, набившиеся в землянку. Он натянул на голову плащ-накидку, затих. Сон, однако, не шел. В памяти вставали знакомые лица, и среди них были самые дорогие — отца и матери, которых уже не было в живых, вспомнился и брат Петр, погибший в сорок втором... Забылся Александр лишь под утро...

2

Из биографии гвардии полковника Волкова

Родился Александр в деревне Вишневая Поляна, Октябрьского района, Башкирской АССР в семье крестьянина.

Отец Александр Степанович держал лошадь и корову, достаток был средний.

Мать Анастасия Алексеевна возилась с мелкой живностью, хлопотала по хозяйству.

Саша и его младший брат Петр помогали родителям в полевых работах, на сенокосе. Словом, это была не зажиточная, но и не бедная деревенская семья начала тридцатых годов, трудом добывающая свой хлеб.

Зимой Саша учился в школе, которая находилась в райцентре, километрах в двенадцати от деревни. В три-

дцать девятом году он окончил десятилетку, а осенью его призвали в Красную Армию.

Далеко от Волги, в края, известные ему лишь по учебникам, завезли бойца. Попал он на службу в Забайкальский военный округ в танковую часть.

Александр прошел курс молодого бойца, и его назначили в разведывательный взвод полка.

Новые люди, первый командир — к ним красноармеец Волков присматривался зорко. А командир-то оказался человеком щедрой души. Младший лейтенант Петр Давыдов видел, кто из его бойцов чего стоит. Он отлично представлял каким должен быть разведчик, и потому отдавал этим деревенским парням все, чем обладал сам: на физподготовке он впереди, на перекладине или брусьях — он тоже первый. После отбоя обязательно проверит, тепло ли в просторной землянке, где отдыхают его бойцы. Они его быстро полюбили и старались выполнять всё, как их командир.

Однажды ночью красноармейца Волкова разбудил дневальный.

— Саша, вставай, срочно в штаб вызывают.

Бежал Александр в штаб, теряясь в догадках, зачем он понадобился в неурочное время.

Командир батальона капитан Захаров сразу же перешел к делу.

— Желаете поехать на учебу? — задал он первый вопрос.— Обдумывать нет времени, потому и вызвали сейчас, чтоб все решить до утра. Таков приказ. Куда на учебу? В танковое училище, вы грамотный, подходите по всем статьям, там такие люди нужны.

Александр был не робким парнем, решительным, но вначале растерялся — так все неожиданно получилось. Жутковато стало. Но, представив себя командиром, танкистом, управляющим грозной боевой машиной, отбросил все колебания и согласился.

Утром с несколькими товарищами он уже ехал на станцию.

Два года учебы в Ульяновском танковом училище имени В. И. Ленина пролетели быстро. Началась война. А в августе Александру Волкову было присвоено звание лейтенанта. Получил он назначение на Северо-Западный фронт, в 33-ю танковую бригаду. В бою под Торопцом был контужен. Без сознания его доставили в госпиталь. Очнулся... уже в Свердловске. После излечения Волков был на-

правлен в учебный центр в Челябинск. Затем получил назначение в 4-й механизированный корпус (ставший впоследствии 3-м гвардейским механизированным корпусом).

В составе этого соединения Волков участвовал в разгроме гитлеровской группировки под Сталинградом.

Не успели гвардейцы обжиться в смоленских лесах — другой приказ. Снова ночной лес огласился тяжелым моторным рокотом — корпус начал выдвигаться в выжидательный район.

Разумеется, ни Волков, ни его товарищи не могли тогда знать, что накануне командир корпуса гвардии генерал-лейтенант В. Т. Обухов был вызван в штаб 3-го Белорусского фронта, где в присутствии командующего фронтом генерала армии И. Д. Черняховского с ними беседовал Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Сюда же, в штаб фронта, прибыл по вызову и командир гвардейского кавалерийского корпуса. Маршал обстоятельно ознакомил генералов с общей обстановкой, затем перешел к задачам, которые возлагались на два этих соединения.

Оба корпуса сводились в подвижную конно-механизированную группу фронта. На период предстоящей операции эта группа должна была действовать в полосе наступления 5-й армии. После преодоления главных оборонительных рубежей противника группе ставилась задача — стремительным ударом войти в прорыв и продвигаться к реке Лучеса. Решающая роль в выполнении этой задачи отводилась 3-му гвардейскому механизированному корпусу.

Период подготовки для проведения крупнейшей операции по разгрому гитлеровских войск в Белоруссии вступал в новую фазу, когда огромное количество войск, в том числе и танкисты Обухова, за две ночи совершили переход в выжидательный район.

...Все произошло, как и в прошлый раз: замаскировали танки, над полевыми кухнями соорудили навесы, чтобы дым не торчком шел в небо, а рассеивался, растекался по лапнику кровли.

В жизни экипажей произошли на первый взгляд неуловимые перемены. Если раньше в течение дня они больше занимались теорией, изучали материальную часть или

слушали выступления политработников, то теперь все были заняты подготовкой боевой техники: регулировали моторы, меняли масло, радисты отлаживали рации — словом, делали все необходимое, чтобы ничто не подвело в бою.

Командир полка гвардии подполковник Бондаренко уже дважды собирал офицеров на совещание. На первом всем были розданы карты района боевых действий. Бондаренко рассказал, какие части гитлеровцев противостоят корпусу, ввел в общую обстановку в полосе фронта.

Да, противник был силен. Используя лесисто-болотистую местность, фашисты создали в Белоруссии эшелонированные оборонительные рубежи с мощными узлами сопротивления.

Подводя итог второму совещанию, командир полка сказал:

— Приказываю тщательно разведать подступы к переднему краю, особенно на участках дефиле...

С этого дня в лексикон танкистов и вошло это незнакомое слово — дефиле.

На рекогносцировку выезжали группами. Вначале командиры батальонов и рот, затем командиры взводов и машин, механики-водители.

Дошла очередь и до роты Волкова. Он вызвал командиров взводов Круглова, Сафонова, Милькова, сказал:

— Через тридцать минут выезжаем на рекогносцировку. Едут командиры машин и механики-водители, остальным членам экипажей продолжать заниматься обслуживанием техники. Да захватите по два топора от каждого взвода, вешки будем ставить, чтобы каждый знал направление движения...

Километров десять танкисты тряслись в грузовике по лесной дороге. В одном месте, где справа сквозь деревья блестели озерца, а слева начинался заболоченный кустарник, Волков, ранее побывавший здесь, остановил машину, вылез из кабины. По его знаку танкисты тоже попрыгали из кузова на землю, окружили своего командира.

— Такой вот участок местности, — Волков повел рукой справа налево, — и называется дефиле. Но дело не в названии. Таких участков на вашем пути встретится десятки. Главное, умело, без потерь преодолеть их. Здесь мы в тылу, а там, за передним краем, противник на узких проходимых

местах обязательно выставит заслоны. Так что мотайте себе на ус. Действовать в таких случаях осмотрительно, не ломиться наобум. Учтите, механики-водители...

— Товарищ капитан, — спросил кто-то из механиков-водителей, — а если ночью пойдем, как тогда?

— Для того и топоры взяли,— ответил Волков.— Каждый взвод обозначит свой маршрут вехами, где нужно. Да и ночи сейчас светлые...

Оставшиеся километры до передовой танкисты преодолели пешком: обследовали проходимые участки, выбирали пути обхода, на поворотах ставили вехи. Много они увидели в этот день замаскированной по лесам техники, орудий.

Фронт жил ожиданием наступления.

СТАЛЬНОЙ РЕЙД

1

19 июня 1944 года командир корпуса генерал-лейтенант Обухов получил радиограмму от командующего фронтом — в ночь на 23-е выйти в исходный район и ожидать сигнала на ввод в прорыв.

Еще раз прочитав текст радиограммы, Обухов обратился к начальнику штаба полковнику Сидоровичу:

— Итак, настал наш час. — Он протянул бланк, — Вызывайте командиров бригад и частей.

Подошли к карте, расстеленной на столе.

— В прорыв, значит, мы должны войти в полосе наступления семьдесят второго и шестьдесят пятого стрелковых корпусов, — уточнил Сидорович.

— Да, по двум направлениям, — ответил Обухов.

Вечером в бригадах и частях состоялись митинги. Гвардейцам зачитали обращение Военного совета 3-го Белорусского фронта. В нем говорилось:

«Стонет под фашистским игом родная Белоруссия, взывает к вам и зовет к беспощадной мести.

Настал час суровой расплаты!

Мы идем вперед на освобождение Советской Белоруссии».

В последнюю перед наступлением ночь многие танкисты не заснули. И лишь кое-кто из числа необстрелянных, кому неизвестны были опасность фронтовой жизни, все то,

что может их подстерегать в предстоящем бою, спали у танков, закутавшись от комаров в плащ-палатки.

Волков был в приподнятом настроении. Он обошел роту, поговорил с командирами, еще раз напомнил, чтобы внимательно следили за его действиями, не ждали команды: завелся командирский танк — заводи свой. Так всегда наставлял он подчиненных, добиваясь слаженности экипажей на марше и в бою.

В лесу было сумрачно, прохладно. Постепенно ночная мгла начинала редеть, светлее становился небосвод, на востоке занималась заря.

Танки, самоходки, колесные машины, выйдя из укрытий, выстроились в колонну по дорогам.

В 5 часов 23 июня 1944 года началась артиллерийская подготовка. Тысячи орудий обрушили огонь на позиции противника. Затем в грохот разрывов и залпы орудий влились новые звуки — это шли самолеты. Едва успевала одна эскадрилья нанести бомбовый удар, ее сменяла другая. По всей линии обороны гитлеровцев стояла неопадающая стена дыма и поднятой разрывами земли.

Когда первая линия вражеских оборонительных сооружений была разрушена огнем артиллерии, в атаку устремились стрелковые части 5-й армии. К середине дня они овладели рядом населенных пунктов. Тогда по приказу командующего фронтом генерал-лейтенант Обухов начал выдвигать части корпуса в прорыв.

Однако противник делал все, чтобы оторваться от преследования: уничтожал переправы через реки, оставлял группы прикрытия, танковые засады.

Танкистам оказалось непросто выйти на оперативный простор и потому, что по узким дорогам в сторону фронта двигались и другие части конно-механизированной группы, автомашины тыловых подразделений, артиллерия. Вся эта масса войск сдерживала продвижение танковых бригад, которые по плану наступления должны были продвигаться параллельными маршрутами, двумя колоннами.

Но стрелковые подразделения постепенно расширяли коридор прорыва. 24 июня танки с автоматчиками на броне, бронетранспортеры обогнали пехоту и двинулись в глубину вражеской обороны. Теперь гвардейцам предстояло действовать в отрыве от основных сил.

2

На исходе третий день стремительного продвижения по тылам противника. Ни жара, ни усталость — ничто не останавливало наступательного порыва танкистов 8-й бригады полковника Кремера.

Рассвет 27 июня застал танковую роту капитана Волкова на марше.

Командир стоял в люке, вглядываясь в приближающийся перелесок. Неожиданно радист Никитин передал по переговорному устройству:

— Товарищ капитан, на связь.

Волков услышал в наушниках шлемофона знакомый голос командира взвода Мозгового:

— Вражеская колонна сзади, — торопливо доложил лейтенант, — метрах в восьмистах.

— Что за колонна? — спросил в микрофон Волков. — Танки?

— Нет, автомашины, с полсотни.

— Атакуй двумя машинами, немедленно! — приказал Волков.

Два танка, замыкавшие ротную колонну, развернулись и быстро двинулись навстречу гитлеровцам. Первыми же снарядами танкисты подожгли головные машины, взвилось пламя и в хвосте колонны.

Нападение застало фашистов врасплох. Они лишь успели развернуть две зенитные пушки и сделать несколько выстрелов, как на них налетели танки. Круша гусеницами вражеские грузовики, из пулеметов расстреливая мечущихся фашистов, танкисты продолжали громить колонну. Вскоре сюда подоспели автоматчики на бронетранспортерах, и с противником было покончено. Уцелевшие гитлеровцы скрылись в лесу.

Продвигаясь в глубь белорусских лесов, передовой отряд расчищал путь основным силам бригады. Но в той сложной обстановке случалось и такое, когда по одной и той же дороге вперемежку двигались и наши войска, и отступавшие группы гитлеровцев.

Командир полка гвардии подполковник Бондаренко, получив данные, что позади движется вышедшая из леса вражеская колонна, приказал разведать силы противника. В разведку командир роты Волков направил Мозгового.

Разведчики-танкисты достигли деревни и тут замаскировались. Ждать пришлось недолго. Вскоре показалась легковая машина. Танкисты без труда захватили ее, взяв в плен офицера и двух солдат. От них они узнали, что следом движется колонна вражеской пехоты с пушками. Мозговой вызвал по рации командира роты, доложил обстановку. В поддержку ему Волков направил танк лейтенанта Чербаева.

Как только гитлеровцы вышли из леса на открытое место, танкисты ударили по ним из пушек, застрочили пулеметы. Фашисты кинулись назад. Три орудия пытались развернуться, но тут же были подбиты огнем танковых пушек.

В тот день экипажу лейтенанта Мозгового пришлось выдержать еще одну жестокую схватку с врагом.

Танк остановился.

— В чем дело? — спросил Мозговой у механика-водителя Демидчика.

— Сейчас выясним, товарищ лейтенант, — сказал Демидчик, выбираясь из люка.— Воробьев, за мной, — позвал он своего помощника.

Механик-водитель и его помощник осмотрели ходовую часть, доложили командиру машины о неисправностях. Мозговой с досадой стукнул кулаком по башне.

— Надолго застряли?

— Да, придется повозиться... Может, летучка подойдет, самим нам трудно управиться.

— Что, так и будем торчать на открытом месте? Нас же с воздуха в два счета засекут... Вон впереди поселок. Дойдем?

Они кое-как дотянули до окраины села Обчуга, остановились, быстро замаскировали танк в саду. Мозговой по рации доложил командиру роты о вынужденной обстановке.

— Экипажу оставаться на месте, — приказал капитан Волков. — Держите со мной связь.

— Вас понял, — ответил Мозговой. Сняв танкошлем, он вылез из башни, оглядел группу автоматчиков, оставленную для прикрытия танка. — С такими орлами мы еще повоюем, — пошутил он, а старшему в группе поставил задачу: — Младший сержант, наблюдай за дорогой, двух бойцов направь в разведку, чтоб с тыла нас не накрыли... Понял?

— Не прозеваем, товарищ лейтенант, — заверил младший сержант. — Мы с вами не первый день вместе.

— Да ну? — удивился Мозговой.

— Точно, как в прорыв вошли, так с вами и идем, — улыбнулся младший сержант.

Демидчик и Воробьев занялись машиной, башенному стрелку Никандрову и радисту Коротаеву лейтенант разрешил отдохнуть.

Мозговой прохаживался возле танка. Давно уже стих гул моторов ушедшего на запад передового отряда. Здесь пока было спокойно. Только справа все погромыхивало да время от времени доносились тяжкие удары разрывов, и трудно было разобраться — наша ли, вражеская авиация наносит бомбовые удары?

От вынужденного бездействия лейтенант не находил себе места. Тяготила неизвестность: пойдут гитлеровцы по этой единственной среди лесов и болот дороге или станут пробираться по известным им обходным путям? А если пойдут, что делать ему, лишенному маневра? Он помнил о приказе не дать противнику вырваться из окружения и отойти на новый рубеж. Но Иван сознавал и всю серьезность своего положения: сил-то у него было совсем мало.

Раздумья Мозгового прервал голос младшего сержанта, наблюдавшего за дорогой с крыши сарая в саду.

— Товарищ лейтенант, ребята мои бегут!

«Вот и дождались», — подумал Мозговой, надевая танкошлем.

— Сам-то чего увидел?

— Пока ничего, — спускаясь с крыши, ответил младший сержант. — Сейчас узнаем.

Подбежали запыхавшиеся разведчики, доложили, что в километре заметили вражескую колонну, при ней два танка, движутся по дороге в сторону деревни.

Мозговой решил встретить гитлеровцев как полагается.

— К бою! — скомандовал он экипажу.

Танкисты заняли свои места в машине.

Лейтенант подключился к переговорному устройству и, высунувшись из люка, цепким взглядом окинул узкое поле, дорогу, петлявшую среди низкорослого ольшаника. Первыми, как обычно, на опушку выскочили три мотоциклиста — моторазведка. Следом из леса выкатил в грязно-желтых камуфляжных пятнах бронетранспортер с орудием на прицепе, за ним плотной колонной торопливо шагала пехота.

Через какой-то интервал показались еще два бронетранспортера и снова пехота. Колонну замыкали два средних танка.

«Многовато на одного», — подумал Мозговой, захлопнул люк и скомандовал:

— Бронебойным заряжай!

— Готов бронебойный! — ответил башенный стрелок.

Теперь весь экипаж напряженно следил за приближающейся колонной. Первый танк поравнялся с ориентиром, который был заранее намечен Мозговым.

— Огонь! — скомандовал лейтенант.

Тугая волна пушечного выстрела сорвала с соседних яблонь листву. Еще выстрел. Вражеская машина скособочилась, замерла.

В перископ Мозговой увидел, как второй танк развернулся и начал обходить подбитую машину. Тогда лейтенант подкорректировал прицел, и следом прогремели еще три выстрела.

— Заряжай осколочный! — подал команду лейтенант и, чуть довернув башню, поймал в прицел бронетранспортер. — Огонь!

Гитлеровцы были ошеломлены внезапным ударом. Но они торопились прорваться на запад: сзади наступали части Советской Армии. Разобравшись в том, что перед ними всего лишь малочисленный заслон, фашисты ринулись в атаку. Автоматчики стали окружать наш танк. Вражеские артиллеристы в спешке разворачивали противотанковые пушки.

В который раз с горечью подумав, что его танк не может двинуться с места, Мозговой приподнял крышку люка и сразу увидел пушку.

— По орудию, огонь! — скомандовал лейтенант Никандрову, а сам уже ловил в прицел эту пушку.

Нажав на спуск, он не понял, попал или нет. Вражеский снаряд ударил в броню, оглушил лейтенанта.

Оглянувшись, он услышал, как строчит танковый пулемет, и в ту же минуту второй снаряд пропорол нижнюю часть корпуса. Машина наполнилась удушливым дымом. Лейтенант окликнул товарищей, в ответ — молчание. Мозговой просунулся к смотровой щели и увидел — гитлеровцы совсем близко.

Последние шесть снарядов он выпустил по фашистам, когда моторная часть была охвачена огнем и в машине стало нечем дышать.

Иван Мозговой открыл люк и метнул гранату в приближавшихся гитлеровцев. Воспользовавшись замешательством, он вывалился из башни. Успел заметить перебегавших в саду фашистов. И снова кинул туда две гранаты, а сам бросился навстречу разрывам.

Вдоль плетня по бурьяну лейтенант ползком добрался до межи, а там, кустарником, к лесу.

Догнав свой полк, Мозговой попросил выделить ему еще два танка.

Во встречном бою вражеская колонна была окончательно разгромлена.

3

В первые дни боев 8-я бригада уничтожала отдельные узлы сопротивления противника, громила отходившие группы фашистов, обеспечивая дальнейшее продвижение наших стрелковых частей. Гитлеровцы спешно оттягивали основные силы к Березине. И к этой реке, с именем которой связана слава русского оружия, двигались своими маршрутами три колонны корпуса — танкисты, мотострелки, артиллеристы и саперы.

28 июня главные силы корпуса вышли к Березине и приступили к строительству переправ, так как все мосты были взорваны.

8-я бригада, наступавшая на левом фланге корпуса, оказалась в лучшем положении: на ее участке саперы успели навести переправу.

Вечерело. Машины передового отряда рассредоточились по опушке. В отдалении слышен стук топоров, с глухим шумом падали деревья — это работали саперы.

Командир взвода старший лейтенант Александр Сафонов собрал своих механиков-водителей, устроил нечто похожее на занятие по обмену опытом. На марше были случаи, когда танки застревали. Почему сосед по той же болотине уверенно идет, а другого нужно буксировать?

— Вот ты,— обратился он к скуластому чумазому механику-водителю,— расскажи, как ухитряешься проходить болотины? Ведь я знаю, твой танк ни разу не засел.

— Чего ж тут рассказывать? — Боец озадаченно развел руками.— Головой надо думать и по-умному действовать.

— Верно говоришь, а ты объясни,— настаивал командир взвода,— как сам поступаешь?

— Я, товарищ старший лейтенант, ежели обстановка позволяет, сперва разведаю дорогу. Болото с разгону не возьмешь. При быстрой езде впереди вал грязи образуется, и машина станет. Нужно идти на малой скорости и малых оборотах. Бортовые фрикционы тоже не включаю, потому что гусеницы порвут корку и всё — засел.

— Видишь, как толково объяснил. А говорил: «Чего тут рассказывать». Ну как, все поняли?— обратился Сафонов к бойцам.— Теперь по местам.

Подошли командир роты капитан Волков и зампотех Мирский.

— Чем вы тут занимались? — спросил ротный.

— Немного механиков-водителей просвещал,— ответил Сафонов.

Волков с удовлетворением выслушал доклад командира взвода: нет, не напрасно он добивается от своих подчиненных по возможности устраивать такие короткие разборы действий экипажей в бою. Ведь каждая ошибка, если забыть о ней, может повториться другими, а еще хуже — обернуться бедой.

— А когда горючее и боеприпасы доставят? — спросил Сафонов.

— Из штаба передали, машины уже на подходе,— ответил Волков.

Переправившись через Березину, к вечеру того же дня 30 июня передовой отряд с ходу овладел населенным пунктом Зембин. Следом подошли и основные силы бригады.

А правее одновременно успешно действовала 35-я бригада Героя Советского Союза гвардии генерал-майора танковых войск Ази Агадовича Асланова.

Одним из первых форсировав Березину, Асланов возглавил передовой отряд и по лесным дорогам двинулся к районному центру Плещеницы. За комбригом следовали бронетранспортер с разведчиками и три грузовика с расчетами противотанковых орудий. По пути встретились с местными партизанами, которые дали подробные сведения о противнике.

Произведя разведку, Асланов принял дерзкое решение: не дожидаясь подхода главных сил бригады, овладеть городом. Для этого он направил имевшиеся автомашины за отставшим батальоном автоматчиков, следовавшим в пе-

шем строю, к ночи прибыли минометчики и еще два орудия.

На рассвете небольшой отряд аслановцев ворвался в город Плещеницы. В двухчасовом бою гвардейцы очистили райцентр от противника.

Фронтовая дорога... Она поминутно предъявляет свидетельства того, что наступление идет успешно. По обочинам громоздятся обломки повозок, в кюветах трупы лошадей, дальше обугленные останки автоколонны.

— Ох и дали же фашистам копоти наши танкисты! — с восхищением говорит молодой боец, провожая взглядом погост машин и орудий.

Эту колонну настигли и разгромили танкисты Асланова.

Тут же краем дороги уныло плетутся за своим конвоиром недавно вышедшие из леса гитлеровцы. Конвоир едет впереди, устало покачиваясь в седле. Он не оборачивается и выражает полнейшее равнодушие к тем, кто двигается сзади. Наступление наших войск продолжается.

В ходе ожесточенных кровопролитных боев в последующие дни были освобождены города Вилейка, Молодечно, Сморгонь — железнодорожная станция и важный узел шоссейных дорог на пути к Вильнюсу.

ПРОРЫВ НА ТУКУМС

1

Бои за освобождение Литовской ССР близились к концу, когда командование корпуса получило приказ: сдать свои позиции стрелковым частям и сосредоточиться севернее Вильнюса, с тем чтобы не допустить подхода подкрепления противника.

Вильнюс был полностью очищен от противника войсками 3-го Белорусского фронта 13 июля.

Несколько дней танкисты, мотострелковые подразделения приводили себя в порядок, поступала новая боевая техника. А 15 июля 3-й гвардейский механизированный корпус перешел в оперативное подчинение командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта генерала армии И. Х. Баграмяна. Началась подготовка наступления на Шяуляй.

Генерал Обухов решил действовать в прорыве двумя колоннами. К исходу 26 июля войска корпуса подошли к городу.

Первыми нанесли удар по гитлеровцам танкисты 44-го танкового полка майора Сапрыкина, который принял командование частью после гибели подполковника Бондаренко еще во время уличных боев в Вильнюсе.

Вместе с самоходчиками танкисты завязали бои на окраине города. И здесь отличились танковые экипажи из роты Волкова — Георгия Милькова и Александра Сафонова.

Преодолевая упорное сопротивление противника, 8-я бригада достигла центра города и перерезала шоссейную дорогу на Ригу. Танкисты Волкова и самоходчики подполковника Яблокова помогли подразделениям мотострелков овладеть станцией и захватить несколько эшелонов с военным имуществом. К концу дня 27 июля Шяуляй был освобожден.

Затем последовал стремительный удар корпуса генерала Обухова в направлении города Елгавы.

Утром 29 июля, когда войска 3-го гвардейского механизированного корпуса во взаимодействии со стрелковым корпусом 51-й армии еще штурмовали Елгаву, командующий фронтом генерал армии Баграмян приказал генералу Обухову направить часть своих сил для прорыва к Рижскому заливу.

Из письма Г. И. Сапрыкина

«Вечером меня и начальника штаба срочно вызвал командир нашей 8-й бригады полковник Кремер. Приказ был короткий: ночью прорвать оборону противника и утром 30 июля овладеть городом Тукумс. В общем, предстояло совершить рейд в глубину обороны противника до ста километров.

Я был назначен командиром передового отряда. Нашей бригаде придавались средства усиления — самоходный полк, отдельный минометный дивизион, артполк, зенитчики, саперы. Вместе с нами должен был действовать второй мотострелковый батальон капитана Тоузакова. Командиром головной походной заставы я назначил капитана Волкова, потому что знал: он не собьется с маршрута, выдержит скорости, не растеряется при неожиданной встрече с противником. Проверяя подготовку полка и приданных мне подразделений, я убедился, что Волков грамотнее всех

остальных командиров поставил задачу танкистам своей роты, правильно оценил обстановку, в которой ему предстояло действовать».

Вернувшись после совещания в штабе полка, капитан Волков застал всех командиров взводов у своей машины.

Командир роты внимательно оглядел подчиненных; внешне он ничем не выдал волнения, оставался, как всегда, сдержанным, строгим.

— Задача, товарищи, нам поставлена трудная. За ночь мы должны прорваться к Тукумсу. Раскройте свои карты, уточним маршрут.

Командиры развернули карты.

— Рота идет головным дозором одной колонной,— продолжал Волков.— За нами в километре будут следовать основные силы бригады и средства усиления. Мы не знаем, какие дороги в глубоком тылу противника, мосты — в этом трудность. Но и приказ мы должны выполнить.

— Ясно,— за всех ответил командир взвода Григорий Мильков.

— А теперь всем готовиться к маршу,— распорядился Волков.

В оставшиеся часы бойцы готовили боевую технику, заправляли танки горючим, пополнялись боеприпасами.

В 22.30 бригада двинулась вперед.

Танки шли на большой скорости. За рычагами командирской машины сидел Волков: он частенько подменял механика-водителя, давая ему отдохнуть перед боем. А еще Александр любил сам водить танк. На его месте сидел заместитель командира полка майор Нога, держал связь с майором Сапрыкиным по рации, которая была настроена на прием,— в эфир выходить строго запрещалось.

Дороги были пустынны. Часа через полтора танкисты достигли переднего края противника и, сбив боевое охранение гитлеровцев, снова устремились вперед.

Задержка вышла у ветхого моста через речушку Свете. Бронетранспортер с разведчиками по нему прошел, а танки стали. Пока искали брод да тянули тягачами танки, потеряли немало времени.

На рассвете разведчики заметили вражескую колонну, двигавшуюся навстречу. То была прожекторная рота, при ней полуэскадрон конницы, пехота и до пятидесяти повозок с имуществом.

Автоматчики капитана Тоузакова во взаимодействии с самоходчиками с ходу разгромили эту колонну. Гвардейцы без остановки продолжали движение на Тукумс.

Наступило утро. Передовой отряд остановился у хутора. Отсюда с возвышенности отчетливо просматривался весь город, уютные домики, сады.

И вот танки и самоходки устремились на город. Удар для врага был совершенно неожиданным. Танки пронеслись по улицам из конца в конец, подавляя огнем отдельные очаги сопротивления. К полудню Тукумс в основном был освобожден, а к семнадцати часам последние группы гитлеровцев бежали с окраины города.

Бригада заняла круговую оборону. Подошли машины второго эшелона и приданных частей. Теперь предстояло выполнить вторую задачу — перерезать шоссе, идущее из Риги вдоль Рижского залива.

Ночью 30 июля специально выделенный отряд под командованием капитана Смотрова вышел к морю в районе поселка Клапкалнциемсе.

Обстановка на фронте осложнилась. Гитлеровцы крупными силами вновь развернули наступление на Елгаву. Выполняя приказ командира корпуса, полковник Кремер повернул бригаду на Елгаву, оставив в Тукумсе первый мотострелковый батальон.

В результате двухдневных боев 8-я бригада при поддержке танкистов и самоходчиков отбросила гитлеровцев от города.

Не добившись успеха на елгавском направлении, гитлеровцы решили ликвидировать тукумсский коридор.

Противник численностью до батальона с танками начал наступать на город. Командир корпуса, получив эти данные по радио, приказал Кремеру немедленно выйти на помощь своим подразделениям. В тот же день вечером 8-я бригада снова прибыла в Тукумс и заняла оборону.

Бойцы стойко отражали натиск врага. Экипажи Волкова, умело маневрируя между домами, встретили противника огнем танковых пушек.

Весь день длился упорный бой. Артиллеристам удалось подбить паровоз бронеэшелона, а затем были разбиты и все семь танков на платформах. Однако гитлеровцы ценой больших потерь потеснили наши подразделения с севера и запада. Но когда подошел третий мотострелковый ба-

тальон майора Гонтаря, а с ним несколько танков и дивизион «катюш», части бригады быстро восстановили положение.

Бригада сдала оборону города стрелковым частям 10 августа и выступила на соединение с основными силами корпуса.

За успешные боевые действия по овладению Тукумсом многие бойцы и офицеры 8-й бригады награждены орденами. Командиру бригады полковнику С. Д. Кремеру было присвоено звание Героя Советского Союза, а капитан Александр Волков награжден орденом Александра Невского.

2

Из биографии А. А. Волкова.

В 1945 году Волков участвовал в разгроме войск милитаристской Японии в Маньчжурии.

В последующие годы командовал полком, дивизией, работал в штабах. Более тридцати шести лет Александр Александрович занимал ответственные должности, находясь на службе в армии.

После увольнения в запас Волков работает с 1977 года заместителем директора по гражданской обороне Московского производственного коврового объединения.

В дни всенародных праздников, особенно накануне Дня Победы, Волков выступает с воспоминаниями о былых боях в клубе, в цехах объединения, в школе № 30 города Люберцы. Есть у ветерана еще одна почетная должность: он — председатель группы содействия Фонду мира в объединении. За успешную работу, проводимую среди коллектива, и большой материальный вклад работников предприятия в Фонд мира объединению вручена Почетная грамота Московского областного комитета советского Фонда мира.

КАМЕНЬ У ДОРОГИ

За лесом близ дороги высится огромная каменная глыба. На ней мемориальная доска с надписью на латышском и русском языках:

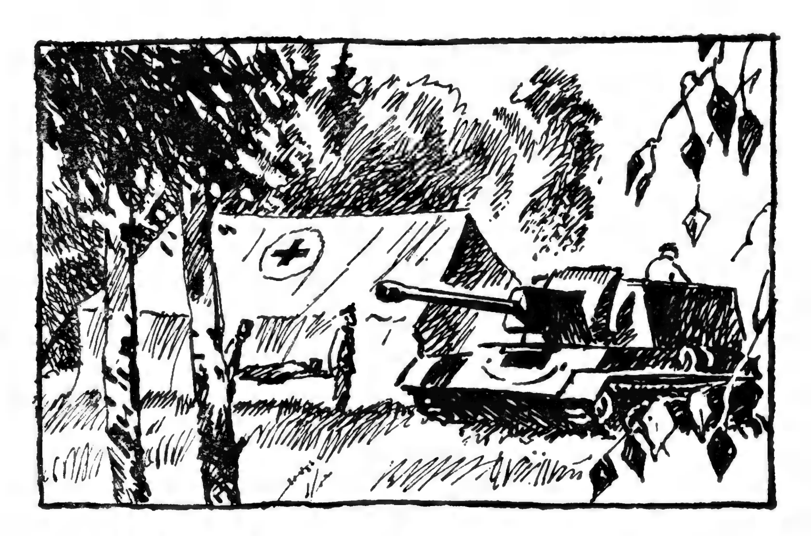
«Здесь, в поселке Клапкалнциемсе 30 июля 1944 года 8 механизированная бригада 3 гвардейского механизированного корпуса Советской Армии с боями прорвалась к Рижскому заливу».

Александр Александрович разглядывает фотоснимок, улыбается.

— Знаю, что такой памятный знак установлен, писали однополчане, а самому постоять рядом с ним не довелось. Но нынче обязательно побываю...

Волков вынимает из папки пригласительный билет. Это первый секретарь Тукумсского райкома партии приглашает почетного гражданина Тукумса А. А. Волкова на празднование 40-летия Победы советского народа над фашистской Германией.

Впереди у ветерана много интересных встреч с однополчанами. Состоятся поездки по местам боев, и, конечно, бывшие фронтовики вспомнят молодость, трудные дороги войны, которыми они шли к Победе.

МОЛОДЕЧНЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

«Их триста человек — ветеранов 3-го гвардейского механизированного корпуса — встретились на молодечненской земле,— писала местная газета «Свет коммунизма» по поводу этого знаменательного события.— С разных концов страны приехали сюда боевые товарищи по оружию, чтобы еще раз вспомнить те дни, когда части корпуса освобождали от гитлеровских захватчиков Молодечненщину...

После приема в райкоме партии все направились в деревню Красное — на места первых боев за город Молодечно. Хлебом-солью встретили ветеранов красненцы. Тут, на площади, у памятника погибшим танкистам, состоялся митинг. У дорогих могил в почетном карауле застыли воины Минского гарнизона, которые прибыли на встречу. Легкий ветерок колышет боевые знамена мехкорпуса, с которыми воины шли в бой.

На митинге выступил бывший командир самоходного артиллерийского полка, ныне генерал-майор в отставке В. В. Яблоков, который рассказал о боевых делах воинов корпуса. Выступил Герой Советского Союза Г. Г. Кияшко, и все мысленно перенеслись в тот июльский день 1944 года,

когда его танковая рота завязала первый бой за деревню. Волнующим было выступление военкома Красненского сельского Совета народных депутатов М. Д. Колесникова. Он поблагодарил ветеранов за бессмертный подвиг и заверил, что жители деревни всегда будут свято чтить память погибших воинов.

Секретарь совета ветеранов корпуса полковник в отставке А. Р. Челноков вручил району приветственный адрес и макет танка. Полковник запаса П. Х. Маринченко вручил музею боевой славы Красненской средней школы Почетную грамоту Советского комитета ветеранов войны».

Ветераны побывали у школьников и учащихся ПТУ города, выезжали на места боев в соседнюю республику — Литву. Также состоялось возложение венков на братскую могилу воинов-гвардейцев, павших при освобождении города Сморгони.

О некоторых из ветеранов, с кем удалось автору побеседовать, рассказывается в этих очерках.

АНЯ-САМОХОДЧИЦА

1

Зал заседаний райкома был полон. Заканчивалась официальная часть, когда председательствующий сказал, что предоставляет слово комсомольцам. При этом он намекнул на некий сюрприз, подготовленный молодежью города.

Люди в зале оживились, стали переговариваться. И тут к столу подошла секретарь Молодечненского райкома комсомола. От имени комсомольцев города и района она поприветствовала ветеранов корпуса, а затем обратилась к сидевшим в зале с такими словами:

— Здесь присутствуют ветераны войны — женщины. Дорогие женщины! Комсомольцы нашего города решили преподнести вам вот такие сувенирные косынки.— Она вынула из коробки алую шелковую косынку и пояснила: — Эти косынки необычные, единственные в своем роде, видите, написано «Вязынка». Вязынка — родина классика белорусской литературы, народного поэта Янки Купалы. Косынки выпущены к девяносто седьмой годовщине со дня его рождения. И пусть наш скромный сувенир напомнит вам о молодечненской земле, которую вы освобождали от фашистов, о родине великого песняра Янки Купалы. Про-

шу подойти к столу Бурову Анну Александровну,— добавила она.

Под одобрительный гул голосов и аплодисменты к столу подошла высокая статная женщина с двумя орденами Красной Звезды на синем платье. Ей первой повязали на шею памятную косынку.

«Вот она, наша Аня-самоходчица,— с гордостью сказал кто-то из моих соседей.— Так в корпусе у нас ее звали».

Так я впервые услышал имя смелой женщины, бывшей старшины медицинской службы, воевавшей санинструктором в гвардейском 150-м самоходном артиллерийском Молодечненском Краснознаменном полку.

И вот мы сидим вдвоем. Анна Александровна задумывается, погружается в воспоминания, наконец, улыбнувшись, произносит:

— Такой сегодня день... Встретила своих однополчан и никак не успокоюсь. Молодыми их вижу, боевые были ребята. Ведь со многими от самого Сталинграда прошла. А из женщин я одна в части была. Относились ко мне очень хорошо, верили мне, потому что была самая отчаянная. «Аня с нами, значит, все будет в порядке»,— говорили. А когда медику верят, видят, что он рядом, поможет в случае чего,— это, знаете ли, очень дорого. Такая вера воодушевляла. Ну а на отдыхе, на привале всегда вместе. «Спой нам, Аня»,— просили иногда. И я пела, стихи читала. Повар наш, Коля Денисов, вышивать был мастер, дарил свои вышивки, разные салфеточки. «После войны,— говорил,— все пригодится...»

Анна Александровна снова задумывается: знакомые, дорогие лица боевых товарищей, собственная молодость проходят перед ее глазами...

Аня Бурова до войны жила в городе Горьком. Работала на заводе, а вечером спешила на лекции в планово-экономический техникум. Война перепутала планы, какие обычно строит юность. Но война же мобилизовала комсомольские сердца, позвала туда, где ты более всего нужен Родине,— на фронт.

Аня Бурова не задумывалась, что ей делать, как поступить. Через райком комсомола она добивается, чтобы направили на курсы медицинских сестер. Успешно окончив

курсы, едет на фронт в составе отдельного медико-санитарного батальона. По дороге эшелон, в котором она находилась, попал под бомбежку. Контузия. Госпиталь.

В августе сорок второго года Аня Бурова получает направление в формируемый 4-й механизированный корпус (с декабря того же года — 3-й гвардейский мехкорпус), с которым и прошла весь извилистый, многотрудный путь боев от Волги до Прибалтики.

Наконец пришло двадцать третье июня сорок четвертого года. Войска 3-го Белорусского фронта взломали оборону противника юго-восточнее Витебска. На следующий день 3-й гвардейский механизированный корпус вошел в прорыв. За пять суток непрерывных боев гвардейцы продвинулись вперед почти на сто восемьдесят километров и вышли к Березине. В числе передовых частей был и самоходный артиллерийский полк, которым командовал подполковник Г. Г. Шукакидзе. Вместе с самоходчиками шла и Аня Бурова. Вперед, на Молодечно.

2

Утром на окраине разоренной белорусской деревни передовой отряд танкистов столкнулся с колонной гитлеровцев, выходивших из окружения. Завязался бой. Подоспевший мотострелковый батальон и самоходчики отбросили противника, который, отойдя, закрепился километрах в двух западнее.

Гвардейцы тоже вынуждены были занять оборону: ждали подхода танковой роты.

Командир батареи самоходных орудий старший лейтенант Гнездилов приказал замаскировать машины на опушке, так как боекомплект был у них на исходе, а грузовик со снарядами где-то застрял.

Эту машину, но с еще бо́льшим нетерпением, ждала и Бурова. Вместе с санитаром Ермолаевым они успели перенести тяжелораненых в немецкий блиндаж, ближе к дороге; тот, кто мог передвигаться сам, расположился в траншее. Но укрыть солдат мало, нужно скорее эвакуировать их в тыл, в медсанбат. Аня не находила себе места, сердце начинало ныть, когда глядела на майора Волошина, лежавшего на носилках. Раненный в грудь, он был без сознания, спасти его могла только срочная операция.

— Что мне делать? — до боли кусая губы, шептала Аня.— Что делать?..

Из-за леса донесся рокот танковых моторов: подходила рота тридцатьчетверок. Бурова выскочила из блиндажа: радость и злость смешались в груди, когда она увидела приближающуюся знакомую полуторку. Размахивая руками, она побежала навстречу и, вскочив на подножку грузовика, напустилась на шофера:

— Где пропадаешь, Рубцов? — чуть не плача, выговаривала она шоферу.— У меня раненые ждут!

— Дорога, будь она проклята. Я щас, мигом, разгружусь — и к тебе!

— Подгонишь машину к блиндажу. Понял?

— Понял, Аня, понял. Вон и командир батареи спешит... Ох, попадет мне...

Гнездилов, крепко отчитав водителя, скомандовал подбежавшим солдатам, чтобы разгружали снаряды.

Водитель откинул задний борт, кинулся помогать самоходчикам.

— Да что я, не понимаю! — оправдываясь, выкрикивал он и хватал ящик со снарядами.— Застрял я, товарищ старший лейтенант, спасибо танкистам, выдернули мою машину.

Носилки с Волошиным установили посредине кузова, по бокам разместились легкораненые. В кабину рядом с шофером сел солдат с забинтованным плечом.

— Ермолаев, присматривай за носилками,— распорядилась Бурова и — шоферу: — Поехали, Рубцов, да поаккуратнее.

Аня стояла на подножке, следила за дорогой и подсказывала водителю, где нужно вести машину потише. Время от времени она оборачивалась, смотрела на бледное лицо Волошина. «Только бы довезти»,— с тоской думала она, моля, чтобы не случилось чего-нибудь в пути.

Миновали перелесок и сырую низину, где дорога была разбита танками, впереди открылось небольшое поле, водитель прибавил скорость. И вдруг в вышине возник знакомый звенящий звук. Аня вскинула голову, а «мессер» уже заходил на них. В какую-то секунду заметив, как от самолета отделилась бомба, она крикнула шоферу:

— Сто-о-й!

От резкого торможения машины Аню кинуло вперед, она едва не свалилась на землю. И в тот же миг рвануло. Дальше водитель действовал без подсказки: заскрипела передача, и машина помчалась. Вот поле кончилось, лес рядом, а «мессер» теперь заходит сзади. Он не упустил бы

легкую добычу, но вдруг где-то очень близко ударила счетверенная пулеметная установка, светлые трассы потянулись к самолету. Фашист, однако, успел наугад кинуть мелкую бомбу и, не желая вступать в бой с зенитчиками, отвернул в сторону.

От бешеной езды и тряски у Волошина открылось легочное кровотечение. Когда носилки с раненым внесли в операционную и хирург быстро осмотрел Волошина, то для Ани все стало понятным.

— Что же вы, товарищ старшина...— Хирург не договорил, тряхнул головой.— Быстро на стол,— скомандовал он санитарам...

Назад ехали молча. Чувство вины не оставляло Аню. Она сидела в кабине, опустив голову, по щекам текли слезы. Где-то на половине пути стук по кабине вывел ее из забытья.

— Немцы справа! — крикнул Ермолаев.

От неожиданности Аня вздрогнула и, торопливо расстегивая кобуру, выглянула из кабины.

Водитель остановил машину, схватил свой карабин и выскочил наружу.

Санитар — он стоял в кузове — первым увидел гитлеровцев, выходивших из леса. Немцев было не менее пятидесяти. Шагавший впереди держал в руке палку с белым лоскутом. Остальные махали руками и, судя по всему, никаких враждебных намерений не имели.

— Сдаются, что ли? — сказал водитель вполголоса.

— Должно быть, так,— ответила Аня, засовывая пистолет в кобуру.— Идем узнаем.

Немец с белым флагом, выкрикнув как пароль уже привычное «Гитлер капут!», затараторил что-то. Аня поняла: немцы сдаются в плен и не ели два дня.

— Ишь ты, жрать захотели — так сразу в плен,— буркнул водитель.— Куда их, товарищ старшина?

Теперь Бурова уже с любопытством разглядывала немцев. Все они были пожилые, заросшие, грязные. Скорее всего, это были тыловики, отставшие от какой-то части и понявшие безвыходность своего положения. Но как с ними поступить: ведь она никогда еще не брала пленных.

— Рубцов, я придумала,— сказала Аня.— Раз сдались — пусть идут сами. Пересчитай, сколько их. А я напишу записку, и пускай топают прямо в тыл.

Она вынула из санитарной сумки блокнот и, подумав, написала так:

«Группа сдалась в плен добровольно. Всего 47 человек. Прошу оформить как положено. Санинструктор, старшина медслужбы Бурова».

3

В бою под Молодечно у одной самоходки был отбит ствол орудия. Боевая машина вышла из строя и подлежала отправке в ремонтную мастерскую.

Механик-водитель Агапов собрался было отогнать машину в тыл, но подбежавшая к нему Бурова стала упрашивать, чтобы повременил.

— Чего ждать? — недоумевал Агапов.— Командир батареи приказал отогнать машину, вот и выполняю приказ.

— Я сама поговорю со старшим лейтенантом, только ты не спеши.

— О чем говорить? Некогда мне, поехал я, Бурова.

— Агапов, постой,— удерживая за рукав, остановила его Аня.— Эту самоходку я забираю себе. Раненых на ней буду эвакуировать. Понял?

Механик-водитель в изумлении уставился на санинструктора, затем лицо его расплылось в улыбке.

— Держите меня, а то упаду! — расхохотался Агапов.— Медицина самоходку присвоила. Ну кто тебе разрешит? Соображаешь, нет?

— Соображаю, а ты не уезжай. Я к Гнездилову, жди меня.

Старший лейтенант отнесся к просьбе Буровой спокойнее. Сказал, что машину задерживать нельзя, она должна после ремонта вернуться в строй и нарушать инструкции никому не дозволено. Но Аня настаивала, и тогда Гнездилов, подумав, ответил:

— Распоряжения своего я не отменю... Ясно? Остальное бери на себя.

Когда заместитель командира полка капитан Кошелев доложил подполковнику Шукакидзе о том, что медики «захватили» поврежденную самоходку, тот крепко рассердился: все-таки под каким бы предлогом не подавалось сделанное, а нарушение приказа есть нарушение. Смягчившись, он сказал заместителю, что лично разберется в этой неслыханной ситуации.

Вечером, возвращаясь из штаба корпуса, он разыскал Аню Бурову и учинил допрос.

Аня стояла перед командиром полка по стойке «смирно», боясь одного, как бы подполковник не приказал сдать машину немедленно. О себе она не думала.

— Почему вы своевольничаете, старшина Бурова? — наступал Шукакидзе.— Отвечайте!

— Не для себя я, товарищ подполковник,— просительным голосом отвечала Аня.

— Только этого не хватало,— хмыкнул Шукакидзе.

— Честное слово, товарищ подполковник, раненых эвакуировать... Бортовую машину ждешь, ждешь, сердце изболится... Мы и боеприпасы обратной ездкой подкинем,— торопливо добавила Аня.

Шукакидзе, заложив руки за спину, искоса посматривал на Бурову, прикидывая что-то в уме.

— Ушлый вы народ, медики,— усмехнулся он.— Слушайте, старшина Бурова, оставляю самоходку за вами...— И совсем не строго погрозил пальцем: — Вре-мен-но!

Самоходка, подминая кусты, стала в густом ольшанике на краю ржаного поля. Агапов и санитар Ермолаев остались в машине. Прихватив санитарную сумку, Бурова пробралась на опушку, огляделась. «Где наши?» — подумала она, высматривая рассредоточившиеся и замаскированные самоходки.

Рядом был хутор, и Аня решила взобраться на крышу сарая, чтобы оттуда наблюдать за ходом боя, который разворачивался ни шатко ни валко.

С крыши она увидела все четыре САУ. Самоходчики огня еще не открывали.

Но в бою обстановка быстро меняется. Бурова не уловила момента начала контратаки гитлеровцев и, когда на поле и близ хутора загрохотали разрывы, поняла — началось.

Со стороны холмистого перелеска вышли немецкие танки, стреляя на ходу, устремились на позиции гвардейцев. И тогда ударили самоходки. На крыше оставаться было небезопасно. Аня хотела уже спуститься на землю, но тут увидела, как возле одной самоходки разорвался снаряд. Орудие смолкло, однако вскоре снова открыло огонь; правда, темп стрельбы был уже не тот.

Аня чуть ли не кубарем скатилась с крыши и помчалась через поле к самоходке.

— Аня?! — крикнул командир орудия, увидев рядом санинструктора.— Перевяжи заряжающего и становись на его место.

Перевязав раненого и оттащив его в воронку, Бурова заняла место заряжающего.

Она не видела, что происходит на поле боя, не видела ни маневров противника, ни результатов стрельбы их экипажа. Перед глазами мелькал то орудийный замок, то стреляная дымящаяся гильза, а Бурова все подавала и подавала снаряды, оглохшая от стрельбы, уже не чувствующая рук своих.

Когда атаку гитлеровцев отбили, она кое-как вытерла лицо рукавом гимнастерки и, перевалившись через борт, ничком упала в сухую траву: силы оставили ее...

Памятны Анне Александровне ожесточенные бои с танковыми группами и мотопехотой гитлеровцев в августе сорок четвертого года в районе местечка Жагаре. Гвардейцы 3-го механизированного корпуса, взаимодействуя с соседними частями, отбили все атаки противника, панесли ему большой урон в живой силе и технике.

В те дни обстановка складывалась порой очень острая, и Аню Бурову не раз выручала «персональная» самоходка, на которой она вывозила с поля боя раненых.

В феврале сорок пятого года в одном из боев был ранен командир батареи старший лейтенант Масюк. Аня быстро перевязала его, стала втаскивать в машину, и вдруг рядом ударила тяжелая мина. Ни один осколок не задел отважную девушку, зато контузия снова уложила ее в госпиталь.

Более года находилась Анна Бурова на излечении; когда здоровье и силы восстановились, вернулась в родной Горький.

Свыше двадцати лет проработала Анна Александровна на том самом заводе, откуда уходила на фронт. Сейчас она на заслуженном отдыхе. Однако ведет общественную работу, выступает с воспоминаниями в школах и техникумах, выполняет партийные поручения. Анна Александровна — член совета ветеранов Приокского района города.

Не часто собираются ветераны вместе, но тем дороже эти встречи для людей, близких по судьбам, по духу,— для тех, кто прошел до Победы тяжелыми дорогами войны.

— Под этими опаленными порохом знаменами, которые ныне хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил, воины корпуса сражались на Левобережной Украине, в Белоруссии и Прибалтике.— Оратор с трибуны повел рукой в сторону ассистентов, стоявших вдоль постамента с навечно застывшей на нем тридцатьчетверкой, и продолжал: — А это знамя, восьмой гвардейской бригады, видало Красную площадь в день Парада Победы. Пронес его лейтенант, ныне полковник запаса Николай Захарович Александров. Он находится здесь, среди нас, товарищи!

Последние слова оратора потонули в дружных аплодисментах. И тогда к ассистентам подошел плотный бритоголовый мужчина, бережно взял в руки алое полотнище и поцеловал его.

В Молодечно, после митинга в деревне Красное, я возвращался на электричке вместе с Александровым. В руках у нас были одинаковые букетики полевых ромашек, которые преподнесли нам местные школьники в музее боевой славы.

Это была трогательная встреча.

Ветеранов сразу после митинга пригласили в школу осмотреть музей, созданный руками учащихся — членов патриотического кружка «Дорогой отцов».

В вестибюле нас приветствовали пионеры. Они стояли в две шеренги, образуя коридор, пол которого был усыпан цветами. На выходе нам вручили букетики ромашек и памятные фотоснимки.

— Знамя свое увидел — разволновался, да вот и в школе — тоже,— улыбаясь, говорит Николай Захарович.

Он смотрит в окно на убегающие назад перелески, поля. Не за теми ли холмистыми полями вел он, двадцатидвухлетний лейтенант, свой танковый взвод?..

...Остались позади Молодечно и Вильнюс. Обходя Шяуляй с юга и северо-востока, 3-й гвардейский механизированный корпус двадцать шестого июля сорок четвертого года завязал бои на окраинах города.

Командир 8-й механизированной бригады полковник С. Д. Кремер, вызвав к себе командиров частей и подразделений, поставил новую задачу: обойти город с запада и тем самым перерезать пути отхода противнику.

Под покровом ночи танкисты и мотострелковые подразделения проселочными дорогами вышли в заданный район.

Светало. Командир 44-го танкового полка майор Г. И. Сапрыкин — он находился в танке лейтенанта Александрова — стоял в открытом люке, наблюдая за проходившими мимо машинами мотострелкового батальона и батареей противотанковых пушек. Пока все складывалось так, как было задумано: гарнизон гитлеровцев окружен, скоро должен начаться штурм города основными силами корпуса. Однако оседлать шоссе еще недостаточно: противник наверняка двинет с запада свои подразделения на выручку шяуляйскому гарнизону. Значит, надо исключить всякие неожиданности. Майор приказал Александрову выдвинуть танк вперед и стать в засаду.

— Чтобы мышь не проскочила... Гляди в оба.

— Не проскочит, товарищ майор,— ответил Александров.— Постараемся, врежем!

Зол был лейтенант на фашистов. В кармане его гимнастерки лежало письмо матери, Надежды Егоровны, которая была очевидицей зверств, творимых гитлеровцами в Ворошиловграде. Николай перечитывал письмо, и душа его наполнялась гневом...

Свой танк они замаскировали за сараем покинутого хозяевами хутора. Потянулись минуты напряженного ожидания. Впереди виднелась часть дороги до поворота, где начиналась роща. Мешала и посадка справа. Лейтенант понимал, что позиция не очень удачная, но слева было и вовсе открытое поле. И решил пробраться до поворота, понаблюдать оттуда за дорогой.

— Сержант Козырь,— сказал командир, возьми автомат, пойдешь со мной.

Вдвоем с механиком-водителем Александров скорым шагом направился в сторону рощи. Не успели они дойти до поворота, как из-за опушки показалась легковая машина.

— Немцы,— шепнул Козырь, отводя затвор автомата.

— Вижу! Огонь — по моей команде.

Затаившись в посадке, наблюдали за приближающейся машиной, и, когда она подошла совсем близко, Александров скомандовал:

— Огонь!

Гитлеровцы были перебиты. Александров и Козырь вы-

бежали на дорогу и тут же увидели две большие машины, идущие к Шяуляю.

— Давай легковушку в сторону,— скомандовал лейтенант.

Поднатужившись, они столкнули машину в кювет, а сами кинулись к танку.

— По местам! — подбегая, крикнул своему экипажу Александров.— К бою! Кочнев, осколочным, заряжай!

Два тяжелых грузовика с пушками на прицепах выкатились из-за леса. За ними тарахтел бронетранспортер на гусеничном ходу, тоже тянул пушку.

«Ага, подмога! Ну посмотрим»,— подумал лейтенант, ловя в прицел головную машину. Уничтожить грузовик и пушку представлялось заманчивее, чем этот бронетранспортер с черно-белым крестом на борту.

С первого же выстрела они подбили машину, по бронетранспортеру ударили из пулемета. Уцелевшие гитлеровцы разбежались по роще и больше не показывались.

Между тем в городе шел бой. Гвардейцы штурмом брали квартал за кварталом. К вечеру двадцать седьмого июля Шяуляй был освобожден от гитлеровцев.

Экипаж танка Александрова, взяв исправный бронетранспортер на буксир, доставил его на окраину города, куда к тому времени подошли тылы бригады.

...Эти четыре страницы, исписанные крупным, неровным, но разборчивым почерком,— тоже документ. И, как принято говорить в таких случаях, бумага и пожелтела и потерлась на сгибах. Не удивительно: документу-то сколько лет! Николай Захарович писал свой отчет в сорок пятом году, в теплушке, когда корпус перебрасывали на Дальний Восток для участия в нанесении удара по японским милитаристам.

Танкисты в пути занимались боевой и политической подготовкой, рассказывали молодому пополнению о минувших боях в Прибалтике. Лейтенанту Александрову тоже предложили рассказать о чем-либо, ну, хотя бы об одном бое, под Жагаре, когда танкисты и самоходчики нанесли немалый урон противнику, стремившемуся во что бы то ни стало сокрушить оборону гвардейцев.

Лейтенант раздобыл в штабной машине чернильницу, бумагу, пристроился за наспех сколоченным столиком и, глядя в открытую дверь теплушки на убегающие назад

просторы родной земли, задумался. Что писать? Опыт есть, и немалый, но отчет требует ясного изложения мыслей, четких выводов — словом, как и положено у военных.

А сказать он должен о том, что каждый бой — это тоже учеба, жестокая, беспощадная.

Читая отчет, я обратил внимание на несколько строчек, взятых в кавычки. «Если в городах Шяуляй, Елгава и Тукумс показаны образцы классического маневра танкистов нашего корпуса, то в Жагаре образец стойкости и мужества».

Вот оно как! Значит, кто-то уже изучал опыт тех боев. Александров не зря взял эту фразу в кавычки. Однако использовал он чужие слова, думается, вовсе не для того, чтобы блеснуть перед слушателями звучной цитатой. Всем логическим построением своего рассказа он подтвердил, что бой двадцать второго августа является убедительным свидетельством стойкости и мужества гвардейцев.

...Шел эшелон на восток, лейтенант вспоминал недавние и вдруг ставшие далекими бои. Время от времени он отрывался от листа, чтобы припомнить события годичной давности, изложить их в строгой последовательности, и картины боя в эти минуты вставали перед глазами во всей жестокой реальности. Александров старался передать главное, то, что необходимо знать тем, для кого он готовит этот отчет,— молодым офицерам, пришедшим в часть уже после того, как отгремел победный салют. Поэтому вполне понятно, что многие подробности боя остались за кадром, хотя и не стерлись в памяти ветерана.

...Гитлеровское командование, учитывая серьезную угрозу, нависшую над группой армий «Север», в спешном порядке создавало ударную группировку, подтягивало резервы с других участков фронта. Семнадцатого августа противник повел наступление на елгавском и шяуляйском направлениях.

По приказу командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна 3-й механизированный корпус был поднят по тревоге и, совершив марш, сосредоточился близ местечка Жагаре.

На этом направлении развернулись ожесточенные бои. Гитлеровцы бросали на обороняемые мотопехотой позиции сразу по нескольку десятков танков. Активно действовала и вражеская авиация. Фашисты атаковали и днем и ночью. Гвардейцы отвечали контратаками, теснили противника, если ему удавалось вклиниваться в нашу оборону.

На четвертый день боев создалось тяжелое положение на участке, обороняемом мотострелковым батальоном капитана Тоузакова. Уже несколько раз докладывали об этом по рации на командный пункт комбрига. Кремер приказывал держаться, обещая скорую поддержку. Но части 19-го танкового корпуса, брошенные в район Жагаре, задерживались в пути, и тогда комбриг направил на помощь Тоузакову два танка и батарею из четырех самоходных орудий под командованием лейтенанта Кондратюка.

Майор Сапрыкин, вызвав лейтенанта Александрова и младшего лейтенанта Саликова, приказал немедля выйти на участок мотострелкового батальона и занять оборону.

— Значит, так,— раскладывая карту, говорил Сапрыкин.— По этой дороге немцы подбрасывают пехоту, танки. Надо их остановить. Вот выступ леса... По-моему, это очень удобное место. Но будьте осторожны,— предупредил майор.— Немцы этот район сильно обстреливают. Продвигайтесь скрытно, за вами пойдут самоходчики. Задача ясна?

— Все понятно, товарищ майор.

— Тогда по машинам.

Танк Александрова шел по лесной дороге головным. Из открытого люка лейтенант смотрел вперед. За поворотом он увидел группу солдат, двое из них навешивали шестами провод на сучья деревьев. Связисты, увидев танк, остановились. Один кинулся навстречу танку, размахивая руками.

— Стой! — кричал он, подбегая к машине.— Стой, командир!

— В чем дело? — спросил Александров, когда машина остановилась.

Подбежавший пожилой связист стал торопливо объяснять:

— Там просека, командир. «Фердинанд» простреливает, гад.

— Обход есть?

— Есть, тут рядом. Эвон куст, видишь? Свернешь вправо вдоль просеки, а там низинка, по ней и перемахнешь.

Воспользовавшись добрым советом, Александров к вечеру привел танки и самоходки в расположение мотострелкового батальона.

Командир батальона выделил группу автоматчиков для охраны танков, танкисты и самоходчики принялись маскировать машины, расчищать секторы обстрела.

Александров обошел огневые позиции, залез в танк, посмотрел в прицел: теперь, кажется, все, кусты и ветки не мешали ведению огня.

Наступила ночь. Рации все время были на приеме. Сами на связь не выходили, чтобы противник не обнаружил местонахождение танкистов.

Танкисты не спали. Собравшись вместе, покуривали, с тревогой прислушивались к отдаленному гулу вражеских танков.

— Расшумелись фрицы-то, товарищ лейтенант,— почему-то шепотом заговорил наводчик Николай Калугин.— К чему это?

— Утром узнаем,— отозвался лейтенант.— Спали бы, пока тихо.

— Уснешь тут,— буркнул радист Василий Никитин.— Сколько их пойдет на нас?

— Утром будем считать,— повторил Александров.— А сейчас побереги нервы.

Едва начало светать, лейтенант сходил к самоходчикам. С Кондратюком быстро распределил секторы обстрела и стал ждать.

Все явственнее прорисовывались очертания ветел вдоль большака, домики хутора и лес за ними. И вот местность впереди осветили первые лучи солнца, на поле легла длинная тень от леса, где стояли замаскированные боевые машины.

Лейтенант мысленно похвалил себя за выбранную позицию: «Хорошо! Солнышко-то немцам в глаза, а нас не видать».

Гитлеровцы двинулись рано. Восход солнца словно подстегнул их: колонна танков, бронетранспортеров и грузовиков появилась на большаке.

Александров еще разглядывал в бинокль приближающееся пыльное облако, когда к нему прибежал Кондратюк: его самоходки стояли левее, и он, должно быть, успел прикинуть количество вражеских машин.

— Николай! Чего будем делать? Больше двадцати танков немецких,— крикнул командир самоходчиков.

Лейтенант оторвался от бинокля, глянул на Кондратюка и все понял.

— Ты чего? — резко спросил он.

— Все равно будем бить,— сказал Александров.

— Многовато вроде,— смутился Кондратюк.

— Ступай к своим,— оборвал Александров. И, чувствуя, как закипает в нем злость, крикнул вслед самоходчику: — Подпускай ближе...

Лейтенант снова вскинул к глазам бинокль, повел им вдоль вражеской колонны. «Надо рассечь ее, а затем бить на выбор».

— По местам! — скомандовал он и — радисту: — Никитин, наблюдай в бинокль. Как дойдут до того дерева — крикнешь.

Александров сам сел за пушку. «Так, еще немного»,— успокаивал он себя, глядя в прицел. Первым же снарядом лейтенант подбил танк. Но он еще не загорелся, а гитлеровцы стали выскакивать из машины. Вторым снарядом он поджег еще один вражеский танк.

В отчете Александров об этом бое напишет так:

«Почин был сделан. Прекрасно поработали и самоходчики. Если от наших снарядов танк не загорался, самоходчики сразу поджигали его.

Немецкая колонна была рассеяна, а та часть, которой удалось прорваться, наткнулась на прибывшее подкрепление и, повернув назад, опять попала под огонь наших танков и самоходок. Бой длился 4 часа, за это время мы подбили более 10 танков, столько же машин с пехотой, 3 бронетранспортера. Каждый экипаж расстрелял по 3 боекомплекта снарядов и по 10 пулеметных лент.

Наши потери — двое раненых».

Весь день двадцать второго августа гитлеровцы атаковали позиции бригады, но гвардейцы выстояли.

Ночью того же дня комбриг С. Д. Кремер передал в штаб корпуса донесение о том, что участок обороны бригада удерживает прочно.

* * *

...Четыре пожелтевшие странички... А за ними характер, судьба командира танкового взвода лейтенанта Александрова.

Николай Захарович, пройдя через всю Великую Отечественную, остался в войсках. Родной армии он отдал еще более тридцати лет службы. С тысяча девятьсот семьдесят восьмого года началась иная страница его биографии. Полковник запаса Александров, кавалер двух орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны I степени, стал работать инженером на одном из предприятий Краснодара.

РАЗВЕДКА, ВПЕРЕД!

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ: ПОСАДКА НА ПОЕЗД

Они разъезжались по домам.

Тихий вокзал давно не видел такого скопления народа: похоже было, что возвращалась с какого-то слета делегация, но, собравшись вместе, эти люди держались, однако, группами, растянувшись вдоль перрона,— одни нацеливались на середину или головные вагоны, другие расположились ближе к хвосту ожидаемого поезда.

Двое мужчин в темных костюмах, на которых высвечивались ордена, памятные значки и медали, приколотые наискосок по линии лацканов, тоже направились к предполагаемому месту остановки вагона.

Первым неспешно вышагивал осанистый Язев. В левой руке он держал летнюю шляпу, в правой — желтый кожаный чемодан. Прямые, с проседью, короткие волосы его, гладко зачесанные назад, блестели, полнеющее лицо разрумянилось. Сзади, в двух шагах от него, шел высокий поджарый мужчина, Лапин, тоже с чемоданом. Несколько впалые смуглые щеки делали его на вид моложе спутника, да и русая всклокоченная шевелюра курчавилась по-

молодому непокорно. Как бы продолжая прерванный разговор, Лапин не то с усмешкой, не то с укоризной выговаривал Язеву:

— Как же ты, Арсений Ильич, опередил меня?

— На то мы и разведка,— отшутился Язев.— Нам и полагается быть впереди.

— Да не о том я,— размахивая рукой, перебил Лапин.— Как ты на вокзале очутился? Были вместе, а потом оглянулся — его и след простыл...

Арсений Ильич тоже участвовал в многолюдном, шумном застолье (оно было организовано на третий день встречи), но, не найдя близких друзей, не счел нужным засиживаться за столом более, чем требовало приличие, и ушел раньше Лапина.

— Тихон Петрович, зачем с больной-то головы...— с дружелюбной ехидцей парировал Язев.— Никто не неволил задерживаться за столом... А то смотрю: объятия пошли, не разольешь водой. В общем, подвернулся служебный автобус, мы и уехали.

— Так бы и сказал сразу.— Лапин поставил чемодан, закурил.— А насчет объятий, так, считай, пять лет не виделись. Друзей-то сколько! Ты своих не нашел?..

— Нет,— сухо ответил Язев.— Нас ведь мало было. А у вас — полк, как-никак.

— Ладно об этом,— сказал Лапин, вглядываясь туда, откуда должен был появиться поезд.— Ты доволен? Правда, здорово: и принимали, и разместили всех как положено. В общем, все на уровне.

— Конечно, все отлично,— согласился Язев.— Надо сказать, и совет наш постарался. Молодцы, мужики...

— Да-а-а, я тоже очень доволен,— помедлив, задумчиво произнес Лапин.— И хорошо, что встретил тебя, поговорим еще, верно?

Из-за поворота показался быстро приближающийся поезд. Вот напористо, будто не желая останавливаться, прошел электровоз, в утробе которого со сдержанной яростью подвывали моторы; проскочили пять-шесть вагонов; в открытых дверях уже стояли молоденькие проводницы в серой униформе и с флажками в руках; наконец состав дернулся, заскрипел, затормаживая, и замер.

— Ой, дяденьки, сколько же вас, откуда вы? — с чисто женским любопытством, по-прибалтийски певуче восклицала бойкая хорошенькая проводница лет двадцати; в то же время она быстро проверяла билеты и успевала

оценивающе взглядывать на пиджаки, тускло отсвечивающие бронзой и серебром.

— А мы, дочка, со всей России! — зычно ответил Лапин.— Не видишь разве, ветераны-гвардейцы встречались!

Большинство новых пассажиров помалкивало или снисходительно улыбалось проводнице в ответ, и этот бодрый, с игривыми нотками голос оживил толпившихся у вагона пожилых мужчин, все они обернулись к Лапину, зашикали, стали толкать его локтями: «Как ты себя ведешь?», «Прекрати сей минут», «Ишь какой вояка».

— О-о-о! Поняла!— Девушка не обратила внимания на реплики, а как-то мгновенно переменилась лицом и торопливо, с почтением добавила: — Проходите, родненькие, проходите.

Получилось это у нее особенно трогательно, и от этих ее слов Язев — уже не в первый раз — почувствовал, как судорожно дернулась под горлом какая-то жилка и нижнюю губу непроизвольно повело в бок. Он тут же глубоко вдохнул теплый вагонный воздух, и спазма отпустила его.

Когда они продвигались по узкому коридору, Лапин сказал:

— Это я так, для разведки шумнул. Не обращай внимания. Ужинать пойдешь? Переоденемся да посидим в ресторане... А?

— Заходи, почему не посидеть?..

В купе, куда вошел Язев, ехала молодая семья с детьми — девочкой и мальчиком лет пяти-шести. Арсений Ильич поздоровался, весело посмотрел на ребятишек, расположившихся с игрушками на его свободной нижней полке. Мать, полная молодуха, засуетилась, сгребла игрушки, переметнула детей к себе.

Наблюдая всю эту возникшую суматоху, вызванную его появлением, Язев успокоил женщину, сказав, что отдыхать он пока не собирается, а намерен лишь переодеться. Женщина подхватила детей, чтоб не мешали, и вышла с ними в коридор.

Язев снял свою «кольчугу» — отягощенный металлом пиджак (эту костюмную пару он надевал по праздникам или в иных торжественных случаях да вот на такие нечастые встречи с фронтовыми товарищами) — и, облачившись в легкий костюм, сразу почувствовал себя легко, раскованно.

Укладывая вещи в чемодан, он оставил на полке целло-

фановую папку, куда наспех складывал фотоснимки, вырезки из местной газеты с заметками, посвященными встрече ветеранов,— все, до чего никак не доходили руки, чтобы прочитать и рассмотреть повнимательнее. Арсений Ильич не был избалован встречами с молодежью и особенно со школьниками и потому любое внимание к себе воспринимал не просто искренне, а с каким-то особым волнением, хотя никогда не упрекнул бы себя в робости, что и дало ему повод подумать однажды невесело: «А не становлюсь ли я слезливым старичком?»

Как бы там ни было, а разговаривать с мальчишками и девчонками ему было интересно. Однако после таких бесед он испытывал некую неудовлетворенность. Язев понимал: ребятам хотелось бы услышать от него нечто необычное, то, о чем они, может быть, еще никогда не слыхали. Но в голову лезли какие-то очень уж стертые слова. А тут нужно было другое, совсем другое. Досадовал, и ничего не мог поделать с собой.

В этот же раз Язев увидел себя как бы со стороны: бодрись не бодрись, а за спиной без малого шесть десятков. Приехав на встречу в поселок, который ими был освобожден в июле сорок четвертого, и попав в окружение школьников — нарядных мальчиков и девочек,— он почти физически ощутил, как давят на плечи эти прожитые тридцать с лишним послевоенных лет. Но как объяснить все это ребятам (да и вряд ли они поймут), что годы его не те, не проползешь, как прежде, по-пластунски, змейкой, ужом, не протянешь ночь без сна, без отдыха.

«Неужели для них мы остаемся прежними удальцами? — недоумевал Язев, смотря в доверчивые, восхищенные глаза ребят.— Подростки, почти дети, они хотят побольше узнать о подвигах как высшем проявлении смелости, лихости, героизма. Да, на войне чуть не каждый день создавались крайне острые ситуации, тогда до конца выяснялось, кто из них солдат, чего стоит. Однако думать, будто бы человеческие возможности раскрываются лишь в критической обстановке, было бы не верно. Умение отразить удар врага, выбрать единственно верное решение в бою — эти качества вырабатывались исподволь, накапливались незримо, как энергия в аккумуляторе, так что в судьбе солдата всегда есть скопления дней и месяцев, прошлого и настоящего. И неважно, сколько творился его подвиг — четыре долгих года войны или всего миг боя». Так думал Язев, оставшись наедине со своими мыслями...

Вечерело, и в вагоне стало сумеречнее. Арсений Ильич, положив на столик очешник, сел поближе к свету, раскрыл папку. И снова, пускай не последовательно, короткая фотолетопись вернула ему впечатления от встреч, прошедших за эти неполных три дня, когда они выезжали на места боев, побывали в гостях у молодых воинов, на предприятиях и в колхозах, у школьников. Фотоснимки, сделанные местным репортером, будут теперь долго напоминать о событиях, дорогих сердцу каждого ветерана.

Тем временем проводница уже разносила чай. Молодая мамаша стала вынимать из сумки кулечки, баночки с едой. Арсений Ильич подумал, что идти ужинать еще рановато, но если придет Лапин, то возражать он не станет, тоже пойдет подкрепиться.

Тут и заявился сам Тихон Петрович.

— Ты будто угадал мои мысли,— пошутил Язев.

— Хорошо, когда мысли и дела товарищей совпадают! — в тон ему высокопарно ответил Лапин.— Значит, идем?..

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

В вагоне-ресторане половина столиков пустовала, и они выбрали место у окна, сели друг против друга.

Помолчали.

Тихонько позванивали фужеры, стоявшие в два ряда. Официантка разносила заказы. Лапин перочинным ножом открыл бутылку минеральной воды, налил Язеву и себе.

— Так ты, значит, и не встретил своих? — спросил он во второй раз.— Или не искал?

— Нет, почему же... — Язев отпил глоток воды.— В совете ветеранов корпуса по спискам проверял... Одного комбата из бригады нашел, живет в Подмосковье. Еще двоих разыскал, с Украины писали.

— Во, кстати!— воскликнул Лапин.— Все забываю спросить: ты когда начал воевать в корпусе?

— С самого начала.

— Стало быть, на формировании вместе были?

— Все точно, с августа, а там, сам знаешь, под Сталинград двинулись.

— Ну дела! — откидываясь на спинку стула, сказал Лапин.— Считай, всю войну прошли рядом и не встретились.

— Чего захотел! — усмехнулся Язев.— Да если бы и встретились где-то один раз, что с того? — Он отодвинул фужер.— Себя-то сейчас, небось, не узнал бы...

— Тоже верно. Прокрутить бы, как в кино, в обратном порядке все четыре года, день за днем, день за днем,— не поверил бы, а? Ты ли это, с тобой ли все это было?..— Лицо Лапина стало каким-то отрешенным.

Он сидел вполоборота, смотрел в окно, и Арсений Ильич, глядя на его руки, пегие от старых ожогов (такие увидишь разве что у горевших танкистов да летчиков), ясно представил, о чем думает Лапин и какими путями ведет его в эту минуту память: как много общего было в их фронтовой судьбе. Но у обоих было еще и свое, и Язев нарушил молчание шуткой:

— День за днем? Так это ж многосерийный фильм получится.

— Постой,— перебил его Лапин.— Ты сказал, что «себя не узнал бы». А ты многих помнишь, вот так, в лицо?..

Язев насупился, помолчал.

— Многих... Даже того капитана...

— Какого капитана?

— Пограничника. Который спас нас... Если бы не он, так, может, и не сидел бы я сейчас с тобой за этим столом...

1

С вечера небо обложили рыхлые серые облака, и утро занималось такое же хмурое, сырое.

Сержант Язев, отвернув полу шинели, приподнял голову, прислушался. Тихо. В сумраке вырисовывались лишь стволы ближних елей: лес еще тонул во мраке. Бойцы, закутавшись в шинели, спали рядом, и сержант решил: пускай немного отдохнут, побольше наберутся сил, да и выходить было рановато.

Арсений вытянулся, разминая затекшее в неудобной позе тело, и мысли, одна горше другой, вытеснили остаток сна.

Теперь, когда пошли третьи сутки, он понял окончательно: группа застряла в тылу противника.

А случилось это так.

Полк, прикрывавший Петергофское шоссе, выполнил свою задачу и отходил на следующий оборонительный рубеж. Прикрывал отход арьергардный батальон.

Сержант Язев получил приказ заминировать небольшой мосток. Группу возглавил молоденький лейтенант из саперной роты. Они уже были у моста, как на них и на батальон налетели девять пикировщиков. Снизившись, они сбросили бомбы, ударили по отступающей колонне из пулеметов. Еще не осела пыль и не рассеялся дым, как из леса на дорогу выскочили вражеские мотоциклисты, за ними — пятнистые бронетранспортеры.

Группа саперов, в которой был Язев, оказалась отрезанной от батальона и отошла в лес. Лейтенанта с ними не было. Когда углубились в заболоченные лесные чащи, Язев пошел разыскивать лейтенанта. Добрался до опушки, но никого не встретил, а по дороге все катилась гитлеровская техника.

Где ползком, где перебежками, Язев добросовестно обследовал каждый куст по краю обширной поляны, вернулся к тому месту, где они свернули с дороги в лес. Здесь оставаться было крайне опасно: машины, битком набитые солдатней, проходили в каких-то двадцати метрах, заметить его могли в два счета, а там и чесануть из автоматов.

Отчаявшись вконец, Язев вернулся к своим бойцам. Находиться вблизи дороги было небезопасно. Посовещавшись, решили, однако, не забираться слишком далеко, а продвигаться так, чтоб справа все время был слышен шум моторов. Будь у сержанта карта и компас, он пошел бы кратчайшим путем в расчете, что где-нибудь да окажется лазейка и они соединятся со своей частью.

Бойцы были рады, что они вместе. В вещмешках, кроме тола да патронов, у большинства ничего не было; сухари нашлись лишь у двух-трех человек, оказавшихся более запасливыми. Но никто не падал духом, все надеялись, что скоро вырвутся к своим. Некоторые даже шутили: мы, мол, теперь вроде партизан, взрывчатка есть, еще насолим фашистам.

На следующий день случилось то, чего не мог предположить ни сержант Язев, ни все остальные. Пробираясь лесами, они думали, что движутся параллельно наступающим войскам противника, то есть в сторону фронта. Однако гитлеровцы не только наступали, подразделения их вторых эшелонов подобно щупальцам упорно расползались по всем проселкам, отходящим от основной магистрали, проникали в самые отдаленные деревушки. На одну такую группу и наткнулся Язев.

Саперы шли гуськом, взрывчатку несли попеременно, и те, кто был налегке, уходили дальше, чтобы собрать грибы и ягоды, если попадутся на пути. Лес поредел, и шедшие впереди очутились на узкой старой вырубке, густо поросшей малинником. Ягода перезрела и начинала осыпаться. Обрадованный такой находкой боец, что был моложе, желая подбодрить идущих сзади, весело крикнул:

— Братва, малина! Налетай!..

И в тот же миг совсем рядом, за стеной густого зеленого ольшаника, раздался резкий лающий окрик:

— Вер ист да?

Боец, который звал своих товарищей, оказался первым, кто обнаружил патруль гитлеровцев на просеке. Ошеломленный такой близостью оклика на чужом языке, он сдернул с плеча винтовку, присел в кустах, а затем, пятясь, стал отходить в глубь леса. А вслед ему неслось: «Хальт, хальт!»

Эти крики, галдеж немцев услыхал и Язев. По его команде группа сразу залегла за деревьями.

В это время подбежал боец, который ушел вперед, и горячо зашептал:

— Немцы, товарищ сержант!

— Слышал. Много их?

— Не видел, товарищ сержант. Но, должно, не один.

— Как не видел?

— Да я же в кустах был. Как закричали «Хальт!», я и назад.

«Что делать? Сколько их там?» — думал Язев, понимая, что надо немедля принимать решение. Но Арсений понимал и другое: вступать в бой с гитлеровцами, не зная их численности, неразумно — бессмысленно погубишь бойцов. Тряхнув головой, словно отгоняя сомнения, Язев привстал и тихо скомандовал:

— Отходить по одному, перебежками.

Гитлеровцы наверняка слышали и шорохи, и треск ломаемых сучьев, но отчего-то замешкались, не пустились тотчас в погоню: вероятно, никому из них не хотелось лезть в эти дебри, да и путь преграждал широкий, расплывшийся, наполненный водой кювет; к тому же и командира их не было рядом, а когда тот подбежал и выслушал доклад, время было упущено: из лесной чащи не доносилось ни звука.

Прошло лишь несколько минут, и все же, когда с запозданием ударили наугад, вслепую десяток автоматов

и пули, рикошетя, стали с визгом пролетать то сзади, то спереди, бойцы чуть было не побежали. Но Язев прикрикнул, скомандовал: всем залечь и вести наблюдение.

Немцы, постреляв для острастки, успокоились. И тогда Язев повел свою группу в обход, в глубь леса. Выбирая места посуше, а иногда еле приметные гривки, он уводил своих бойцов все дальше и дальше. Шли долго, пока не выбились из сил. Тогда сделали привал. И тут измученные люди, заметив, что уже вечереет, решили, что вряд ли немцы станут преследовать их в темноте. На этой сухой гривке они и заночевали.

...В Язеве жила неистребимая вера в то, что они вырвутся, снова вольются в ряды Советской Армии. Сержант опасался лишь одного: не обессилел бы кто-нибудь из его бойцов — ведь тогда идти станет много труднее. Он видел, чувствовал по себе, как измотались люди, приуныли.

«Были б харчи — веселее было бы на душе,— рассуждал про себя Язев.— Грибы? Тьфу!» Он вспомнил родные места, пермские леса. Об эту пору по соснячкам высыпали ядреные, морковного цвета рыжики, в смешанном лесу — подосиновики. Косой коси да граблями сгребай! А тут попадаются жалкие моховики, бледные обабки, кои ни за что бы не кинул в корзинку в доброе-то время. Теперь и они сгодятся на варево — можно хоть чем-то поддержать людей. И еще он подумал о ручейке. Вытекал он, видимо, из болота, вода в нем, как чай. Зато уж бегущую воду можно пить без опаски — это он, таежный житель, усвоил с детства.

«Э-э! Голова два уха! — Арсений улыбнулся осенившей его мысли.— Забыл. Нащиплю брусничника вместо заварки. Тоже витамин».

Радуясь такому нехитрому открытию и ощущая прилив бодрости, Язев вскочил и оглядел прижавшихся друг к другу бойцов.

— Подъем! — скомандовал он вполголоса и, чтоб скорее расшевелить, раззадорить спящих, сиповатым озорным голосом добавил: — Выходи строиться на физзарядку!..

Эта команда, так естественно воспринимаемая в казарменных условиях, прозвучала сейчас как нелепица или каламбур; бойцы вставали, потягивались, и на хмурых заросших лицах появлялись улыбки, кое-кто пытался подтрунить над собой, над товарищами.

А Язев как ни в чем не бывало уже разжигал костер, кого-то посылал наломать сучьев, принести воды.

Шесть бойцов и он, сержант, седьмой, шли и шли тяжелой размеренной походкой через леса. Язев не сомневался, что шли на восток.

Около полудня, одолев моховое болото, отнявшее у них много сил, собрались на взгорке, чтобы обсушиться и отдохнуть. Начал сеяться мелкий дождь. Бойцы ворчали: «Снизу вода, сверху вода...»

Окрик «Стой! Кто такие?», раздавшийся вдруг из кустов, подействовал на всех, как выстрел, бойцы схватились за оружие, защелкали затворами, залегли по бугру.

— Всем оставаться на месте, старший ко мне! — властно приказал голос из кустов.

Сдерживая волнение и радость — неужто свои! — Язев шагнул навстречу, и тогда из-за деревьев вышел человек в зеленой фуражке с автоматом наизготовку.

Сошлись двое, в одном звании, годами не старше один другого, но Язев сразу почувствовал себя как бы подчиненным, провинившимся, что ли, словно патруль задержал его в самоволке. Белобрысый веснушчатый пограничник и впрямь разглядывал его довольно бесцеремонно, изучающе и автомат по-прежнему держал наготове.

Выяснив, откуда и кто перед ним, белобрысый махнул рукой, и тут же из кустов вышли трое его товарищей. Все они были налегке и в одинаковых пятнистых немецких накидках. У одного за спиной топорщился вещмешок.

Пограничники подошли к костру. Из кустов показались головы в пилотках:

— Выходи! — махнул рукой Язев, подзывая товарищей.

Белобрысый сержант пошевелил носком сапога тлеющие головешки, сказал, обращаясь к Язеву:

— Чую, дымком потянуло. Думаю, откуда тут народ взялся? Н-н-да! Савчук, там у тебя НЗ остался.

— Понял, товарищ сержант,— откликнулся боец с вещмешком.

— Похарчуй ребят, топать нам еще да топать...

Пограничники-разведчики вывели группу Язева к месту расположения поредевшей роты, которая действовала в тылу противника и теперь шла на соединение со своим батальоном, державшим оборону вдоль шоссе.

Капитан, командир роты, был плотен, широк в кости, и Язев по выправке безошибочно определил, что перед ним кадровый военный. Лицо капитана казалось бесстрастным, только глубоко посаженные серые с голубинкой глаза выдавали ход его мыслей. Под этим взглядом Арсений чувствовал себя неуютно, скованно: глаза капитана словно прощупывали его до костей.

Выслушав короткий рассказ о злоключениях группы саперов, капитан заметно оживился.

— Взрывчатка цела, не выкинули? — нетерпеливо спросил он.

— Двадцать килограммов, товарищ капитан,— ответил Язев.— Огнепроводный шнур, детонаторы — все при нас.

— А эта самая? — Капитан покрутил пальцами, будто ввинчивая штопор.

— Динамка? В исправности, товарищ капитан,— доложил Язев.

Капитан и стоявший рядом лейтенант заговорщически переглянулись, но ни одним словом не выразили того, о чем разом подумали.

— Вот что, сержант,— сказал капитан.— Объединяйтесь с нами. Так и быть, возьмем вас на довольствие. Лейтенант, дайте-ка карту, ростолкуем сержанту обстановочку.

Язев разглядывал двухкилометровку, и будто пелена спадала с глаз. «Тут наши части, там немцы, а мы, стало быть... Где же мы находимся?..» Капитан, видя его затруднение, обвел огрызком карандаша маленький кружочек.

— Понял, сержант?

Как было не понять, если сами лезли в мешок. Язев даже поежился, представив, в какой переплет могла бы попасть его группа.

Капитан помолчал, давая сержанту собраться с мыслями.

— Считай, что тебе повезло.

— Без вас было бы туго,— смущенно признался Язев.— Всех бы прихлопнули...

— Могло, могло быть,— кивнул капитан.— Поэтому незачем туда соваться. Как стемнеет, пойдем на прорыв вот здесь.— И он перечеркнул карандашом ниточку дороги.— Приказываю лично проверить вещмешки, чтоб ничего не брякнуло. Ясно?

С наступлением сумерек вперед ушел разведдозор с двумя ручными пулеметами, а следом двинулись тридцать пограничников и саперы Язева.

Когда обозначился между деревьями просвет, остановились. Разведчики доложили, что на шоссе тихо, можно переходить. Капитан подал команду, и красноармейцы по двое, по трое, где перебежками, где ползком, быстро перемахнули шоссе. В стороне взлетели ракеты, но рота была уже в безопасности.

Долго они пробирались по темному лесу, наконец капитан разрешил сделать привал. Тут же вызвал Язева и сказал:

— Будет тебе, сержант, работа. Подготовься.

— Как прикажете, товарищ капитан.

— Хорошо. Отдыхайте, а там вызову.

Едва забрезжил рассвет, Язева поднял связной капитана.

— Товарищ сержант, вставай, ротный вызывает...

Капитан сидел на поваленном дереве, в ладонях у него была зажата кружка с чаем. Рядом тлел костерок.

Язев обратил внимание, что, кроме ординарца и двух связных, рядом с командиром роты никого не было. Куда же исчезли красноармейцы?

— Не беспокойся сержант,— улыбнулся капитан, видя что тот исподволь посматривает по сторонам.— Мои вои там, за опушкой, окапываются. Правее другие две роты. Мало нас осталось, понимаешь? А наша задача — продержаться до подхода стрелкового полка...

— А мы куда, товарищ капитан? — спросил Язев.

— Вы будете вроде моего резерва. У вас другая задача. Бери своих бойцов — и к лейтенанту. Он там.— Капитан кивнул в сторону опушки.— Укажет, что надо сделать.

Лейтенант сам повел саперов и группу прикрытия к тому «паршивому мостику», который предстояло рвануть. На ходу пояснял Язеву:

— Немцы пошлют разведку — этих не трогай. Пропускай. Как войдет на мост первая машина, тогда и крутанешь.

— А если танк?

— Все равно. Долбанешь танк. Выбирать некогда, лишь бы шуму побольше. Немцам плевать на этот мосток, они его и так обойдут. Но главные силы, может, задержим на сколько-то. Усвоил?

— Ясно, товарищ лейтенант.

— Дальше действовать так: мои с пулеметами залягут в стороне, после взрыва огнем отвлекут противника на себя, а вы в это время отойдете...

Было еще темно, когда они вышли к мосту. Лейтенант потопал по настилу, шепнул:

— Действуй, сержант, а я со своими пойду позицию выберу.

— Товарищ лейтенант, вшестером нам делать нечего,— так же тихо сказал Язев.— Пускай трое моих идут с вашей группой.

— Хорошо,— кивнул лейтенант.— Быстрей минируй, и чтоб ни гу-гу.

Язев спустился с насыпи, заглянул под мост, ощупал сваи, поперечные опорные брусья, дерево было свежее: вероятно, мост через эту осушительную канаву ремонтировали незадолго до войны.

Бойцы подтащили взрывчатку, Язев указал, где и как ее уложить, сам установил каждый детонатор, закрепил его как положено.

— Тяните провод вдоль канавы,— приказал он.

Бойцы двинулись по краю заросшего травой отвала, Язев шел следом, поправляя и маскируя тонкий провод.

— Все, хватит,— остановил он бойца с катушкой, пробиравшегося меж кустов. Огляделся. Низина, обзор плохой, но ничего не поделаешь.

Саперы замаскировались. Язев нарезал финкой веток, соорудил свой наблюдательный пункт на гребне отвала: отсюда дорога и мост просматривались лучше.

С рассветом со стороны Финского залива потянул ветер, нагнал сырость. Язев глубже надвинул пилотку, поднял воротник шинели. Окрестность молчала, и враг пока ничем не выдавал себя.

Недавнее напряжение как бы ослабло, и Арсений, встав на колени, огляделся. Боец из куста махнул ему рукой: мол, иди к нам, покурим. Махоркой их тоже оделили пограничники.

Язев спустился, забрался в куст к бойцам. Закурили. Разговоров никаких не вели, прислушивались. Властно шелестела листва над головой, рядом перекликались проснувшиеся синицы: как все эти звуки не вязались с войной...

А дальше произошло все так, как предсказал лейтенант: около семи часов появилась вражеская разведка. Когда затрещали мотоциклы, Язев вздрогнул от неожи-

данности; ждал, готовил себя к встрече, а вот надо же, вздрогнул.

Два мотоцикла с пулеметами на колясках остановились на мосту. Сержант приник к земле, осторожно просунул винтовку меж кустов.

Немцы о чем-то посовещались. Они оглядывались назад, а с той стороны уже нарастал, приближался грохот моторов.

Показался бронетранспортер, и мотоциклисты помчались дальше.

Гудение машин становилось все отчетливее. Язев понял: идет колонна грузовиков, наверняка с пехотой, с орудиями на буксире, но не танки: те рычат иначе, по-своему. Сержант оглянулся на куст с затаившимися там бойцами: они не спускают с него глаз, ждут условного сигнала.

Первый грузовик, длинный, тупорылый, въехал передними колесами на настил моста, и Язев опустил поднятую руку. Боец тотчас повернул ключ, под мостом грозно и ослепительно сверкнуло. Язев успел увидеть вставшие дыбом бревна, и затем мощный грохот забил уши. Сержант ящерицей сполз с отвала. Пригибаясь, все трое кинулись вдоль канавы в лес. Сзади еще слышны были вопли гитлеровцев, но слева затрещали пулеметы, эхо разнесло хлесткие выстрелы винтовок, и голоса на мосту потонули в завязавшейся перестрелке.

Чем дальше уходил от дороги Язев, тем тревожнее у него становилось на душе. По краю леса немцы уже били из минометов, и он не знал, уцелела ли группа прикрытия. Он-то уцелел — это точно.

Эти опасения Язев высказал капитану сразу, как только доложил о выполнении задания.

Командир роты пограничников поблагодарил его, но при этом посмотрел на сержанта с нескрываемой иронией.

— Что беспокоишься и совесть в тебе не дремлет — это похвально. Но погоди говорить «гоп»... Вернется группа, не журись, сапер.

Но не от пограничников, а от своих трех бойцов, впервые участвовавших в таком быстротечном бою, узнал Язев, как были перебиты гитлеровцы на идущей следом второй машине, как, сменив позицию, пулеметчики потрепали и третий грузовик с фашистами, а затем по сигналу наблюдателя отошли в глубь леса, не допустив, чтоб немцы взяли их в клещи.

На исходе дня, когда подошла ожидаемая часть, измотанный тремя контратаками и еще больше поредевший батальон погранвойск НКВД отвели во второй эшелон.

В последний раз капитан вызвал Язева.

— Давай прощаться, сержант.— Капитан вынул из сумки блокнот.— Вам предписано двигаться дальше, догонять свою часть. Напишу я характеристику на тебя и твоих бойцов, передай ее в политотдел дивизии, там меня знают. Понял? — Он взглянул на Язева и покачал головой.— Не-го-же! Гляди веселей, сапер, не куксись!

Арсений помялся и уже без всякой надежды в голосе попросил:

— Возьмите нас, товарищ капитан.

— Не могу, приказ.

— А вы куда теперь?

— Наш батальон придают этому стрелковому полку. Будем воевать, сержант. До победы!..

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

Наконец подошла официантка, приняла заказ.

Лапин и Язев снова помолчали. Тихон Петрович, как-то неопределенно хмыкнув, произнес:

— В то же самое время, знаешь, чем я занимался? Учил танкистов.

— Так что? Дело нужное,— отозвался Арсений Ильич.

— Это рассудком судить — да. А сердцем? Кто-то на фронт едет, а ты опять на своем полигоне остаешься. Представляешь, какая несправедливость!

— Ты что, из училища на фронт? — спросил Язев.

— В общем-то, да, но перед войной сельхозтехникум окончил. Специалист, куда там... Вот и оставили в училище, сказали, будешь готовить кадры...

— И долго ты ходил в учителях?

— До августа сорок второго. Когда корпус начал формироваться, меня направили в часть.

— Так, так... А мы как догнали свою дивизию, то всю осень еще грязюку месили. Строили оборонительные сооружения, дороги, гражданским помогали. Когда немцев от Москвы отбросили, тут обо мне и вспомнили.— Арсений Ильич загадочно посмотрел на Лапина.

— Ну-ка, ну-ка,— оживился Лапин.— Что там у тебя произошло?

— Честно говоря, струхнул я вначале. Ну как же: вызывают в политотдел дивизии. Зачем? Вины за мной вроде нет. Прихожу, докладываю. А мне вопрос: «Капитан,— фамилию я его уже не помню — не родственник тебе?» Сначала я ничего не понял. Веришь, стоял красный как рак, с ушей чуть ли не капало. Все же я сельский парень, а тут такое высокое начальство, батальонный комиссар. Непривычно. Он еще посмеялся, видя мое смущение: «Решили направить тебя на курсы лейтенантов. Вот и пограничники тебя хвалили». Тогда я уже догадался, откуда ниточка тянется.

— Представляю, как ты был ошарашен,— рассмеялся Лапин.— Верно?

— Ну кто бы мог подумать! — Язев развел руками.— Сколько нас было таких, сержантов. И помнил ли я о той характеристике?.. Шла война, мы делали свое дело. И всё.

— Значит, в корпус тебя направили после курсов? — спросил Лапин.

— Нет,— покачал головой Язев.— Это было уже после госпиталя...

2

В конце апреля пришло тепло, дни стояли погожие, быстро просыхали дороги, поля. По утрам, когда курсанты выбегали на физзарядку, их встречали заливистые запевки скворцов, со стороны озера вместе с туманом наплывали такие мирные запахи: пахло свежей водой, молодой осокой, проклюнувшимися листочками тополя, цветущей вербой.

Днем, возвращаясь с тактических занятий, или во время короткого перекура на стрельбище курсанты нередко заговаривали о делах вовсе не военных: в районе шла посевная, и большинству из этих парней были и близки, и знакомы крестьянские заботы, потому что каждый понимал, что война и, пусть недолгая, оккупация причинили урон и тяглу — лошадей в колхозах изрядно поубавилось.

Война и не столь далекий фронт ежедневно напоминали о себе и тем, что затемнение по ночам пока не думали снимать, а со стороны станции нередко били зенитки, по небу шарили лучи прожекторов — значит, опять какой-то наглец-фашист пытается прорваться в наш тыл, к Москве.

Учеба шла ускоренными темпами. Оставались уже не недели, а считанные дни до выпуска группы, в которой находился Арсений Язев, так что настроение у всех было приподнятое, боевое. К тому же на дворе была весна, а курсанты, здоровые, крепкие парни, без пяти минут командиры, мечтали поскорее вырваться из-под опеки преподавателей, да и сама обстановка, строгий режим без увольнений — все это порядком каждому надоело, и оттого они были возбуждены, ждали с нетерпением выпуска.

А прошло всего пять месяцев, с тех пор как первая группа курсантов приехала в этот подмосковный городок. Было что-то глубоко символичное в их возвращении; и как жители вызволенных из-под оккупации деревень, веря, что враг больше не вернется, спешили к своим домам, не ведая, уцелели ли они, так и первая группа курсантов была словно бы квартирьерами, которым предстояло подготовить помещения для основного контингента училища.

Гитлеровцев из города выбили еще в декабре, и к приезду курсантов строители успели навести некоторый порядок. Однако работ по очистке территории, ремонту казарм хватало. Так и жили до весны: учились в классах и в поле да еще и поработать успевали.

Накануне первомайских праздников состоялось последнее построение всего личного состава. Был зачитан приказ о присвоении воинских званий. Были последние суматошные часы, когда получали новенькое обмундирование, крепили к зеленым петличкам по «кубарю», пришивали свежие подворотнички к гимнастеркам.

И вот утро, раннее, свежее. Команда: «По машинам!» Прощальные напутствия, пожелания вернуться с победой...

Выехав на основную магистраль, машины прибавили ходу, насколько позволяло разбитое шоссе.

Следы зимних боев в Подмосковье были еще слишком свежи: исклеванная воронками земля вдоль дороги, сгоревшие или разрушенные дома среди голых садов — все эти картины омрачали настроение молодых командиров, зато сколько радостных возгласов вызывали скопища разнообразной вражеской техники, которую частично сволокли с полей в одно место, но еще не успели всю вывезти на переплавку. И сердце каждого из этих парней наполнялось гордостью за Советскую Армию, за ее бойцов, которые сумели на подступах к Москве сокрушить, а затем и отбросить на запад моторизованные фашистские полчища.

Москва весной сорок второго и коренным жителям казалась необычной. Они как бы наново привыкали к своему городу, жадно вглядывались в его все еще суровое лицо.

Военная весна напоминала об этом москвичам гудением патрульных истребителей, танками, выходящими из мастерских, и поблескивающими в лучах солнца штыками над строем проходящих красноармейцев.

Но, несмотря ни на что, Москва чистилась, садовники подстригали кусты, на улице Горького заливали асфальт, город хорошел по-весеннему.

Однако первое, что увидел Язев и его товарищи при въезде в Москву,— это кольцо баррикад, стальные ежи, витрины, обшитые щитами из досок и заложенные мешками с песком, и еще — шрамы на стенах зданий...

Получив предписания, Язев и Рудаков отправились посмотреть Москву. Времени на то было достаточно, так как поезда у обоих отходили вечером.

Они вышли на станции метро «Охотный ряд» и неторопливым шагом двинулись вдоль ограды Александровского сада. Среди деревьев, приникнув к земле, будто огромные слоны, дремали аэростаты заграждения. Рудаков, глянув на товарища, многозначительно кивнул в сторону здания гостиницы «Москва», на крыше которой была установлена зенитка.

— Понятно,— вполголоса сказал Язев.

— Вот и я о том же думаю,— отозвался Рудаков.— Но теперь уже все одно, хуже не будет. Верно?..

Арсений вглядывался в зубчатые стены и башни Кремля и невольно поймал на мысли, будто бы проходит здесь не впервые,— так все здесь было знакомо.

И вот Красная площадь.

— Ты в Мавзолее бывал? — помолчав, спросил Язев и взял Рудакова за локоть.

— А как же! Еще когда в школу ходил... Отец меня в Москву возил...

От Красной площади они прошли к Большому театру, фасад которого был почему-то в лесах. И тут один словоохотливый старичок с кошелкой в руке объяснил, что театр повредила фашистская бомба и вот теперь ведутся восстановительные работы.

Затем Язев и Рудаков направились на улицу Горького. Они задерживались у книжных лотков, читали афиши и остаток отпущенного им времени провели в кино.

А в сумерках поезд, уходящий в Калугу, увозил Арсения Язева на фронт.

В вагоне было холодно, накурено, хотя народу набралось не так уж много. Язев лежал на средней полке, положив вещмешок под голову и укрывшись шинелью. Купе скудно освещала пятнадцатисвечовая лампочка. Внизу собрались любители перекинуться в картишки, но у них, видимо, не хватало кворума, и тогда усатый сержант предложил Язеву составить компанию: надо же было как-то скоротать время.

— Нет, ребята, не хочется,— ответил Арсений.

Он еще был полон впечатлений от прогулки по Москве и теперь, лежа на жесткой полке, перебирал в памяти увиденное.

Под стук колес и скрипы расшатанного старого вагона к нему пришли мысли далеко не радостные: отец мобилизован на лесоповал, мать одна крутится в доме — огород, корова, заготовка сена, от брата Федора (он тоже воюет) давно нет писем.

...Стучат колеса. Арсению видится луговая дорога, белесое от зноя небо. Они с братом лежат на возу, сытая лошадка тянет воз с сеном. А вокруг увалы, с которых открываются таежные дали. О многом они тогда мечтали, строили фантастические планы, которые вполне могли стать реальными...

Вагон неожиданно дернулся — поезд стал сбавлять ход. Хмурая проводница в обмотанном вокруг горла темном платке, в черной шинели, с керосиновым фонарем в руке протопала по вагону. Кто-то снизу окликнул ее:

— Мамаша, чего там случилось? Не туда свернули?

Пересмешника поддержал сдержанный хохоток.

Проводница хриплым голосом огрызнулась в ответ:

— Сам ты нетудыка... Насмолили своей махрой, не продохнуть.

— А вагон, между прочим, курящий,— отозвался тот же голос,— и отвечать надо поаккуратнее.

— Не видишь, что ли? Малоярославец.— Проводница закашлялась и поспешила к выходу.

Арсений спустился с полки, стал у окна и закурил папиросу. В темноте слышались голоса, пробегали какие-то люди, постукивая по колесам молотком на длинной ручке, прошел осмотрщик.

Усатый сержант вызвался сбегать за кипятком. Вынув

из вещмешка свой котелок и захватив котелок соседа по купе, он ушел.

Вернулся сержант не скоро, зато с кипятком, стал рассказывать:

— Ну, везет мне на приключения. Вышел из вагона, а тут женщина с ребенком — и ко мне: «Помогите уехать».— А сама плачет. Я туда-сюда — ни в какую. Еле упросил начальника поезда... А вы, товарищ младший лейтенант, с нами чайку не желаете?— обратился он к Язеву.

Арсений охотно согласился и подсел к соседям по купе. Слово за слово завязался разговор. Народ подобрался тут бывалый, повоевавший. Вспоминали первые бои, отступление, госпиталя. И каждый из этих незнакомых Арсению людей со своими горестями, простыми человеческими радостями становился ему ближе, и еще он чувствовал, что перед ним надежные бойцы, живущие твердой верой в победу над врагом.

3

На вторые сутки младший лейтенант Язев прибыл в Елец, где в то время находился штаб Брянского фронта. Здесь он получил направление в одну из дивизий и, подробно расспросив писарей, как до нее добраться, решил во что бы то ни стало уехать в этот же день: дорога, ожидание попутных машин — все это утомило и надоело ему, вызывало тревожное чувство неопределенности.

Девушка-регулировщица, с белесыми ресницами, тугощекая, в лихо сбитой набок пилотке, из-под которой были выпущены рыжеватые кудряшки, явно созданные с помощью щипцов, в надраенных сапожках и со свернутым трубочкой желтым флажком в руке, воззрилась на подошедшего симпатичного младшего лейтенанта и не сразу ответила на его вопрос. Но тут же справилась со смущением и, по-детски шмыгнув носом, торопливо заверила, что машин идет много и «товарищ лейтенант» непременно уедет.

Язев уже знал, что на деле получается далеко не всегда так, как желаешь, а маршруты у фронтовых шоферов, будто назло, не совпадают с твоим, и потому не очень-то поверил рыжей регулировщице, но, мысль, что он уже близок к цели и пусть хоть ночью, но доберется до дивизии, приободрила его.

Рядом в кювете на молодой травке лежали четверо красноармейцев и сержант — вероятно, они тоже ждали

попутку. Язев присел рядом, поинтересовался, нет ли кого из «его» дивизии. Однако попутчиков среди них не оказалось: все после госпиталя следовали в запасный полк.

А вечер был тихий, ласковый, солнце опустилось к горизонту, и длинные тени от домишек протянулись через дорогу. Временами с запада доносились глухие удары, и это настораживало. «Где-то бомбят»,— подумал Арсений. Он, как и эти молчавшие бойцы, хорошо представлял, что могло твориться там, откуда доносятся эти приглушенные и тем не менее тяжкие раскаты. В памяти невольно вставали картины первых бомбежек, там, в Эстонии...

Один из бойцов, привстав и прислушиваясь, сказал:

— Это где же? Похоже, в направлении Мценска...

— Сводки, что ль, не читал? — возразил сержант.— Мценск немец когда занял?..

— А может, и наши долбают...— сказал боец.

Сержант ему ничего не ответил.

И вдруг в небе возник знакомый прерывистый гул. Все задрали головы. На большой высоте показался серебристый крестик — самолет. И сразу заухали зенитки; батарея стояла за городом. По сторонам от самолета и впереди по курсу вспыхивали черные комочки разрывов. Самолет развернулся и пошел на северо-запад.

— Эге! Не понравилось,— прокомментировал сержант работу зенитчиков.

...А мимо, в том и другом направлении, тарахтели повозки, реже пробегали машины. Рыжая регулировщица всякий раз, когда выяснялось, что шофер следует не в том направлении, куда надо «товарищу лейтенанту», разводила руками и при том с виноватым выражением лица пожимала плечом.

Первыми в свою часть уехали красноармейцы и сержант. Наконец судьба смилостивилась над Арсением. Регулировщица остановила полуторку, спросила что-то у шофера, и тот махнул лейтенанту из кабины рукой — садись.

Водитель, мужчина лет сорока с чисто выбритым интеллигентным лицом, весьма снисходительно сообщил, что, в общем-то, он немного, с километр, не доедет до нужного младшему лейтенанту населенного пункта.

— Ну как, едем? — спросил он.

Арсений был рад и тому и, поблагодарив девушку, забрался в кабину.

Когда осталась позади окраина, Арсений предложил водителю закурить. Шофер глянул на пачку и улыбнулся.

— Московские! — Он с достоинством вынул папиросу, понюхал табак.— Вы что же, прямо из столицы к нам?

— Да, два дня тому назад выехал,— ответил Арсений, по говору, определив, что шофер, должно быть, москвич. — А вы сами из Москвы?

— Коренной,— усмехнулся водитель.— Такси гонял до мобилизации. «Эмочка» у меня была, мечта!

Всю дорогу шофер расспрашивал о Москве, Язев рассказывал о том, что успел увидеть за один день, и не заметил, как прошло время. На развилке водитель притормозил и, прикинув что-то в уме, сказал:

— Подброшу до штаба, так и быть... Очень мне по душе твой рассказ. Спасибо!..

Штаб дивизии занимал три избы. Несмотря на поздний час, там шла своя, напряженная работа. Комендант штаба, проверив документы Язева, вызвал связного и распорядился, чтобы вновь прибывшего младшего лейтенанта устроили на ночлег и не забыли накормить.

— Ступайте отдыхать,— сказал комендант,— а все свои дела оформите завтра.

Дивизия, в которую прибыл Арсений Язев, находилась во втором эшелоне. Молодой младший лейтенант был назначен на должность командира взвода роты автоматчиков одного из полков.

В то время войска Брянского фронта готовились к наступлению, подходили свежие дивизии, боевая техника. Но в конце мая из Ставки поступил приказ перейти всему фронту к обороне.

Противник, как постепенно выяснилось, вел интенсивную перегруппировку, накапливал силы. Стратегические замыслы гитлеровского командования сводились к тому, чтобы летом сорок второго года разгромить советские войска на воронежском направлении и выйти к Дону. Для осуществления своих далекоидущих планов противник сосредоточил на этом участке фронта крупную армейскую группировку «Вейхс».

За период затишья Язев хорошо узнал бойцов своего взвода. Новичков почти не было, народ подобрался отчаянный, недаром о таких говорят: «С ними хоть в разведку». Арсений присматривался к сержантам, слушал рассказы красноармейцев и, как говорится, мотал себе на ус, потому что эти люди по-своему были опытнее его, в прошлом са-

пера, держали себя независимо и на нового командира взвода посматривали с некоторым превосходством.

Правда, Язев уже на второй день дал понять, что разгильдяйства не потерпит.

Был такой случай.

Рота автоматчиков вместе с тыловыми подразделениями квартировала у местных жителей. Вот почему после заступления на должность Язев решил проверить, в каких условиях живут красноармейцы, где и как устроены. Провожатым он взял своего помощника.

Язев шагал не спеша, и вид широкой улицы села в садах, готовых одеться в кипенно-белый наряд цветения, распустившаяся сирень, сладко пахнущие розовые бутоны шиповника в палисадниках — все это напоминало другие вёсны и другое село, и радость мешалась с печалью. И конечно же младший лейтенант тогда не мог и подумать, что скоро на это село и на другие деревни и села обрушатся сотни бомб, а по улицам, гремя и лязгая, поползут моторизованные вражеские колонны.

Сержант, поглядывая искоса на задумчивое лицо командира взвода, размышлял в это время о своем. «Не успел предупредить дневального,— досадовал он.— Теперь жди нагоняя. Эти архаровцы чего угодно могут учудить».

И он подумал, что лучше подготовить взводного к возможным неожиданностям, деликатно намекнуть, что в неказарменных условиях за всеми не уследишь и сам он понимает, что люди малость поразболтались.

— Красота-то какая кругом, товарищ младший лейтенант,— нарочито бодро воскликнул он.— После боев как в рай попали.

— Да, тихо здесь,— согласился Язев.

— Вот и я про то,— сказал сержант.— Бойцы — народ молодой, отдохнули, отоспались. Да и не в лесу очутились. То гармошка заиграет вечером, то девчата зазывают... Бывает, какая-нибудь женщина по хозяйству помочь просит, а там и подарочек сунет.

— И как вы на это смотрите? — Язев живо взглянул на сержанта.

— Пресекаю,— не шибко уверенно ответил тот и добавил: — Бывает, конечно, и недосмотр...

Сержант опасался не зря.

В первом доме, переднюю половину которого занимали бойцы, они увидели в беспорядке разбросанные вещмешки, немытые котелки по лавкам, неприбранные матрацы.

— Пометьте, сержант, из какого отделения эти люди, на вечерней поверке поговорим с ними,— сказал Язев и покачал головой.— Некрасиво получается, а?

Сержант согласно кивнул и, помусолив карандаш, сделал пометку в своем блокноте.

В другой избе обнаружили двух спящих бойцов. Когда их разбудили и спросили, почему они не со взводом, хмурый крепыш с короткой шеей ответил с вызовом, что ему сегодня не хочется идти на занятия.

— Как ваша фамилия? — спросил Язев.

— Букин,— ответил боец и ухмыльнулся.

— Что ж, товарищ Букин, вы и воюете по настроению? — повысил голос командир взвода.

— Как я воюю — мне лучше знать,— буркнул боец и отвернулся.

— За нарушение распорядка — два наряда вне очереди! — направляясь к выходу, сказал Язев. И добавил: — Обоим по два наряда, слышите, сержант?

Но за полтора месяца все притерлось, дисциплину подтянули, и сержанты строго взыскивали с тех, кто еще пытался по вечерам удрать на другой конец села, где на пятачке обычно собирались местные парни и девчата и допоздна под гармошку отплясывали елецкого.

4

Пока было спокойно, бойцы отдыхали, рота в основном несла караульную службу: охраняла штаб, тылы полка.

Но война есть война. В конце июня гитлеровцы перешли к активным боевым действиям.

Рано утром двадцать восьмого июня Язева вызвали в штаб. Посыльный, в ожидании, когда младший лейтенант оденется, сказал:

— Должно, немцы наступать начали.

— Где, когда?

— Нынче же, а то когда?

Застегивая ремень на ходу, Арсений выскочил из избы. Село еще тонуло в предрассветных сумерках, тут и там перекликались петухи. Прислушался. Выстрелов не слыхать.

— Сдается мне, товарищ младший лейтенант, слева попер,— сказал боец.— Слышал, Щигры упомянули, а они чуточку левее.

«Щигры. Тогда понятно,— подумал Арсений.— Отсюда не слыхать».

Дом, где размещался КП полка, будто нежилой. «Маскировочка что надо»,— отметил про себя Арсений, взбегая на крыльцо. После темных сеней в глаза резко ударил свет маленькой лампочки. Собравшиеся переговаривались вполголоса. Вскоре прибыли командиры батальонов и рот, и тогда, отвернув плащ-палатку, из соседней комнаты вышел командир полка майор Саакян.

— Итак, все в сборе.— Он окинул взглядом командиров.— Прошу внимания. Час тому назад нам передали, что противник численностью до батальона пехоты с танками атаковал части нашего соседа слева, вот здесь,— майор повел указкой по карте,— и здесь...

К восьми часам утра стало известно, что соседняя дивизия отбросила гитлеровцев, пытавшихся вести разведку боем, на их исходные позиции. Но затишье продолжалось недолго. По отдаленным тяжким ударам, начавшим доноситься слева, безошибочно можно было определить: бомбит вражеская авиация. Вскоре в этот гул вплелось вибрирующее, с подвыванием гудение чужих моторов.

— Воздух! Воздух!

Все, кто куда-то спешили,— бойцы, ездовые с повозками — кинулись в укрытия. «Юнкерсы» прошли высоко, дальше в тыл. Язев насчитал шесть звеньев.

С наступлением темноты дивизия снялась. Шли всю ночь и на рассвете заняли исходные позиции. Однако тут же поступил приказ — начать окапываться, да не кое-как,— в полный профиль. Какие уж тут исходные — самая настоящая оборона.

После полудня появились вражеские танки. Постреляли, постреляли, но, получив отпор, быстро откатились назад. Притихли. И тогда явственнее стала слышна беспрерывная канонада слева, южнее. Скоро снова загрохотало и в полосе обороны дивизии.

Артиллерийский налет был коротким, но интенсивным. Снаряды и мины гвоздили передний край, доставалось и тылам. А затем — атака. Раз и другой кидались гитлеровцы на обороняемую дивизией полосу и отходили снова. Очередная атака танков с автоматчиками на броне. И тогда командир полка Саакян приказал выделить взвод из роты Щербака и отогнать автоматным огнем вражеских пехотинцев.

К вечеру бой принял очаговый характер: где-то на фланге еще гремело, в центре участка натиск ослабел.

За двое суток, в течение которых дивизия находилась в обороне, положение на воронежском направлении значительно ухудшилось. Создалась угроза обхода противником левого фланга дивизии. Командир ее получил приказ на отвод частей в северо-западном направлении.

Отходили, сражаясь. Однако на юге противник продвигался быстрее. Следовательно, надо было оторваться, чтобы основательно закрепиться на выгодном рубеже.

Майор Саакян получил приказ: во что бы то ни стало задержать противника. Рота автоматчиков — резерв командира полка. Он вызвал командира роты лейтенанта Щербака и тут же поставил задачу. Отметив на карте маленький кружок, сказал:

— Здесь высота, перекресток дорог, тут займете оборону. Вам придается взвод ПТР и пулеметный взвод. И без приказа ни шагу назад! Задача ясна?

— Ясна, товарищ майор.

На прощание командир полка пожал руку Щербаку и просто, совсем по-домашнему сказал:

— Трудно вам будет, лейтенант... Но постарайтесь продержаться как можно дольше. Двух суток нам хватит, надеюсь. До утра оставляю на переднем крае батальон. Капитан там командует, он все вам расскажет и покажет...

Рота поужинала горячим. Завтра уже ничего такого не будет, завтра довольствуйся сухим пайком, запивай водичкой из фляжки. Старшина привез боеприпасы. Бойцы молча набивали вещмешки коробками с патронами, гранатами. Сержанты поторапливали бойцов, напоминали, чтоб ничего не звякало при ходьбе.

Наконец построились и колонной по два двинулись в обход села к передовой. Следом за автоматчиками потянулись бронебойщики со своими длинными ружьями, за ними — пулеметчики, неся разобранные пулеметы, коробки с лентами.

Шли перелесками, по-мирному пахло разогретыми за день травами, листвой. На закатной части неба, чуть выше слоистых облаков, проклюнулась зеленая звезда. «Будто с учений возвращаемся»,— подумал Язев, оглядывая рас-

тянувшийся взвод. А впереди, видимо не так далеко, то взревывали, то замирали моторы. И рота шла навстречу этим угрожающим звукам.

Капитан, командир батальона, с черной щетиной на впалых щеках, в гимнастерке, измазанной землей, не мешкая объяснил командиру роты, куда нужно поставить пулеметы и где наиболее выгодно разместить расчеты петеэровцев.

— Прикажи сразу отрыть запасные ячейки,— сказал комбат.— Да чтобы замаскировались как следует.

Затем он вместе с командиром роты прошел по всей линии обороны. С бугра была хорошо видна местность впереди. Поля, перелески или лес — в сгущающейся темноте не разберешь, а вот левый фланг вроде бы обнажен. Но капитан словно угадал мысли лейтенанта Щербака.

— Позиция — лучше не надо. Справа лес, балка еще там, танкам хода нет. Слева вы тоже прикрыты. В низине болото, далеко тянется. Рассветет — сам увидишь. Мои бойцы ушли туда.— Капитан кивнул на запад.— Минируют. Движения противника следует ожидать по дороге прямо, и на той, что справа, через лес.

Командир роты автоматчиков распорядился, чтобы каждый взвод выделил охранение на ночь, всем же остальным бойцам отдыхать, тут же, в траншеях. Сам он не помышлял о сне; проверил службу наблюдения, долго сидел на бруствере, глядя, как гитлеровцы бросают ракеты.

Едва рассвело, пришел капитан.

— Тихо? — спросил он, посмотрев в сторону леса.

— Ничего пока не замечено,— ответил лейтенант Щербак.

— Вы правый фланг держите на прицеле. Немцы еще не разобрались, но могут просочиться к вам в тыл. Понял? Я своих уже снял. Уходим. Ну, будь...— Он протянул свою широкую ладонь, пожал руку лейтенанту.

Выбравшись из траншеи и придерживая кобуру, капитан затрусил к опушке, куда стягивался его батальон.

5

Над холмистыми полями вставало солнце. Первые лучи его пригрели затылок, щеку младшего лейтенанта. Он стоял в траншее, навалившись на бруствер, и, положив

голову на руки, дремал, и виделось ему поле, слышался стрекот конных косилок. Косилок ли?..

Теплынь раннего, летнего утра сморила Арсения, и он не слышал голоса бойца, очнулся, когда тот потряс его за плечо. Протер кулаками глаза, спросил:

— Что случилось?

— Товарищ младший лейтенант! — доложил боец.— Сержант Шубин передает: шум моторов за лесом.

— А ну идем к нему.

Схватив автомат, Язев побежал на правый фланг.

— Как обстановка, Шубин? Что там заметили?

— Мои слухачи доложили, какая-то возня у немцев,— сказал Шубин.— Во, слушайте!

За лесом, в отдалении, с надсадом гудел мотор, будто забуксовала тяжелая машина.

— Похоже, двинулись,— согласился командир взвода.— Усиль наблюдение.

Он тут же послал связного с донесением к командиру роты.

И вот они показались — темные, в камуфляжных пятнах, угловатые бронетранспортеры с пехотой.

Один, другой, третий...

«Без танков? Или уверены, что впереди никого нет?» — со смешанным чувством любопытства и тревоги подумал Язев, наблюдая за приближающейся колонной. Вот он, по-настоящему первый его бой, когда приходится отвечать не только за себя, а за людей всего взвода.

Медленно сокращалось расстояние между траншеей и колонной вражеских машин. Когда до них осталось метров двести, ударили бронебойщики. Средняя машина заюзила, ткнулась в кювет. Остановилась и первая. Гитлеровцы горохом посыпались из машин. Хлестко бьют бронебойки, и загораются один за другим два бронетранспортера. Немцы атакуют. И тут ударили станкачи. Гитлеровцы сразу понесли большие потери. Те, кто уцелел, залегли, отползали, отстреливаясь. Потом перебежками назад, назад. «Ага, не нравится!»

Стих треск автоматов, оборвались солидные строчки пулеметов. Командир взвода побежал к пулеметчикам поздравить с отбитой атакой, напомнить — хотя те знали не хуже его — о запасных позициях. Бойцы улыбались, видя своего командира рядом, радовались первому успеху, подбадривали друг друга.

— Это цветочки, младший лейтенант,— сказал боец, у которого из-под расстегнутой гимнастерки выглядывала тельняшка. Вынул кисет.— Покурим?

«Морячок, а я не знал»,— подумал Язев.

— Ягодки они нам еще подбросят.— С этими словами боец в тельняшке оторвал полоску от свернутой в рулончик газеты.

Дальше все произошло в какие-то мгновения: рука его, запущенная в кисет, замерла, лицо окаменело, вдруг он пригнулся, крикнул:

— Ложись!

И тут слух Арсения уловил знакомый звук, похожий на пофыркивание, и следом рвануло, сзади, с перелетом. Мина!

Кто-то вскрикнул.

— Вот они, ягодки,— скороговоркой пояснил боец, лежавший на дне траншеи.

— В укрытие! — крикнул Язев.

— В укрытие! — пронеслось по траншее.

Арсений не видел, как вспахивали высотку снаряды и мины. Он остался лежать в траншее, всем телом вжимаясь в землю. Снаряды падали один за другим — ближе, дальше... Один разорвался совсем близко, по спине, каске ударили комья глины, уши заложило.

Минут пятнадцать гитлеровцы яростно обстреливали высоту. Мины еще рвались тут и там, а наблюдатель доложил:

— Командир, танки!

— Гранаты к бою! — подал команду Язев.

Вскочив, припал к брустверу. За полем, на дороге, которая шла прямо на высотку, показались танки. Арсений насчитал их четыре.

— Товарищ младший лейтенант,— окликнул его боец,— гляди.— Он с сожалением разглядывал свой автомат.— Это ж та, первая, фыркала которая. Начисто посекла осколками.

— Возьми мой,— сказал Язев.— И передай по цепи, чтоб готовили гранаты.

— Слушаюсь, товарищ младший лейтенант!

Танки шли колонной. Вот-вот они начнут разворачиваться в боевую линию. Бронебойщики молчат, ждут своей минуты.

И снова, как при первой атаке, улучив момент, петеэровцы открыли огонь. Зачастили резкие, звонкие, как удар

молота о металл, выстрелы. Слева, захлебываясь, застрочили станкачи, сбивая автоматчиков с брони.

Танки замедлили ход, начали маневрировать, стараясь не подставлять борта под огонь. Одна машина стала, значит, крепко кусанули бронебойщики. Другая, пытаясь обойти ее, свернула в сторону, и тут на глазах всей роты под правой гусеницей вражеского танка сверкнуло, черным дымом окуталась машина, и сильный грохот покрыл все остальные звуки боя. Это сработала мина, поставленная саперами. «Спасибо, капитан!» — мысленно поблагодарил комбата Язев.

Гитлеровцы, ведя огонь из танковых пушек, попятились. Зацепив тросом поврежденный танк, прихватили с собой, поволокли назад.

— Ну давай, давай! — покрикивали бойцы вслед удаляющимся танкам.

Потеряв один танк, гитлеровцы замешкались. Атаки прекратились. Встретив упорное сопротивление, противник, вероятно, стал искать пути обхода высоты, чтобы сбить обороняющихся. Чем же иным вызвана эта подозрительная тишина?

Пользуясь передышкой, бойцы пожевали хлеба с консервами. Но жара, ветерок еле-еле, не до еды, водички бы холодной, из колодца, а та, что во фляжках, давно перегрелась.

Командир роты помнил наказ комбата: держать правый фланг под прицелом.

«Разведать надо, что за лесом творится»,— думал лейтенант Щербак, изучая карту.

Он вызвал младшего лейтенанта Язева, сказал:

— Смотри сюда. Вот этот участок за балкой... А?

— Не нравится он мне, товарищ лейтенант,— понимающе кивнул Язев.

— Значит, так: выдели группу, четыре-пять бойцов, надо разведать, что там, за лесом. Но тихо-тихо, без суеты. И как можно быстрее назад. Ясно?

— Понял, товарищ лейтенант!

— Действуй, пока не поздно!

Опасения командира роты были не напрасны. Разведчики принесли тревожные известия: за лесистой балкой они обнаружили скопление вражеских автоматчиков. Стало быть, те чего-то выжидают.

— Выдвигай, Язев, свой взвод в засаду. Лучше, думаю, занять позицию по восточному склону балки. Действовать по обстановке.

Прошло с полчаса томительного ожидания. «Верно ли поступил? — размышлял командир роты.— А если немцы пойдут снова по левой дороге? В траншее лишь несколько бойцов и один пулемет. Фланг обнажен... Не перехитрил ли себя, стратег?..»

Бойцы Язева скорым шагом пробирались сквозь заросли орешника и липы. Младший лейтенант, возглавлявший группу, сам расположил своих автоматчиков. Сержант Шубин предложил двоим залезть на деревья:

— Обзор больше, и бить можно на выбор.

Язеву предложение смекалистого, расторопного Шубина понравилось, он лишь предупредил, чтобы бойцы ничем не выдавали себя, а подпускали немцев вплотную.

Тишина действовала на Язева угнетающе. Он чувствовал, как с каждой минутой возрастает в нем напряжение. Вглядываясь в отлогий противоположный склон балки, в прогалы меж кустов, он старался угадать, в каком именно месте могут появиться фашисты. И пойдут ли они вообще. А если нет? Что тогда?

Он прислушивался к отдаленным глухим раскатам, и ухо его уловило тонкое, с подвыванием гудение самолета. Не успел он и подумать, куда летят вражеские самолеты, как впереди качнулись ветки куста и серой тенью обозначился силуэт гитлеровца в каске.

Звенящий, высоких тонов звук, возникший в отдалении, заставил Щербака насторожиться. Он вскинул голову, но самолетов не увидел.

— Воздух! — гаркнул наблюдатель.— В укрытие!

Лейтенант Щербак заметил наконец два приближающихся звена «мессершмиттов». Они шли от солнца, низко. Он вскочил, побежал к щели, аппендиксом уходящей в тыл. Бомбовые разрывы, вой осколков, яростная дробь скорострельных пулеметов слились в сплошной грохот.

«Мессеры» сделали еще заход, построчили из пулеметов и улетели. Бойцы стали вылезать из укрытий, занимать свои ячейки в траншее. Тогда-то все услыхали, что справа идет бой. Треск автоматов, глухие хлопки гранат и пальба неожиданно стихли. Щербак увидел, как от опушки отделилась группа бойцов. Но шли они странно: то растягивались, то снова собирались в кучку. Понял, когда разгля-

дел среди гимнастерок чужой, серый френч. «Пленного взяли! Ну молодцы...»

Язев, возбужденный боем, передавая документы, взятые у гитлеровца, доложил, что задание выполнено, у него убитых нет, раненых двое.

— Расскажи, как было дело? — нетерпеливо спросил Щербак.

— Да как? Двинулись они. Мои орлы подпустили их и чесанули из автоматов, а потом гранатами. Так что всем был капут. А гансы-то оказались пьяными, вдугаря. Взяли одного. Никак не хотел идти.

Немец, придерживая раненую руку, раскачивался, мычал что-то, скалил зубы, а когда Щербак обернулся к нему, опять взмахнул здоровой рукой, стал выкрикивать непонятные слова.

Боец, стоявший рядом, ткнул гитлеровца стволом автомата в зад.

— Я тебе пошумлю! Тихо, вояка!

— Ладно,— сказал Щербак.— Толку с него нема. Отправить его с нашими ранеными в штаб дивизии. Может, пригодится.

Успех третьего взвода родил у командира роты смелую мысль. Щербак вызвал к себе командиров взводов.

В тесном блиндаже собрались командиры. На цинковой коробке из-под патронов горела свеча.

— Значит, задача такая,— начал Щербак без предисловий.— Надо сделать ночную вылазку.— Он посмотрел на товарищей.— Мы в обороне, немцы нас не ждут. Если зайти в тыл и пощекотать спящих? Может, где техника стоит, забросать гранатами? Как ваше мнение?

Взводные помалкивали: очень уж неожиданную задачу поставил командир роты, но мысль его понравилась.

— Мосточек бы заминировать,— попыхивая цигаркой, высказался командир пулеметного взвода.— Верняк дело.

— Где взрывчатка? Зачем говорить? — резко возразил Язев, протискиваясь вперед.— Я вас понял, товарищ командир, и вот что подумал. Боевое охранение у немцев на дороге. Обойти его можно по балке, где днем автоматчиков побили. За балкой — деревня. Там противник, где же ему быть... Но сперва разведать как положено. У меня всё.

Посовещавшись, единодушно приняли план Язева. Группу решили создать из пятнадцати человек. Язев сам отобрал бойцов, и, когда сержант Шубин построил группу, командир взвода, обращаясь к бойцу Букину, напомнил:

— К черту в зубы идти придется. Не страшно?

— Бывал я там, товарищ младший лейтенант.— Букин показал сжатый кулак.— Зубы и покачать можно.

— Порядок,— улыбнулся Язев.— Товарищ сержант, разведчиков поведет красноармеец Букин. Он дело знает.

На исходе ночи, когда на востоке обозначилась бледная зеленоватая полоска, в той стороне, куда ушла группа, раздался слабый хлопок, тишину прошила автоматная строчка, а следом поднялось багровое зарево.

Как после выяснилось, налет группы вызвал среди гитлеровцев сильную панику. Бойцы сожгли два грузовика, гранатами и огнем автоматов истребили не менее трех десятков вражеских солдат. Группа вернулась без потерь.

Ночная вылазка, как и предполагал Щербак, что-то расстроила в планах гитлеровцев и оттянула начало утреннего наступления.

Но лейтенант теперь предвидел и другое: данные, которые он получил от разведчиков Язева, позволили сделать вывод, что противник намерен обрушить немалые силы на ротный опорный пункт. Командир верил в своих бойцов. Но одной стойкостью бой не выиграешь, надо было не только отразить ожидаемую атаку, но и постараться самим нанести удар, своей инициативой сковать, хотя бы на время, врага. Щербак начинал разбираться в тактике гитлеровцев и потому изменил боевой порядок роты. Второй взвод с пулеметами и двумя расчетами ПТР он выделил на усиление боевого охранения, подразделение автоматчиков Язева замаскировалось в лесочке слева. Когда рассвело, бойцы уже заняли удобные позиции, хорошо замаскировались.

Все случилось, как и вчера, правда, с запозданием. Но расчет командира роты оказался верным. С началом артналета около двух взводов гитлеровцев развернулось перед позициями боевого охранения. Бойцы подпустили фашистов как можно ближе и огнем пулеметов и автоматов скосили первые ряды, остальные залегли на поле, вдоль дороги.

Противник, обнаружив боевое охранение, перенес огонь минометов на его позиции. Появились раненые.

Гитлеровцы снова поднялись в атаку, но откатились, неся большие потери. На выручку им подоспели два бронетранспортера с пехотой. Бой становился все ожесточен-

нее. И тогда во фланг собравшимся с силами гитлеровцам и тем, что прибыли поддержать наступающих, ударили из леса автоматчики. В ход пошли гранаты. Бронебойщики зажгли одну машину, черный дым, поднявшийся за спиной у немцев, послужил для них как бы сигналом к отходу. Атаки прекратились. До полудня лишь вражеские разведчики беспокоили боевое охранение.

Во второй половине дня небо затянули тучи, стал накрапывать дождь. Щербак вместе со связным сидел на КНП; накрывшись плащ-палаткой, они по очереди ковыряли ножами консервы, намазывая их на сухари. Не успели покончить с едой, как в сопровождении автоматчика на КНП появился незнакомый лейтенант, а с ним боец, несший за спиной рацию.

— Товарищ лейтенант, из штаба дивизии к вам,— доложил автоматчик, сопровождающий незнакомого командира.

Щербак, выслушав лейтенанта, сказал:

— Вовремя подоспели. Значит, и связь, и артиллерийская поддержка есть.

— Командир полка передает тебе, всем бойцам роты благодарность.

— И за это спасибо, лейтенант.

Тем временем радист настроил рацию, и, как только связь с полком была установлена, Щербака вызвал Саакян. «Необходимо продержаться еще два часа»,— раздался в наушниках знакомый голос.

— Продержимся, товарищ майор! — ответил Щербак и, когда разговор был окончен, послал связного передать командирам взводов благодарность майора, чтобы они подбодрили своих бойцов.

Рота стала готовиться к отходу. Сняли боевое охранение, под присмотром санинструктора бойцы понесли в тыл раненых. Отошли и пулеметчики, чтобы занять новый рубеж и прикрыть огнем отход взводов.

А между тем обстановка осложнялась. Короткое затишье, как и следовало ожидать, было обманчивым. Наблюдатели доложили Язеву, что гитлеровцы вновь скапливаются за лощиной, значит, они попытаются зайти в тыл взводу.

Язев поспешил на КНП роты. Щербак что-то объяснял лейтенанту-артиллеристу, тыча пальцем в карту.

— Что у тебя? — спросил он быстро. Смуглое, в потеках высохшего пота лицо командира роты было возбуждено, карие глаза блестели.

— За лощиной немцы готовятся атаковать.

— Отметь квадрат,— сказал Щербак артиллеристу и, обращаясь к Язеву, добавил: — Усиль наблюдение и держись.

Артиллерист стал диктовать радисту данные для стрельбы.

Язев вернулся во взвод. Бойцы сидели в траншее, курили. Он приказал сержанту Шубину, чтобы ручной пулемет установили на запасной позиции, откуда недальнюю пушку можно держать под прицельным огнем.

Прошел час. Противник вел себя подозрительно тихо, лишь изредка кидал мины — вел беспокоящий огонь.

О надвигающейся опасности первыми предупредили наблюдатели, и тут же от бойца к бойцу покатилось: «Танки слева!»

Язев притулился у стенки траншеи. «Началось»,— подумал он, наблюдая, как из-за перелеска выдвигается вражеский головной отряд. Впереди шли танки, за ними машины с пехотой. Но расстояние до них было порядочное, и Язев с какой-то долей любопытства глядел на сносимую ветерком в его сторону пыль, которая время от времени скрывала идущие машины. И казалось, все звуки глохнут в этом пыльном облаке.

Вдруг лязг и рокот разом достигли слуха и вошли в сознание Арсения как сигнал надвигающейся опасности. Он посмотрел вправо и влево: бойцы выглядывали из траншеи, готовили на всякий случай гранаты.

Танки уже подходили к месту бывшей позиции боевого охранения — растянувшемуся цепочкой вдоль мелкой лощины низкорослому дубнячку. Невдалеке от него чернела глыба подорвавшегося на мине танка. И в этот самый миг рядом с вражеской колонной взметнулся черный куст разрыва, за ним второй, третий... Все пространство на пути следования гитлеровцев на короткое время потонуло в дыму, поднятой взрывами завесе земли.

Артиллерийский налет и был сигналом к отходу роты Щербака.

В промежутках между разрывами Язев успел заметить, как, маневрируя, начали пятиться танки, как разбегаются в стороны вражеские солдаты.

К семнадцати часам траншею покинули бойцы прикрытия. Они и стали очевидцами того, как артиллеристы огнем орудий снова отбросили, а потом заставили залечь густые цепи гитлеровцев.

С последней группой автоматчиков отходил и командир роты.

Почти одновременно с первой атакой по фронту гитлеровцы пошли в обход, через балку. Внезапности они не достигли. Пулемет Букина прижал к земле вражескую цепь. Однако гитлеровцы подбирались все ближе к траншее.

Язев поспешил на фланг и тут увидел немцев. Одни бежали, согнувшись, другие в это время стреляли с колена.

Арсений вскинул автомат:

— Огонь! — И сам повел стволом, ловя прорезью прицела темные фигурки.

Метким огнем, гранатами бойцы отогнали, а частично уничтожили просочившуюся группу врагов. Взвод начал отход. Язев успел добежать до ближних кустов и вдруг ощутил, как железный палец прошел сквозь мякоть ноги. Он споткнулся, упал на колено.

Подбежал боец.

— Ранены, товарищ младший лейтенант?

Арсений посмотрел на просочившуюся сквозь ткань кровь, скрипнул зубами.

— А ну, перевяжи быстро.

Рана оказалась сквозной. Арсений вгорячах не чувствовал боли, но нога с каждой минутой тяжелела, становилась непослушной. Вскоре он уже не мог передвигаться самостоятельно. Бойцы помогли командиру добраться до медсанбата.

Поредевшая рота выполнила свою задачу и, достигнув рубежа, занятого дивизией, соединилась с передовой частью.

Через сутки Арсения Язева вместе с другими ранеными поезд увозил в тыловой госпиталь.

6

Думал Арсений, что рана так себе, кость не задета, а главное — недосуг солдату валяться в госпитале. Однако лечение затянулось. На утренних врачебных осмотрах хирург, ощупывая твердыми пальцами его ногу, недовольно

подергивал короткими усиками, хмыкал себе под нос и вновь назначал массаж, лечебную физкультуру.

В конце августа Язева выписали. Он получил назначение в Приволжский военный округ. Оттуда — в одно из формируемых в то время резервных соединений: механизированный корпус.

Начальник штаба бригады майор Фетисов, возвращая документы Язеву, с удовлетворением заметил:

— Добрый народ подбирается... Принимайте, младший лейтенант, взвод разведки. Командир роты у вас старший лейтенант Черных.

Арсений вышел из штабной землянки с чувством внутренней раздвоенности. Он — разведчик. Это льстило и возвышало его в собственных глазах. Однако он понимал, что опыта у него, по сути, нет и радоваться назначению по меньшей мере преждевременно. Вспомнилась встреча с пограничниками в сентябре сорок первого года. Вот они действительно были разведчики!

Так размышлял Язев, шагая за сопровождавшим его красноармейцем, оглядывая обширный летний лагерь среди леса.

Первым, кто встретил его, был политрук роты Рубцов.

Уже по тому, как просто держал себя этот тридцатилетний политрук, как внимательно смотрел на него сквозь очки и как вежливо задавал вопросы, Арсений решил, что перед ним бывший учитель. Так оно и оказалось. Рубцов до войны работал завучем в школе.

Рубцов умел не только расположить к себе, но и ободрить. Выслушав Язева, глянул на него с веселой укоризной:

— Что ж это вы, уралец, так не уверены в себе?

— Да, как-то неожиданно, товарищ политрук,— признался смущенный Язев.

— Ну, это поправимо,— уже строже сказал Рубцов.— Как раз назначаются сборы для разведчиков, подучитесь. Не боги горшки обжигают...

Рубцову понравился этот немногословный младший лейтенант, его открытое лицо, внимательный взгляд серых глаз из-под темных прямых бровей. Политрук отметил про себя, что новый взводный не суетлив и, вероятно, не из породы болтунов, скромен, но не робок.

Широкая песчаная линейка, ровные ряды землянок и палаток, дневальные прохаживаются у грибков, тишина.

Спят бойцы, уставшие за предыдущий день, но настанет новый, а сколько уж минуло напряженных дней боевой учебы.

Разведчики роты лейтенанта Черных прошли хорошую подготовку. Учились наблюдать за противником, ориентироваться на местности днем и ночью, скрытно передвигаться и нападать на противника, метко стрелять, бросать гранаты, захватывать «языка»; они готовились к предстоящим боям.

К середине октября сорок второго года формирование корпуса было закончено. Вскоре поступил приказ — грузиться в эшелоны.

Огромный лагерь, раскиданный по лесам, пришел в движение. Опустели обжитые палатки, сухие просторные землянки, к погрузочным площадкам потянулись танки, бронемашины, полевая артиллерия, зенитные орудия, топливозаправщики, автомобили ремонтно-восстановительного батальона; транспортные машины везли боеприпасы, горючие и смазочные материалы, муку, крупу, консервы и медикаменты, полевые кухни на прицепе — все необходимое для жизни и боя личного состава корпуса.

Черных, Язев и Рубцов наблюдали за прибывающими подразделениями мотострелков. Все были возбуждены: ждали, ждали и вот наконец дошла очередь и до них. Полное неведение — куда, на какой участок фронта двинется корпус? — распаляло их любопытство. Гигантская битва на Волге давала пищу для размышлений, догадок, хотя вслух об этом старались не говорить.

— Когда видишь всех вместе — какая это сила, а? — нарушил молчание Рубцов. — Какая мощь!

Арсений молча кивнул, захваченный движением бронированных машин: мимо на малой скорости проходил танковый батальон. Следом, юзя по раскисшему от дождей, размешанному танковыми гусеницами чернозему, ползли мотоциклисты, проходили бронебойщики, пулеметчики несли разобранные станкачи. Казалось, не будет конца этому потоку людей и боевой техники.

В штабе корпуса также пока не знали, на какой участок фронта они будут направлены. Командиру корпуса и начальнику штаба было известно лишь одно: соединение передислоцируется ближе к Камышину.

В район выгрузки и сосредоточения корпус продвигался по двум направлениям: одна половина — по правому бе-

регу Волги, на Камышин, другая — по левому, к Баскунчаку.

В начале ноября корпус сосредоточился на южном крыле Сталинградского фронта. Технику замаскировали в балках, садах и перелесках.

Близились грандиозные события: чувствовалось это и по тому, какие темы отрабатывались в подразделениях, о чем политработники беседовали с бойцами. К этому периоду командование корпуса уже знало о масштабе предстоящей наступательной операции, были получены и конкретные задачи. Корпусу предстояло войти в прорыв и развивать наступление с юга, вплоть до соединения с частями Юго-Западного фронта, чтобы тем самым замкнуть кольцо окружения гитлеровских войск под Сталинградом.

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

Посетители ресторана давно разошлись, официантки и буфетчица принялись щелкать на счетах, подбивая дневную выручку.

Язев и Лапин допили остывший кофе: пора было и им уходить. Они вернулись в свой вагон. Пассажиры уже спали.

— Нам не пора на боковую? — спросил Лапин.

— Мне не хочется,— ответил Язев.— А ты?

— Да нет, вот и кофе: какой-никакой, а после него не уснешь.

Он прислонился к стене и стал смотреть в окно. Где-то впереди, чуть в стороне, поднялась луна, бледный свет упал на темные леса, открылась ширь ночных полей с волнами созревающих хлебов. В приоткрытое окно врывался свежий ветер, принося запахи то сухого сена, то свежескошенных трав. Спутники молчали, думали о своем.

Наконец Лапин оторвался от окна и озабоченно посмотрел на Язева:

— Вот о ком опять подумал: о нашем механике-водителе... Сашка, Сашка!.. Не приехал в этот раз. Не заболел ли? А ведь он спас меня... Ну, о нем я тебе расскажу.

— А ты, Тихон Петрович, слышал о братьях Лысенко? — перебил его Язев.— О них дивизионка писала. Должен помнить.

— Кто они такие? Напомни.

— В нашей разведроте воевали. Старший, Василий, еще под Сталинградом отличился, танк немецкий захватил.

— А-а! Как же, как же. Этот случай как легенду рассказывали друг другу. К чему вспомнил о Лысенко? Он где? Жив?

— Нет, погиб еще в сорок третьем. Брат его, Николай, живет на Украине. Думал, если приедет, то вместе с ним отправимся в те места, где Василий похоронен. Видишь, не приехал.— Язев закрыл глаза, погружаясь в свои мысли.— Отчаянные, рисковые были парни. Дерзко, смело действовали. Настоящие разведчики. Взять тот же случай с танком. Как все произошло? Ночь, метель, немцы, видать, заблудились в степи, вылезли из машины, стали искать дорогу. Василий на них и наткнулся: он по приказу командира роты выезжал налаживать связь с соседним батальоном. Парень сразу сообразил, кто перед ним. Гранатами, из автомата перебил весь экипаж гитлеровцев. А исправный танк пригнал в часть.

— Они что, оба сразу пришли в бригаду? — спросил Лапин.

— Да нет. Василий, тот прибыл в нашу роту еще во время формирования. Николай — он моложе был — вместе с родителями в оккупации оказался. Василий разыскал его, когда немцев выбили. Ездил он в свой родной поселок. Вот так братья и встретились и воевали после вместе.

...И снова умолкли спутники, прислушиваясь к перестуку колес. Поезд летел средь лесов и полей, и они мысленно возвращались к военным дорогам, к тем суровым годам, которые хранит нетленная память солдата.

7

После зимних боев в Сальских степях, затем в районе Матвеева Кургана механизированный корпус вывели на отдых и пополнение.

Если бы, к примеру, Арсений Язев вел дневник или делал какие-то заметки «для себя», в его блокноте непременно появились бы записи приблизительно такого содержания: «Нашему корпусу присвоили гвардейское звание; обмундирование выдали новое, с погонами, к которым я еще не привык; все чего-то мешает, но красиво. Я уже лейтенант. Получил первую награду, орден Красной Звезды. Теперь комбриг у нас полковник Грачев, грамотный, решительный командир».

Всю весну и лето гвардейцы занимались боевой подготовкой. Офицеры и сержанты учили прибывшее пополнение владеть оружием, изучали с новичками технику.

Рота старшего лейтенанта Черных ежедневно выезжала на занятия; отрабатывались способы ведения разведки в различных условиях, солдаты учились ориентироваться на местности, овладевали приемами рукопашного боя.

Ремонтники заместителя командира роты по технической части гвардии старшего техника-лейтенанта Гребенюка тренировали молодых солдат, показывали, как быстро обслуживать и устранять неисправности боевых и транспортных машин.

Учились все, опыт недавних боев подсказывал: чем больше пота в учении, тем меньше прольется солдатской крови в бою.

Командир бригады полковник Грачев на служебных совещаниях напоминал при случае:

— Разведка — глаза и уши командира. Развивайте инициативу у своих разведчиков, смелость и хитрость. Есть у нас опытные солдаты, почаще привлекайте их к беседам.

А такие люди, конечно, были и в роте Черных. Он знал своих гвардейцев, а имя комсомольца старшего сержанта Василия Лысенко стало известно всей бригаде. Теперь вместе с Василием служил и его брат, Николай. «Судьба-то у них необычная. Надо, чтобы все молодые солдаты знали о них»,— размышлял командир роты, помня наставления комбрига.

Как же случилось, что братья оказались вместе, да еще в одном подразделении, и это во время войны, с ее неизбежным передвижением огромных людских масс? История их встречи проста, но и драматична.

В феврале сорок третьего года, когда шахтерский поселок, в котором родились и жили до войны братья Лысенко, был освобожден нашими войсками, Василий обратился к своему командиру с просьбой отпустить на побывку — проведать отца с матерью, о судьбе которых он ничего не знал.

Дело дошло до штаба бригады, там прекрасно понимали, сколь это важно для молодого бойца — навестить родных, если только остались живы они.

Василий едва узнал родной поселок: руины, сожженные дома, взорванные шахты и какое-то угнетающее безлюдие — с такими последствиями фашистской оккупации столкнулся он.

Торопливо шагал солдат по улице, вглядывался в лица редких прохожих, а в голове одна зудящая мысль: «Что там с мамой и папой, где Колька, брат?..»

И вот он дома. Мария Федоровна на миг вроде онемела, но, узнав Василия, кинулась к нему со слезами, с причитаниями. Вышел отец, по-шахтерски крепко обнял сына и тоже прослезился.

Последовали радостные возгласы, расспросы. Когда все немного успокоилось, мать сокрушенно вздохнула:

— И угостить-то тебя, Васенька, нечем...

И тут Василий, спохватившись, торопливо развязал вещмешок и выложил на стол все, что выдал ему в дорогу старшина: пшенный концентрат, консервы, сухари и сахар.

Многое узнал Василий от родителей за тот долгий вечер об ужасах фашистской оккупации, о друзьях, с которыми никогда уже не суждено ему встретиться: одних угнали в Германию, других убили...

Николай спрятался, потому избежал облавы, спасся от рабства. Слушая рассказы старшего брата, он жадно, с восхищением разглядывал его награды — две боевые медали, гвардейский значок,— завидовал. «Вот бы и мне с Васькой на броневике... Ух, мы бы дали фашистам!..» Стал он просить его, чтобы взял с собой в часть. Умолял, настаивал. Василий видел: братишка зол не по-юношески, худ малость, а так не слабак, надежный парень. Но понимал — армия не шутка, да и как еще его командиры посмотрят, если приведет с собой брата. Спросил строго, как старший:

— Лет тебе маловато.

— Восемнадцать уже.

— Мне-то зачем врешь?

— Ну, будет скоро...

Василий рассудил по-своему: «Все равно призовут Кольку... Ждать недолго осталось. Расскажу в части все как есть. Чего ему болтаться? Пусть воюет со мной».

Мать слушала разговор, и в сердце ее мешались тревога и гордость за сыновей. Видела, что теперь Николая не удержишь:

— Берегите себя, сыночки. Ты, Вася, уж присматривай за ним...

По русскому обычаю благословила она обоих на прощание, поплакала.

И расстались: Василий торопился догонять свою часть.

Так Николай попал в разведроту, стал пулеметчиком на броневике, водителем которого был брат Василий.

8

Оборонительное сражение под Курском, перешедшее затем в мощное контрнаступление советских войск, освобождение от немецко-фашистских захватчиков Орла и Белгорода, наконец, первый салют в Москве в честь побед Советской Армии — все эти события воодушевляли бойцов корпуса. Началось освобождение Украины. Наши части и соединения с боями продвигались к Днепру.

В начале августа гвардейский механизированный корпус сосредоточился южнее города Сумы.

Разведрота старшего лейтенанта Черных расположилась, как обычно, поближе к КП комбрига. Сразу же замаскировали машины: хотя и второй эшелон, и передний край не под носом, но прилетит «фока» — беды не миновать.

Впрочем, командиры взводов свое дело знали, но старший лейтенант еще раз сам проверил, как и где размещены боевые машины. Затем заглянул к старшине Кузьмину, и здесь Черных догнал связной из штаба.

— Товарищ старший лейтенант! Срочно вызывает комбриг!

«Что бы это могло значить? — недоумевал Черных.— Только прибыли... Отчего такая спешка?»

Возле палатки, разбитой под деревьями, уже собрались офицеры: начальник разведки майор Дьяченко, командир саперной роты капитан Павлов, другие вызванные командиры. Из палатки вышли полковник Грачев, начальник штаба полковник Шабалин и заместитель комбрига по политической части подполковник Серегин.

Грачев, среднего роста, плечистый, энергичным шагом вошел в круг офицеров, ставших по стойке «смирно», быстро окинул взглядом собравшихся.

— Садитесь-ка в кружок,— сказал он.— Вот так.

Комбриг сообщил, какие задачи поставлены перед бригадой, указал направления, по которым предстоит вводить в прорыв подразделения. Он приказал немедленно провести рекогносцировку и начать прокладку дорог к передовой, непрерывно вести разведку наблюдением, выявлять уязвимые места во вражеской обороне, огневые средства противника.

Семнадцатого августа после часовой артподготовки гвардейцы перешли в наступление.

В первый же день бои приняли упорный, тяжелый характер. Сама местность позволяла противнику создать здесь много опорных пунктов на высотках, по склонам оврагов и опушкам рощ. Враг сопротивлялся яростно. Сильный огонь, контратаки, бомбежки с воздуха сдерживали натиск передовых частей. В ходе дневного боя войска 47-й армии смогли продвинуться в глубину до двенадцати километров. Причем далеко не по всему участку прорыва.

На исходе первого дня боев в полосе наступления бригады Грачева также сложилась критическая обстановка. Укрепившись на высоте, гитлеровцы вели сильный минометный и артиллерийский огонь. Такое упорство наводило комбрига на мысль, что враг подтягивает пехоту, танки. О том же самом говорилось в только что полученных сведениях из штаба корпуса: на правом фланге замечено скопление танков противника.

Наблюдая из своего танка за продвижением подразделений, комбриг хмурился и наконец, сорвав с головы танкошлем, кинул его на броню.

— Вызови полковника Шабалина! — крикнул он в люк радисту.

Начальник штаба был такого же мнения: гитлеровцы маневрируют резервами. Но все ли они введены в бой — это еще надо было выяснить.

Старший лейтенант Черных разглядывал в бинокль открывавшуюся перед ним панораму боя. С высотки просматривалось холмистое поле, дальше — горящие дома деревни. На ее западной окраине перебегали пехотинцы, прячась за хатами и в садах. Тут же горел подожженный немецкий танк. Еще он увидел тридцатьчетверку, которая, укрывшись за хатой, делала выстрел, другой, затем быстро пятилась. Вдруг все скрылось в дыму: серия разрывов, казалось, накрыла боевую машину. «Подбили?» Но нет, танк резко дал задний ход, развернулся и вышел из-под огня. В это время на опушке леса, где маскировались немецкие танки, ударили две тридцатьчетверки, зашедшие слева. Вот они, маневрируя, ринулись вперед, ведя огонь на ходу, и снова клуб черного дыма поднялся там, где таился враг.

Чтобы лучше видеть, Черных вышел из-за кустов, и в то же мгновение невдалеке разорвалась мина. Он скатился к подножию бугра, где стоял бронетранспортер. Еще

две мины врезались поблизости. «Неужели засекли?» — подумал офицер с тревогой.

Но тут же, завывая мотором, ломая кусты, показался бронетранспортер, посланный вперед. Из машины выскочил лейтенант Язев, за ним выпрыгнули автоматчики.

— Живы? — Командир роты спешил к своим бойцам.— Как там наши воюют?

— Туго приходится, товарищ старший лейтенант,— ответил Язев.— Заминка, потому как лупит, гад, крепко.

— Какие сведения привез?

— Вот тут все пометил,— сказал Язев, вынимая карту.

— Добре,— разглядывая карту, кивнул Черных. И — радисту: — Вызывай начальника штаба...

Радист, склонившись над рацией, забубнил в микрофон позывной штаба. Черных достал кисет и трубку.

— А ты что, так на прямую через поле и шпарил? — глянул он на командира взвода.— Минами не по тебе лупили?

— Черт их разберет,— усмехнулся Язев.— Может, и по мне. Где там дорогу искать. Торопились...

9

Темное августовское небо то тут, то там тревожило мутное зарево: будто кто-то время от времени подбрасывал в эти прогорающие костры охапку соломы и она, вспыхнув, высвечивала горизонт, черные холмы, а затем все снова погружалось во мрак. Изредка взлетали ракеты, и по ним можно было судить, где у немцев тот или иной опорный пункт.

Разведчики отдыхали у своих машин. В ночном воздухе махорочный дымок смешивался с ароматом яблок — грызли их уже без особой охоты, от нечего делать,— потягивало бензином и пылью от машин, и все эти запахи забивал, неотступно преследуя каждого солдата, горьковатый, сиротский дух от спаленного человеческого жилья.

Черных возвращался от начальника штаба. «До начала выступления необходимо выявить огневые точки противника,— говорил полковник Шабалин.— Пошлешь своих ребят, и к утру чтоб данные были у меня».

Обдумывая, как в данном случае провести разведку, командир роты решил направить вперед одну бронемашину. «Послать надо Лысенко. Он-то уж добудет нужные сведения».

Для Николая это была первая вылазка в тыл врага. Он осмотрел пулемет, противотанковое ружье, установленное на турели броневика. Василий тщательно проверил работу двигателя. Вытирая руки ветошью, сказал:

— Смотри, Колька, не трусь, а не то...— Василий погрозил брату кулаком.— И не пожалуешься.

— Думаешь, сам не знаю? — досадливо возразил младший.— Не маленький.

— Мало еще знаешь. Команду мою слушай, не зевай.

— Да ладно, и так все понял.

— А как отвечаешь?

— Есть, не зевать, товарищ сержант! — ухмыляясь, ответил Николай.

Василий легонько двинул брата в бок.

— Старший сержант,— поправил он,— твой командир. Понял?..

Едва рассвело, братья выехали на разведку. Перелески, кусты близ дороги — все таило опасность. Откинув люк, Николай пристально смотрел вперед и по сторонам. Неожиданно от дороги метнулись и пропали в кустах человеческие фигурки. Николай все же заметил — в касках. «Немцы!» Он нырнул в люк, схватился за пулемет.

— Не стреляй! — приказал Василий и прибавил газу.— Проскочим.

На полном ходу броневик миновал боевое охранение гитлеровцев, а запоздалые очереди из автоматов не причинили ему никакого вреда. Теперь вперед!

Вражескую пушку они заметили, должно быть, одновременно. Гитлеровцы, не понимая толком, кто перед ними, замешкались, и тут Василий крикнул:

— Бей!

Николай выстрелил из ружья, а потом из пулемета скосил расчет орудия.

Невесть откуда взявшийся советский броневик всполошил немцев. На окраине населенного пункта братьев обстреляли уже как следует. Но разведчики делали свое дело, засекали позиции минометчиков и артиллеристов. Промчавшись по улице, братья наткнулись на другую батарею. И снова переполох, крики, паника. Снова пулемет Николая захлестал по разбегающимся гитлеровцам.

Группа вражеских солдат кинулась к бронетранспортеру, стоявшему в яблоневом саду. Василий направил свою машину прямо на них. Выстрелом из противотанкового

ружья Николай поджег бронетранспортер, гитлеровцы заметались, бросились в гущу сада.

— «Языка», «языка» бери! — крикнул Василий.

Николай с пистолетом в руке выскочил из машины, успел нагнать одного гитлеровца, оглушил его ударом рукоятки, повалил на землю.

Тут подбежал Василий, они связали фашиста, взвалили его на башню.

— Быстро в машину! — скомандовал Василий.— Смотри, чтоб немец не свалился.

Броневик развернулся и помчался назад. Разведчики привезли очень ценные сведения, а показания пленного ефрейтора позволили командиру бригады судить о резервах и ближайших планах противника. Братья Лысенко были представлены к наградам.

В этих первых наступательных боях оба — Николай и Василий — были ранены: Василий — легко, а Николая эвакуировали в госпиталь.

В свою последнюю разведку Василий Лысенко отправился в сентябре.

На этот раз разведгруппе придавался легкий танк. Механиком-водителем и разведчиком на этой боевой машине был Василий Лысенко.

В отдалении уже хорошо просматривались белые хатки и сады деревни, в окрестностях которой необходимо было разведать огневые точки противника. Укрываясь в складках местности, танк на малой скорости продвигался вперед. Но, как только разведчики поднялись на пригорок, сразу же обнаружили скопление вражеских войск.

Командир танка младший лейтенант Зайцев не считал, сколько перед ним врагов: он сразу принял решение атаковать гитлеровцев.

— Вперед! — скомандовал он водителю, и танк рванулся в самую гущу вражеских солдат.

Башенный стрелок сержант Белоусов открыл огонь из пулемета. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, стали в панике разбегаться. Заметив пушку, Василий направил на нее свой танк и с ходу уничтожил орудие вместе с расчетом.

Но то ли в горячке, то ли в азарте боя танкисты не заметили рытвины, скрытой кустами. Влетев в нее, танк остановился. И сразу по нему ударила вражеская пушка —

раз, другой... Оглушительно разорвался снаряд, попавший в борт, и танк загорелся. Командир был убит, а Белоусов и Лысенко успели выскочить из горящей машины.

Они отстреливались до последнего патрона, однако силы были слишком неравны. Но и враг заплатил дорогой ценой за смерть двух героев-танкистов.

Гвардейцы похоронили разведчиков с воинскими почестями невдалеке от города Гадяч.

10

«Даешь Днепр!» Этот клич передавался из уст в уста по всему фронту. Советская Армия гнала врага дальше, на запад. Почти вся Левобережная Украина была освобождена, но гитлеровцы продолжали упорно сопротивляться: они взрывали мосты, минировали дороги, поля — каждый клочок земли, где могли пройти танки. Начавшиеся дожди на Полтавщине еще больше осложняли наступление советских войск.

Передовые отряды корпуса ударяли во фланг, обходным маневром срывали попытки гитлеровцев закрепиться на заранее подготовленных рубежах обороны.

В этих условиях разведчикам приходилось сплошь и рядом действовать совместно с подразделениями саперов и минеров. Что ни ночь, то новое задание.

В сумерках вернулся бронетранспортер с группой разведчиков, возглавляемых сержантом Бондиным. По заброшенным лесным дорогам они проникли в тыл противника, уточнили расположение промежуточного рубежа его обороны и, что было не менее важным, обнаружили взорванный, неохраняемый мост через речушку.

Доложив Язеву о результатах разведки, сержант добавил:

— Неподалеку от того моста хуторок, из жителей никого нет, так я двух хлопцев там оставил. Приказал наблюдать до утра.

Язев сначала рассердился: инициатива сержанта была очень рискованна, но, подумав, он решил, что в этом риске есть свой расчет, который может принести немалый успех.

— Давай бегом к командиру роты,— сказал он.— Чувствую, ночью нам предстоит работа.

Получив сведения от разведчиков, начальник штаба

Шабалин принял решение: немедленно направить к мосту группу разведчиков и саперов, восстановить за ночь мост, а утром выдвинуть туда передовой отряд с целью захода во фланг гитлеровцам, обороняющимся на промежуточном рубеже.

Темная сырая ночь. Пахнет болотом, мокрой опавшей листвой. Бронетранспортер с разведчиками и газик с саперами медленно, чуть ли не на ощупь, пробираются по лесной дороге. Впереди идет сержант Бондин, указывает водителям путь, изредка посвечивая фонариком.

Наконец лес поредел, сержант забрался в машину, но движение по-прежнему осторожное, на малом газу. Справа, где находится противник, изредка взлетают ракеты, и лесистая, чуть всхолмленная местность озаряется неживым светом.

Вот и хутор. От плетня отделяются две фигуры — свои. Язев выскочил из машины, поспешил к разведчикам.

— Ну как тут у вас?

— Тихо, товарищ лейтенант,— доложил разведчик.

— Бондин,— обратился Язев к сержанту,— занимай оборону.

— По бугру старые траншеи. Может, туда?

— Идем посмотрим.

Они взошли на отлогий песчаный бугор, поросший вереском, обследовали траншею, упирающуюся в заболоченный кустарник.

— Обзор ничего,— сказал Язев,— но от моста далековато. Двоих пошли к берегу, пусть наблюдают за той стороной, остальным оставаться здесь. Ясно?

— Понял, товарищ лейтенант,— ответил сержант и побежал выполнять приказ командира.

Тем временем старшина, командир группы саперов, подогнал газик к мосту, солдаты выгрузили бревна, скобы — все, что необходимо было для восстановления моста. Вскоре на берегу затюкали топоры, раздалось мягкое шаркание пилы.

К рассвету саперы закончили работу.

Солдаты вымокли до нитки, устали. Захватив инструмент, они собрались у машины, молча курили. Подошел Язев.

— Мы свое задание выполнили, товарищ лейтенант,— сказал старшина.— Пора назад.

— Поезжайте, да смотрите по сторонам,— предупредил Язев.— Мало ли что...

Машина ушла. Арсений вернулся к бронетранспортеру, стоявшему на огороде в зарослях вишенника. В редеющих сумерках уже начинали прорисовываться очертания перелесков, окружавших хутор, стало просматриваться небольшое неубранное кукурузное поле за крайней хатой, ближе к речке — пойма. Лейтенант подумал, что боевое охранение, должно быть, уже двинулось к мосту и старшине с ним не разминуться, а значит, скоро подойдут танки.

Автоматная очередь, приглушенно прозвучавшая в тишине сырого, хмарного утра, вначале воспринялась слухом, но не сознанием. Следом ударили два или три автомата. Язев почувствовал, как противно свело кожу на затылке под пилоткой, и знакомый холодок пробежал по спине. Арсений кинулся к машине, распахнул дверцу. Водитель и пулеметчик жевали сухари.

— По местам! — скомандовал лейтенант.— Саперы, должно, на немцев напоролись.

А в той стороне, куда ушла полуторка, гремел бой: трещали автоматы, хлестко частили винтовочные выстрелы.

«Надо выручать старшину»,— подумал Арсений.

— Товарищ лейтенант! — крикнул пулеметчик.— Вижу, саперы отходят, сюда бегут.

— Вперед! — приказал водителю Язев.— А ты прикрывай огнем, дай оторваться саперам.

Появление бронетранспортера, открывшего пулеметный огонь, сразу охладило врагов, они залегли. Группа саперов перебежками отходила к хутору.

Когда солдаты и старшина собрались за крайней хатой, Арсений узнал подробности неожиданной стычки с гитлеровцами, в результате которой был убит водитель, двое бойцов ранено.

— Откуда их принесло,— недоумевал старшина, скручивая цигарку.

— Это разведка,— уже соображая, что к чему, сказал Язев.— Давай-ка, старшина, распределим силы... Могут и обойти нас.

Воспользовавшись замешательством гитлеровцев, Арсений пробрался в траншею к Бондину, распорядился:

— Ты себя не выказывай, сиди тихо. Если полезут в обход, тогда ударишь. С того края хутора саперы и двое наших. Я на бронетранспортере. Будем держаться.

Больше всего Язев опасался появления противника с той, заречной стороны. Ведь выйди даже один вражеский

танк — и вся работа саперов пойдет насмарку. Но то ли немцы не придали значения перестрелке, возникшей у хутора, то ли просто не слышали выстрелов, только на противоположном берегу пока все было спокойно.

Разведчик, забравшись на крышу хаты и наблюдая за группой гитлеровцев, обстрелявших саперов, докладывал, что немцы чего-то выжидают, но потихоньку подтягиваются к хутору.

«Не знают, что за силы перед ними, послали за подкреплением»,— решил Язев.

А тут наблюдатель неожиданно закричал:

— Побежали, побежали немцы! Наши идут!

Лейтенант прислушался: знакомый моторный рокот донесся до его слуха. Шел передовой отряд бригады.

ДИАЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Долго они молчали, и Язеву показалось, что его товарищ начинает подремывать. Лапин стоял, привалившись к стенке, покачивался в такт вагонным толчкам, и глаза его были полузакрыты. Однако посмотрел Тихон Петрович на Язева неожиданно свежо и, вынимая из кармана пачку папирос, кивнул в сторону тамбура — выйдем.

— А не забыл, как население встречало наших солдат? — спросил Лапин.— Вот о чем я думал.

— Так пережили-то сколько... Фашисты зла натворили во-о, по самую макушку! Мы с тобой прошли все эти села разоренные, горя людского повидали — вовек не забудешь.

— Ты прав. Мы, помню, выбили немцев из одного села, остановились. Пехота, артиллерия вперед ушли, а мы ждем, когда горючее подвезут. И тут народ стал вылезать из погребов, бегут к танкистам, каждый старается чем-нибудь угостить, тут и слезы, и объятия. Подбегает к нам дедок один, рубаха залатанная, глаза слезятся, сам чуть не ревет: «Сынки родимые, для вас берег оту вишневку, с самого сорок першего року». А мы не поняли сначала, чего он нам протягивает. А это четверть в тряпицу завернутая, в глине вся, и тряпье уже попрело. Чудно́ было.

— Мудрый, видать, был дед,— поддержал Язев.— Твердо верил в нашу победу.

— Тогда же потрясающую картину наблюдал я. Сашка, механик-водитель наш, о котором я хотел рассказать, пер-

вым заметил в толпе эту женщину, шепнул мне: «Чего это она, товарищ лейтенант?» — «Кто?» — спрашиваю, оборачиваюсь и вижу в стороне женщину, волосы распущены, и что-то быстро, быстро говорит. В руке веничек или пучок полыни, и этим пучком она обметает, обметает себя, словно муравьи по ней ползают. Даже страшно стало.

— Ну, а что с ней было?

— Я, конечно, поинтересовался, спросил. Оказалось, что немцы на ее глазах убили сына, она и помешалась. Знаешь, ведь молодой был, нервишки не пошаливали, а жутко было смотреть на несчастную мать. И теперь встает перед глазами, как вспомню...

— Это где же было?

— По-моему, в районе Золотоноши.

— А-а! Когда мы к Днепру шли.

— Я-то не дошел.— Лапин вынул папиросу, чиркнул спичкой.— Не видел я Днепра.

— Ранило?

— В комплексе, можно сказать, досталось,— ответил Лапин, вытягивая руки со следами старых ожогов.— Сашка и вытащил меня из танка, а если бы не он...

— Где он, твой механик-водитель?

— На Урале живет, не так далеко от меня, в общем. Видишь, не приехал на встречу и не написал, я и беспокоюсь.

— Долго с ним воевал вместе?

— Пришел он, помню, в феврале, когда мы под Ростовом были. Назначили его водителем на мой танк. Я тогда вторую машину сменил. Смотрю — кого прислали. Мальчишка и есть мальчишка, такой щупловатый. Но в деле он показал себя неплохо. Так дошли вместе до Левобережной Украины.

— Где тебя накрыло? Не на плацдарме?

— Да нет же. Не доходя Черкасс. Ни разу не горел, а там досталось. Как ударило, так я больше ничего и не помню. Как все произошло, кто спас — ничего не знал. Очнулся уже в медсанбате, весь в бинтах. Встретил Сашку снова, когда вернулся после госпиталя, когда к наступлению в Белоруссии готовились. Там уж другой у меня был водитель. После войны, сам знаешь, пертурбации, то да се. Потерял я след моего спасителя. Но никогда не забывал. Разыскал все же его. Стали переписываться, а он на письма ленив оказался. У меня своих забот невпроворот: посевная, уборочная, корма; с одного бока подталкивают,

с другого поправляют. А там семья, дети, такая, брат, круговерть.

— Знакомо, слышал нечто подобное,— с заметным раздражением сказал Язев.— Впрочем, все объяснимо: годы. Душою-то ветераны не стареют, а телом?..

— Ты неправильно меня понял,— возразил Лапин.— Ты где работаешь?

— Работаю, в общем,— уклончиво ответил Язев, при этом сделал руками так, будто оглаживал большой арбуз.

— Не очень-то вразумительно,— рассмеялся Лапин.— Но чувствую: ты ни хрена не представляешь, что значит быть агрономом крупного колхоза. К твоему сведению, Арсений Ильич, я по два года работал без отпусков. И не я один, да не канючили. В этом плане моя совесть чиста. Где-то перед тридцатилетием Победы собрался наконец. К тому времени жизнь у нас наладилась. Думаю, ни за что не прощу себе, если этой осенью не съезжу к Сашке. Съездил. Неделю гостил у него. Он даже на охоту меня вытащил. Правда, ходили с одним ружьем, да не в охоте дело. Дорогá была встреча. Хочешь расскажу?..

РАССКАЗ КАПИТАНА В ОТСТАВКЕ ЛАПИНА

— Для всех во взводе он был Сашка, младший сержант Александр Пашнин. Когда это? Тридцать лет без малого прошло. «Теперь, небось, Александром Ивановичем величают,— думал я,— старший машинист турбины на ТЭЦ, уважаемый человек». Не в этом суть, конечно. По другой причине волновался я, когда подходил к Сашкиному дому. Окинул взглядом пятиэтажную кремового цвета коробочку, обсаженную деревцами, двор с грибком под вид мухомора и ребячью песочницу с забытым в ней зеленым ведерком, и ноги сами не понесли дальше. Не хватило духу ввалиться к Сашке вот так, сразу. Думал: стыдно станет, если не узнаю его в первую минуту встречи. А могла, могла быть такая заминка! Я и решил не спешить. С минуту потоптался на крыльце под навесом, докурил сигарету. Помедлив еще, стянул перчатки, сбил снежинки со своих ботинок, пошаркал подошвами о скобу.

В самом подъезде и на лестнице — больничная чистота: ни спички горелой, ни окурка или другого мусора. Очевидно, жильцы, переехав из своих домов в отдельные квартиры, перенесли сюда и свой уклад: придумал же кто-то

навести кайму голубой и красной краской по краям лестничного марша, а середку ступеней покрасить охрой, так что поднимался я вроде по ковровой дорожке. Вот такие они, уральцы!

Остановившись перед дверью Сашкиной квартиры, я поискал глазами пуговку звонка там, где ей положено быть, и, не найдя, хотел уже постучать, но вовремя заметил посередине двери неказистый, дедовских времен вертлюжок-барашек. Крутанул его — внутри глухо, утробно звякнуло.

Дверь открыла тоненькая высокая девочка в коротеньком платьице. И в светлых вопрошающих глазах промелькнуло что-то отдаленно знакомое. За ее спиной стоял поджарый мужчина в голубой майке и тренировочных штанах.

Случилось то, чего я опасался. Нет, не узнал бы я моего спасителя, встретив на улице. А Сашка, часто моргая, уже тянул ко мне руки. Тут же, в тесной полутемной прихожей, мы обнялись. Сашка, прижимаясь колючей щекой к моему лицу, похлопывал меня по спине, приговаривал:

— Тихон Петрович! Я же тебя сразу признал. Какой ты стал, а? Ну, не толпись под порогом, разувайся, проходи.

Он стянул с меня пальто, сунул стоптанные тапочки, повел в комнату. Здесь старомодные половики на полу пребывали в уютном соседстве с тахтой и ковром, с модным сервантом, забитым чайной посудой, бокалами с золотыми каемками, с телевизором «Рубин» и приемником «Ригонда».

С минуту мы стояли молча, как бы привыкая, знакомясь заново друг с другом. Я вглядывался в Сашкино лицо, силясь отыскать в нем черты, знакомые с той далекой военной поры, и не находил. Кончик носа похож, по-прежнему чуть вздернут. А так... Худощавые щеки прорезали морщины, на лбу борозды. «До полсотни ведь еще не добрал... Неужели мы оба так постарели?»

Долго сидели мы в тот вечер, и беседа наша вилась как-то странно, кругами, что ли: то вспоминалась довоенная пора, то сама война, фронт. Обо всем переговорили: кто и чем занимался эти без малого тридцать лет, где отпуска проводили, каждый о семьях рассказывал. Сашкин сын тогда служил в армии, дочку-школьницу уже видел, славная девчушка, в восьмой класс ходила...

Перевалило за полночь, и Александр размяк, расчувствовался, заговорил об охоте. Незаметно для себя мы

расшумелись и разбудили Сашкину жену. Она вышла на кухню, придерживая на груди халат, заспанная и хмурая, зверовато глянула на нас.

— Полуночники, никак не наговоритесь. Тебе, Сашка, на работу утром. Проспишь, смотри.

— Клавушка, не сердись,— просящим, виноватым голосом сказал Сашка, однако встал и выпроводил жену из кухни.

— Верно, Александр, засиделись мы. Давай-ка спать.

— Слушай, у меня пересменка, вроде выходного получается. Сходим на охоту? Экипировку найдем.

Предложение было неожиданным, но отказываться я не стал: неудобно, думаю.

Первым автобусом мы уехали в приисковый поселок Исток. Через сорок минут были на месте.

Тих, безлюден был поселок в ранний час. Солнце еще пряталось где-то за увалом, но дымы над избами, в вышине, уже нежно порозовели в лучах, и только снег, покрывший огороды и поскотины, окружавшие поселок, хранил молодую голубизну.

Сразу за крайними домами свернули в лес. Узкая дорожка раскатывалась перед нами чистым белым половичком, уводила в глубь густого сосняка. Мы шагали друг за другом, переговаривались. Увидев свежий заячий след, Сашка остановился, кивнул:

— Ишь, гулял, чертяга! Помню, в эту пору начинали ставить петли на зайцев. И знаешь: почему-то эти походы и на фронте вспоминались. Тосковал по нашим лесам. Сосед мой сейчас все подначивает: «Охотник, где твоя добыча?» А моя добыча всегда со мной. Весь лес мой! Не могу без него...

Так шли мы час и другой, останавливались покурить, снова вспоминали какой-нибудь случай из далекой поры детства ли, юности ли и радовались, что сберегли в себе эти ставшие теперь дорогими крупицы невозвратного прошлого.

Заброшенная, зарастающая лежневка, на которую мы вышли, спускалась в лога, где под обледенелыми валунами нависали наполовину обрушенные настилы мостов, поднималась на увалы, пересекала старые вырубки. Лес будто вымер. Мы вздыхали, сокрушались, хотя заранее надо было предполагать, что удачной охоты не будет. Впрочем,

вздыхали так, для очистки совести. И когда рядом в густом подлеске порхнул рябчик, мы переглянулись: никому не хотелось лезть в частый ельник, где ветки согнулись под тяжестью снежных шапок, и стоит лишь пошевелить одну, как весь этот груз свалится тебе за ворот. Первым пошел Сашка, я за ним. Рябец еще раз порхнул — и затаился. Мы не стали его искать. Обсыпанные снегом с головы до ног, выбрались из ельника, отряхнулись. Сашка посмотрел на часы.

— Повернем, что ли, назад? Пора и перекусить.

В километре от поселка мы сделали привал. А какой же отдых без костра? Натаскали сушняка, запалили бересту; скручиваясь от жары в рулончик, она сперва дымила, потом вспыхнула, принялся хворост, а следом и толстые сучья — все, что набросали в огонь. От тока теплого воздуха над нами закачались ветви, посыпался снежок.

Мы стали выкладывать из рюкзаков еду. Сашка набил котелок снегом, повесил над огнем.

— Чаек — это в самый раз! — сказал я.

— Нет, сперва пельмени сварим. Зря, что ли, я их брал.— Сашка вынул целлофановый мешочек с морожеными пельменями, кинул его в сторону, в снег.

Пельмени в лесу? Это было так неожиданно, что показалось забавным! Ну картошку или супчик из пакета... Еда не бог весть какая, на скорую руку, была б погорячее. А тут предстояло настоящее пиршество!

— Держи-ка,— Сашка протянул ломтик хлеба с салом,— пожуем пока всухомятку. Помню, в войну мерзлую картошку ели, и без соли. На карточку школьника выдавали четыреста граммов клеклого хлеба, да и того не хватало. Идешь в лес, берешь вареную картошку. Завернешь в тряпицу, сунешь в карман, а на морозе ее нет-нет да и прихватит. Я рассказал моим ребятам, когда они поменьше были, про эти граммы военные, про картошку. Вижу: верят и не верят. Дочь возьми и спроси: «Папка, четыреста граммов — это много?» Взял я безмен, отрезал от буханки, вывесил пайку. Вот говорю, твоя норма, и ни колбасы тебе, ни пирожков с шанежками, что мать напечет-нажарит...

Между тем, снег в котелке осел, напитался водой. Сашка снова набил его до краев и повесил на прежнее место.

В котелке во второй раз растаял снег, вода начала закипать, мелко запузырилась по стенкам, к центру сбежалась серая пенка. Сашка снял ее ложкой, выловил попавший мусор — хвоинки, угольки,— посолил воду.

— Ну вот, можно запускать.— Он развязал мешочек и стал сыпать мерзлые пельмени в котелок, кипение сразу же прекратилось.

Прошло минут десять, и пельмени начали всплывать. И в морозном лесном воздухе поплыли дразнящие пряные запахи; само по себе пахло черным перчиком, луком, мясной начинкой. И все эти запахи объединялись в единственный в своем роде аромат увариваюшихся пельменей, не магазинных, а самодельных, что сами тают во рту, от которых, как говорят, за уши не оттащишь...

Неяркое, затуманенное солнце начало клониться к закату. Под сводами крупного леса заметно сумеречнее и холоднее: молодец-мороз, невзирая на костерок, тянул свои ледяные пальцы, оглаживал наши сапоги, холодил ступни ног, отчего время от времени дрожь пробегала по телу.

— Пора! Двинули к автобусу,— сказал Александр, вставая.— Не гляди, что тайга кругом, у шофера график четкий.

Мы вышли на дорогу. По сторонам широкой просеки стеной стоял заснеженный, мягко позолоченный вечерним солнцем лес. Впереди из-за пригорка выставлялись крыши поселка.

Но этот день — под занавес — уготовил для нас приятное зрелище. Когда до крайних изб оставалось рукой подать, над нами пролетел табунок косачей, штук десять. Мы разом остановились, ошалело переглянулись. Птицы расселись по вершинам огромных лиственниц, в отдалении. Недосягаемость их была настолько очевидна, что нам оставалось лишь повздыхать. Косачи сидели неподвижно на заиндевевших ветках, издали они до смешного были похожи на осмоленные бутылки горлышками вверх.

Александр поправил ружейный погон, плюнул в сердцах и ходко пошел по дороге. Мы торопились, потому что голубенький пазик уже виднелся на остановке в конце улицы, а водитель автобуса, как сказал Сашка, не станет из-за каких-то охотников нарушать расписание.

Ну, пельмени в лесу — это так сказать, экзотика.

А накануне отъезда мой дорогой Александр Иванович приподнес мне форменный сюрпризец. Честно, не ожидал от него подобного, а он — надо же какой хитрец! — и виду не подавал: оказывается, за моей спиной вместе с дочкой свой план разрабатывал. И так организовал, что выглядело, будто его Танюшка все сама придумала. Накануне она мне заявила: «Тихон Петрович, мы приглашаем вас высту-

пить со своими воспоминаниями перед школьниками. Вы воевали вместе с папой, и всем будет очень интересно послушать. Это мое комсомольское поручение».

«Вот тебе на! — думаю.— Откуда такая прыть у нее? Девчонка вроде тихоня, не из бойких».

А Сашка помалкивал да кивал утвердительно: «Верно говоришь, Танюшка».

Меня и осенило:

— Твоя затея?

Тут он и раскрыл свои карты, рассмеялся.

Дальше — больше. Пришли мы в школу, и я окончательно во всем разобрался: Сашка здесь, оказалось, был своим человеком, ребята его хорошо знали, называли по имени-отчеству.

— Да ты вроде школьного комиссара,— пошутил я.— Когда успеваешь?

— Надо, Тихон Петрович,— просто ответил Александр.— И не один я. Нас несколько фронтовиков, вроде шефов мы. Кому, как не нам, рассказывать о войне; живое слово, сам знаешь, крепче берет за сердце...

Входим мы, значит, в класс, ученики встают, все честь по чести. Классная руководительница — может, первый год работала — от волнения, что ли, спуталась, представляя нас, и, по ее, получилось так, будто я был в подчинении у моего механика-водителя. Ну, Сашка шепнул ей тотчас и сам взял слово, представил меня ребятам как бывшего своего командира.

Так как мы не условились заранее, о чем говорить, то я и рассказал про тот бой, на Миусе, когда меня, раненого да обожженного, спас Пашнин.

Ведь как было? На рассвете наша головная походная застава подошла к селу и с ходу завязала бой. Помню, одно орудие немцев мы подавили огнем, второе смяли гусеницами, ну а затем был подбит и наш танк. Рассказав о том, что знал, обнял я Сашку и говорю:

— Обо всем, что было после, ребята, расскажет Александр Иванович, он вытащил меня из горящего танка.

Подбили не один наш Т-70, а еще несколько машин загорелось. Члены экипажей, кто жив остался, схватились с гитлеровцами, которые пытались взять в плен наших ребят. На счастье, подоспели тридцатьчетверки с десятком автоматчиков, и противник был выбит из села.

Возвращались мы из школы, когда совсем стемнело. Подмораживало, и все небо было усыпано звездами. Про-

хожие спешили по своим делам, и первый снег мягко похрустывал под ногами. Мы шагали молча. На душе у меня было немного грустно, но как-то светло — одновременно. Должно быть, такие же чувства испытывал и мой Александр Иванович.

Через два дня он проводил меня на поезд.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

— Да, встреча фронтовых друзей — это всегда праздник,— сказал Арсений Ильич.— Чьи слова, помнишь?

Лапин нахмурил брови, вопросительно глянул на Язева.

— Нет, что-то запамятовал.

— Комбрига нашего, Грачева.

Оба замолчали, так как полковника, а впоследствии генерал-майора Грачева уже не было в живых. Они вспоминали его каждый по-своему, и эти воспоминания рождали какие-то дорогие штрихи к портрету командира, который им, простым парням, казался человеком необыкновенной судьбы: Грачев был участником событий на Халхин-Голе, награжден орденом Красного Знамени; а его привычки, умение метко, с юмором оценивать поступки людей вызывали скрытое восхищение у молодых офицеров.

— Умный, своеобычный был человек.

— Этого у него нельзя было отнять. А как умел он зажечь людей словом! И всегда был открытый, доступный. Побеседует с солдатами, и у них словно крылья за спиной вырастали.

— Точно говоришь! — подхватил Лапин.— Было в нем какое-то обаяние, ко всему.

— Вот именно.

— Был, был у него самоварчик. Нам это казалось чудачеством, посмеивались, конечно...

Они помолчали.

— А помнишь, как через леса к Березине пробивались? — Лапин улыбнулся своим мыслям.— Это ведь была идея Грачева — прорубить просеку и выйти в тыл противнику.

— На Березине мы с партизанами встретились,— сказал Язев.— Они нас вывели к реке, место нашли для переправы.

— Ну да, вы-то прошли, а каково было танкистам?

Башни мы развернули — и на таран, только треск по лесу пошел. Саперы помогли. Пробились.

— Немцы еще листовки бросали: «Русские воюют не по правилам». Это когда с фланга вы ударили.

— Ну, про листовки не помню, может, и было.

— Как же так? Вся бригада зубоскалила, узнав, что немцы в такой обиде на нас.

— Стало быть, не зря старались. Грачев тогда еще пошутил: «С такими лесорубами и до Берлина дойдем». Это когда трассу осматривал.

— Значит, танкисты — лесорубы? — весело подхватил Язев.— Это на него похоже.

— С его легкой руки и пошло. Чуть чего: «Эй, лесорубы, вперед!» Да не всегда удавалось.

— Зато после Березины вы рванули, да?

— И ночами шли, сам знаешь.

— Ты в море-то хоть искупался?

— Лицо ополоснул балтийской водицей.

— А я море первый раз увидел уже после войны, в Клайпеде стояли.

— Постой, Арсений Ильич, ты разве под Ригой не был?

— Нет, ведь я в госпиталь попал. Контузия.

— Это когда же?

— Да после Шяуляя.

— Ну там вы отличились... Мы следом шли, а я впереди своей роты, на головной машине, видел вашу работу.

— Шум большой был — это точно. Латыша одного, помню, напугали, когда узнал, кто мы такие. Остановились на краю какого-то местечка, уточняем маршрут, а он услышал русскую речь, подбегает: «Не можно туда ходить,— это в сторону городка, который мы с ходу взяли,— герман, герман там, много зольдат».— А разведчики еще и подначивают: «Идем с нами, отец, посчитаем фашистов».— Дед даже попятился, крестится: «Езус Мария»,— шепчет, мол, свихнулись эти русские.

— У нас еще смешней получилось. Когда ваша группа проскочила городишко, к нам в хвост колонны три танка немецких пристроились. Мне докладывают по рации, а я ушам своим не верю. Где? Что? Разобрался, командую на заднюю машину: «Разворачивай башню и бей!» Фашисты и очухаться не успели. В общем, расчет был точный, на внезапность.

— А мы только поужинали, собрались вздремнуть, и на тебе, прибегает связной: «Срочно к командиру роты...»

11

Водитель подогнал «виллис» к самому крыльцу. Из машины вылез комбриг Грачев и, поприветствовав часового, вошел в дом.

Начальник штаба Шабалин и начальник разведки Дьяченко при свете двух керосиновых ламп разбирали поступившие очередные боевые донесения из частей. На второй половине дома, где расположились связисты, дежурный радист вызывал кого-то на связь, стучала пишущая машинка, кто-то делился впечатлениями о дневном бое. Хлопнула дверь, и голоса стихли.

В комнату, где у стола, заваленного картами и бумагами, стояли Шабалин и Дьяченко, быстрой походкой вошел Грачев. Офицеры сразу поняли, что у комбрига очень важные новости.

— Немедленно вызывайте командиров батальонов и рот,— обратился он к начальнику штаба.— Получен срочный приказ.— Грачев снял фуражку, кончиком чистого платка протер глаза.— Приказ командующего фронтом генерала армии Баграмяна. Понятно?

Шабалин передал связным приказание комбрига, тут же вызвал своего помощника и распорядился, чтобы он подготовил нужные карты.

Совещание было недолгим. Грачев коротко изложил замысел командования, ознакомил офицеров с задачей, поставленной перед бригадой. Чтобы овладеть крупным и сильно укрепленным городом Елгавой, следовало прорваться в тыл противника. Поэтому Грачев обратил особое внимание на роль разведки в выполнении боевого приказа. От того, как она будет действовать, во многом зависел исход намечаемой операции.

— Основное — посеять панику, ошеломить противника,— сказал комбриг.— Вам, Дьяченко, приказываю проследить за всеми сборами и через час доложить о готовности.— Повернувшись к Черных, комбриг добавил: — Людей подберите сами. Мы на вас надеемся.

— Слушаюсь! Разведчики выполнят приказ,— ответил Черных, вскинув ладонь к фуражке.— Разрешите идти?

Полковник задержал взгляд на невозмутимом лице разведчика, и теплая улыбка тронула его губы.

— Действуйте! — сказал он.— Желаю вам успеха.

Командир разведроты Черных, вернувшись с совещания, собрал командиров взводов, рассказал о поставленной перед разведчиками задаче. Он распорядился, чтобы офицеры сами отобрали двадцать пять человек, которым предстояло идти в рейд. Офицеры быстро разошлись по своим подразделениям готовить технику, людей.

Разведчики Язева отдыхали в сарае. Арсений разыскал среди спящих помкомвзвода Бондина, потряс его за плечо.

— Подъем, сержант!

Бондин откинул шинель, сел, протирая глаза кулаками.

— Слушаю, товарищ лейтенант.

— Где водитель Круглов?

— Должно, в машине спит.

— Бери пять человек — и к машине, быстро!

Стряхнув остаток сна, сержант вскочил на ноги.

— Кого брать?

Язев назвал фамилии солдат.

— Понял, товарищ лейтенант. Это мы в момент.

— Патроны, гранаты у старшины получишь.

— Слушаюсь!

Около полуночи разведгруппа и приданное ей отделение саперов на бронетранспортерах и броневиках вышли в рейд. Колонну замыкали два танка. Спустя полчаса двинулся и передовой отряд — танковая рота, которая должна была расчищать путь основным силам бригады и не дать противнику отсечь группу разведчиков, если они вырвутся далеко вперед.

Ночная темень, узкая проселочная дорога, обсаженная ветлами, сдерживали движение боевых машин. Язев стоял рядом с пулеметчиками, осматривал лесистые холмы, бледно освещенные лунным светом, а там, где повис над горизонтом мутно-оранжевый диск, все еще качались багровые тени, светлые строчки трасс уносились ввысь: в освобожденном к этому часу Шяуляе догорали последние пожары.

Вскоре колонна вышла на основную магистраль. Шесть боевых машин, держа предельно короткую дистанцию, на большой скорости рванулись по шоссе. С ходу смяли вражеский заслон. И дальше, дальше в тыл противника. В одном хуторе близ дороги разгромили колонну вражеских машин. Вероятно, гитлеровцам удалось прорваться из Шяуляя и они остановились на ночлег.

С бронетранспортеров дружно ударили пулеметы и автоматы, полетели гранаты. Вспыхнул бензобак, и пламя охватило кабину громадного крытого грузовика, осветило мечущихся гитлеровцев.

Разведгруппа снова устремилась вперед, танкисты же остались добивать вражескую колонну.

Теплый встречный ветер, пыль от передних машин мешали следить за движением. Язев, прикрыв ладонью глаза, всматривался в проносившиеся мимо рощи, поляны. «Нет, немцы пока ни о чем не догадываются».

Но впереди мост, он наверняка охраняется да к тому же заминирован. Как же его захватить, не нашумев?

Командир роты остановил колонну, собрал офицеров.

— Мост будем брать так: первой пройдет бронемашина, за ней остальные. Если немцы заподозрят что-то — огонь. Если пройдем тихо, тебе, Язев, уничтожить охрану, саперам разминировать мост. Ясно? Тогда вперед!

Лес неожиданно расступился, и в низине тускло засветилась полоса реки, перечеркнутая черной линией моста.

— Изготовиться к бою,— приказал Язев.— Всем оставаться на местах.— Он оглядел своих разведчиков, которые в напряженных позах затаились вдоль бортов. «Проскочит первый — пройдут все»,— подумал Арсений.

Колонна сбавила скорость. Послышалась немецкая речь, затем бетонный мост отозвался гулом — это на него вошла первая машина, за ней вторая, третья. И тогда Язев скомандовал:

— За мной!

Выскочив из машины, разведчики сняли часового, в мгновение перебили охрану.

Разминировав мост, саперы вернулись в машину, и колонна двинулась дальше.

К местечку колонна подошла в самую глухую пору — во втором часу ночи.

Увидев вдалеке редкие огоньки, командир роты передал на остальные бронетранспортеры, чтобы водители сбавили скорость: замыкающие тридцатьчетверки поотстали от колесных машин, а следовало ворваться в местечко плотной колонной, обрушиться на фашистов всей силой огня и брони.

Зашевелились разведчики. Посматривали на приближающиеся огни, переговаривались; чувствовалось, как нарастает напряжение: все сознавали, что вломиться в местечко — не мост захватить.

Язев жадно вглядывался в темные очертания домов на окраине, и близость опасности делала его еще более расчетливо-спокойным.

Зато в центре, несмотря на поздний час, светились окна, слышалась музыка из кафе, прохаживались гитлеровские офицеры, в сквере разместилась на ночлег солдатня. Внезапно в этой тишине раздались пулеметные очереди, взрывы гранат.

Гитлеровцев охватил панический страх. Они выскакивали из домов на улицу и попадали под огонь автоматов. Водители бронетранспортеров, включая на короткое время фары, освещали мечущихся фашистов, а из темноты хлестали пулеметные очереди, летели гранаты. Взрывы, выстрелы, звон разбитого стекла, крики деморализовали весь гарнизон.

Бой перекатывался все дальше от центра, а сзади били танковые пушки, тридцатьчетверки крушили попадавшиеся на пути грузовики, повозки гитлеровцев.

Бронетранспортеры и танки с разведчиками, словно стальной метлой, прошлись по улицам, а разгром гарнизона довершил подоспевший передовой отряд бригады.

Колонна продолжала движение. Возбужденные боем солдаты наспех сворачивали самокрутки, затянувшись раз-другой, передавали товарищам, а сами зорко посматривали по сторонам. С рассветом могла появиться вражеская авиация.

В этой быстроменяющейся, драматически острой обстановке случались и курьезы.

Неожиданно разведчиков догнал мотоциклист. Заехав вперед, он остановил свою машину и, суматошно размахивая руками, стал что-то кричать, указывая в сторону города. Бронетранспортер, в котором находился командир роты, остановился, и тут разведчики разглядели, что перед ними немецкий офицер. Фашист, увидев советских солдат, ошалел от неожиданности и, вскрикнув, кинулся к обочине. Вслед ему коротко ударила автоматная очередь.

Такая же участь постигла и легковую машину с удиравшими гитлеровцами. Этот нахальный «оппель» на бешеной скорости обогнал колонну и помчался дальше, потом пошел зигзагами, насколько позволяло шоссе.

Командир роты передал по рации об этом на ушедший вперед бронетранспортер, и, когда «оппель» приблизился, гвардейцы расстреляли его вместе с гитлеровцами.

Как ни стремительно продвигалась разведгруппа, не-

мецкое командование уже получило сведения о появившихся в его глубоком тылу передовых отрядах советских войск. Противник спешно приводил в боевую готовность свои части, навстречу наступающим бросил мотопехоту.

С такой вражеской автоколонной и столкнулись гвардейцы. За лесом ее сразу не заметили, но длинная пулеметная очередь оповестила, что впередиидущий бронетранспортер ведет бой.

Командирская машина устремилась вперед и протаранила грузовик. Разведчики открыли огонь из автоматов, в дело пошли гранаты. Фашисты выпрыгивали из кузовов машин, но, сраженные пулями, падали, другие ползком пытались укрыться в кювете. Подошедшие танки завершили разгром колонны.

Успех рейда окрылял гвардейцев. Оставив позади разбитую вражескую автоколонну, они продолжали выполнять боевую задачу.

Хотя командир роты и был увлечен боем (острота момента взбудоражила и его спокойную, выдержанную натуру), тем не менее он был начеку. Опасность подстерегала за каждым поворотом: столкнуться лоб в лоб с танками — это не сулило ничего хорошего. Но даже он, опытный разведчик, не мог предположить, что навстречу группе движется враг во много раз сильнее его: бронепоезд — бронированная махина в камуфляжных пятнах,— ощетинившись жерлами орудий, приближался к тому месту, где железная дорога близко подходила к шоссе.

Язев не услышал звука приближающегося самолета и потому вздрогнул, когда из-за леса вылетел «фокке-вульф».

— Воздух! — крикнул кто-то из солдат.

Арсений проводил взглядом вражеского разведчика, и лишь успел подумать, что надо ждать налета авиации, как впереди грохнул разрыв. И следом серия разрывов накрыла шоссе. Язев увидел, как в пламени и дыму исчезла головная машина, и ему показалось, что ее разнесло на части. Но в тот же миг он разглядел, что бронетранспортер уцелел и медленно заваливается в кювет.

— Стой! — крикнул лейтенант и забарабанил по крыше кабины.— Всем из машины!

Не дожидаясь, когда водитель свернет с дороги, разведчики высыпали из машины и залегли по кювету.

Арсений лежал в канаве, чувствуя локтями и коленями сырую почву, а снаряды продолжали рваться ближе, дальше.

Подполз сержант Бондин; хрипло дыша, прокричал:

— Во дает, сучий потрох!.. Чего делать, товарищ лейтенант?

— Поднимай людей, уводи в лес.

Но только Арсений поднялся, как мощный взрыв заглушил все звуки боя, земля качнулась под ногами. Вторая бомба упала еще ближе. Язев ощутил, что летит в бездну, в спину ударило чем-то тяжелым, будто поленом, сразу стало нечем дышать.

«Юнкерсы» прошли низко. Одно звено, за ним другое.

Люди еще не успели опомниться от пережитого, как вдруг сзади загрохотали частые пушечные выстрелы — это танки передового отряда вступили в бой с бронепоездом. Они и вынудили гитлеровцев отойти.

Сержант Бондин — он, должно быть, видел, как упал лейтенант,— подбежал к Язеву, приподнял ставшее вдруг вялым тело командира, тот застонал. Жив!

ДИАЛОГ ПЯТЫЙ

— Эх, покурим еще разок,— сказал Лапин.— Так ты, Арсений Ильич, где войну-то закончил?

— Если честно, так в тылу,— усмехнулся Язев.

— Да?

— Какой резон мне сочинять?.. Выписался я из госпиталя под Новый год. В свою часть не попал: врачи сказали, обожди, окрепни. В общем, обивал пороги во втором эшелоне. Спал да ел, ну и всякие там поручения.

— Выходит, кому какая судьба,— заметил Лапин, в задумчивости разминая папиросу.

— Кто знает — судьба или случайность...

Язев провел ладонью по щекам, ощупал пальцами начавшую отрастать за ночь щетину на подбородке.

— Не могу себе представить, как бы сложилась моя жизнь в дальнейшем... Это я теперь так думаю. А в ту пору ветер гудел в башке, ей богу. И вот, болтаясь во втором эшелоне, встретился я со старшим лейтенантом, одногодками оказались. Сам он москвич, на фронт ушел с третьего курса энергетического института... Много часов мы провели в беседах, и, веришь, Тихон Петрович, только тогда я со всей ясностью понял — война-то к концу идет; и чем мне заняться, как хлеб свой зарабатывать — вот какой вопрос возник. Старший лейтенант про свой вуз рассказывал, про

студенческую жизнь, а мне жутко становилось. «Нет,— думал,— нос не дорос до студента». И еще почувствовал себя каким-то ущербным или недоумком, что ли... Одним словом, деревня — и всё тут...

Лапин, внимательно слушавший Язева, неожиданно громко и заразительно расхохотался.

— Блестящая исповедь, но, прости, откуда взялись погоны с двумя просветами и три звезды?

— Чудес на свете не бывает,— попробовал отшутиться Язев.— Впрочем, поломал головушку свою, прежде чем сделал выбор.

— Это мне не угрожало,— отозвался Лапин.— Я, как специалист сельского хозяйства, скорехонько распростился с армией. По природе своей я хлебороб.

— Добро сказано,— с какой-то скрытой теплотой в голосе произнес Язев.— Ты когда демобилизовался?

— Скоро, в начале сорок седьмого. Да и молодежь пришла из училищ, им и карты в руки.

— Как говорится, все по науке.— Язев с каким-то азартом потер руки.— А я, Тихон Петрович, имел счастье в сорок шестом на побывку съездить.— Язев закрыл глаза и покачал головой.— Такое невозможно забыть. Рассказать?

РАССКАЗ ПОЛКОВНИКА ЗАПАСА ЯЗЕВА

— Это было накануне Октябрьских праздников. Командир полка вдруг удовлетворил мою просьбу, изложенную в рапорте,— подписал приказ о предоставлении мне отпуска.

«Ура! Сорок пять суток с дорогой!»

Но радость — если она врасплох — хуже, чем команда «В ружье!» Там хоть знаешь, что тебе, твоим подчиненным следует выполнять, а тут? Финчасть, оформление проездных документов, продаттестата... Перво-наперво я помчался к знакомому портному-литовцу, упросил его подогнать по мне шинель: за сутки он сделал работу. Затем смотался на толкучку, купил у местных кустарей-сапожников туфли в подарок матери — черные кожаные «лодочки», на добротной подметке с устойчивым каблуком, помня, что за всю жизнь она едва ли износила пару приличных туфель.

Сапоги-кирзачи отцу припас я загодя: все же надеялся, что меня отпустят на побывку, а раз так, то не с пустыми

руками следовало появиться в родительском доме. Прихватил сколько мог продуктов, вспомнив о скудном тыловом пайке.

Окончательно поверил в то, что еду домой, когда уже сел в вагон поезда Кёнигсберг—Москва, а провожавший меня сержант Миша Калганов — он и подбросил к вокзалу на повозке — остался на перроне. Только тогда я вздохнул свободно. До свидания, полк. До свидания, Каунас...

На четвертые сутки я вылез из вагона на разъезде, который появился уже без меня. От него до поселка было не менее трех километров. Пассажиры, все, кто сошел вместе со мной, оказались налегке и быстро убежали вперед, а я, со своим увесистым вещмешком и неуклюжим фанерным чемоданом, остался один на посыпанной шлаком площадке.

Если бы я дал о себе знать, меня бы непременно встретили. Но в том-то и дело, что мне не хотелось извещать заранее о своем приезде — умышленно скрыв его, я как бы оберегал мать, оттягивая напоследок все то, чего не миновать: пусть уж при встрече слезы выплеснутся разом все, а не на людях.

В те минуты я ни о чем таком, конечно, не думал: все мысли были заняты одним — быстрее добраться до дома. Я готов был бежать со всех ног и побежал бы, да не отпускал чемодан — фанерный ящик, выкрашенный противной желтой краской.

В нетерпении озираясь по сторонам, я как-то не обратил внимания на двух девчат, которые стаскивали к подводе мешки, посылочные ящики — все, что было наспех выброшено из почтового вагона. Одна из них окликнула меня:

— Чего загляделся, товарищ военный? Иди помогать!— И обе залились озорным хохотом, довольные собой, своей смелостью.

Я поспешил к ним, ликуя от такого везенья: подвода, как я тут же догадался, была с почты, а значит, и чемодан и сидор подбросят до поселка.

Девчата, когда я подошел к ним, будто растерялись, бросили работу, воззрились на меня: обе тугощекие, румяные (сидели, небось, на хлебе с картошкой), глядели во все глаза и тем самым смутили меня. Но девчат-то, надо думать, зачаровал мой бравый и даже щеголеватый вид: новенькая ушанка, шинель зеленого английского сукна аккуратно ушита в талии, золотые погоны, два ряда светлых пуговиц и сапоги хромовые — еще в вагоне надраил — было на что заглядеться...

Погрузили почту, я кинул наверх свой чемодан и мешок, и лошадка потянула повозку по окаменевшей, кочковатой, припорошенной снежком дороге.

Миновали жиденький ельник — крупный лес поглотила стройка — и с угора открылся вид на поселок. О-о! Отодвинулась тайга, сам Соцгород тоже раздался, да и завод выглядел внушительнее: появились новые корпуса, рядом поднимались стальные скелеты будущих цехов, на электростанции уже не одна, а две толстые трубы выбрасывали в хмурое небо клубы серого дыма, который двумя хвостами тянулся далеко на восток, до горизонта.

Соцгород и старый поселок по-прежнему разделяло пустое пространство, то самое, где раньше был покос и колхозный клин, а теперь сплошь занятое частными огородами — распахивать начали, как я знал из писем, еще с весны сорок второго. В ту же пору за ненадобностью — скот стали гонять в другую сторону — ликвидировали и прогон: жерди скорехонько растащили на топливо в первую злую зиму, а затем поспиливали и сухие смолевые столбы.

Теперь на месте прогона улеглась ровная, укатанная катками щебенчатая дорога — проложили уже без меня. Как бы я припустил по ней к дому! Куда там! Лошаденка не спеша тянула повозку в гору, и я шагал с девчатами сзади и не спускал глаз с нашего дома, ища каких-то перемен, а сам прикидывал, где бы лучше свернуть, чтобы пройти задами и до поры не столкнуться с кем-то из соседей; а то набегут, заголосят, начнутся слезы, своих не вернувшихся с войны вспомнят. А мне хотелось в первые минуты побыть с матерью вдвоем.

Неожиданно оттуда, где начиналась улица, возник знакомый, но в меру уже позабытый и все же сразу заставивший напрячься звук, от которого у меня меж лопатками забегали холодные и колючие мурашки. Нет, ни с каким другим спутать было уже невозможно этот мощный, утробный моторный рокот.

Скрытый домами, по улице шел танк.

— О, холера! — всполошились девчата.— Опять этот драндулет идет. Нюрка, держи лошадь.

Девчонки подхватили конягу под уздцы, отвели к обочине, прикрыв ей глаза рукавицами.

Тяжко вибрирующий гул нарастал и на какое-то мгновение завладел моим сознанием, заставил забыть, где я. А мысль уже работала сама по себе. Непроизвольно определил расстояние до крайней избы: «Триста метров. Сей-

час, сейчас он выскочит!» И я увидел его, четко, словно в перекрестие панорамы поймал глазом черный борт машины на развороте и... зажмурился. Трудно представить, что творилось в моей голове в эти секунды. Я разжал стиснутые до боли кулаки, стянул с вспотевших рук перчатки, смотрел на приближающийся танк какими-то незрячими глазами от нахлынувших видений войны. И это были одни и те же, жестоко повторяющиеся черно-белые кадры — обрывки полурасплывчатой общей картины,— и возникали они в памяти без всякой связи, но с упорной последовательностью.

...Поле, копна соломы, замаскированное в кустарнике на меже орудие, рядом, в щелях,— солдаты.

...То же поле после контратаки немцев: подбитый танк и вокруг него черная выгоревшая стерня.

...Старый фольварк с проломленной стеной, за ним обширный сад, яблоня с вывороченными корнями и придавленная стволом изгородь; в воздухе кружатся черные хлопья, а высоко в белесом небе — стая напуганных голубей; и опять угловатая глыба обгорелого бронетранспортера.

И много раз возвращались они, эти картины: в госпитале, при случайном разговоре, а чаще во сне, и в таких реальных угрожающих подробностях, что я просыпался... И вот теперь снова...

Справившись с оцепенением, я уже с любопытством смотрел на то, что некогда было боевой машиной: какой-то сарай шел нам навстречу. И все-таки это был танк, но вместо башни, к изумлению моему, на корпусе он нес дощатый короб, в котором рядами лежали мешки с мукой. Стреляя черным дымом из выхлопных труб, тридцатьчетверка поравнялась с нами, механик-водитель — на голове у него была обычная ушанка — равнодушно глянул из открытого люка в нашу сторону, и странный тягач начал удаляться.

Почтовая повозка снова тронулась.

Я спросил у девчат:

— Давно эта техника появилась?

— А ну ее,— отмахнулась та, которую звали Нюрой.— Месяц как пригнали, муку возит на хлебозавод. Хоть бы поломалась скорей. А то лошади ее страсть боятся...

Пройдя еще сколько-то, я поблагодарил девчат и прямиком, через огороды, направился к дому. Спотыкаясь о смерзшиеся кочки, заплетаясь в неубранной сухой ботве, перекидывая с руки в руку тяжелый чемодан, я одним броском преодолел картофельное поле и остановился на краю перевести дух. Впереди лежала полоска поскотины, шагов семьдесят, — все, что осталось от овечьего выпаса.

Городьба вдоль приусадебного участка, баня в углу огорода, хлев и амбар под одной крышей — все было на месте. Радость и печаль смешались во мне при виде нашего дома.

Весь путь думал я о моем брате, думал как о живом и тут вдруг словно заново осознал — никогда-никогда уже не увижу его: сгорел Василий со своим танком под Ленинградом в сорок третьем. Жили вместе, а какой он был, Василий? В памяти о нем остались лишь обрывки: молчун, после пятого класса бросил учиться, и отец взял его к себе на конный двор, работал Вася на лошади, потом стал трактористом...

И еще вспомнил я Петра Трофимовича и жену его, Матфизу Николаевну,— молодых веселых наших довоенных жильцов. Учителя убило где-то под Вязьмой, на четвертом месяце войны. Матфиза Николаевна, отгоревав свое, собралась к родителям в Горький, куда я так и не съездил из-за войны.

Такому ее решению с неожиданным упорством воспротивились мои мать с отцом. Рассудили они справедливо: отправляться в тяжкую по-военному времени дорогу с полугодовалым ребенком было бы крайне рискованно. Ну и любили, понятно, Матфизу Николаевну, и были они с ее дочкой, как свои. Матфиза Николаевна прожила у нас до осени следующего года и уехала. Прощаясь, она оставила мне в подарок и на память одноствольную «ижевку» Петра Трофимовича. Обо всем этом мать писала мне на фронт...

Просучив чемодан между жердями, я перелез через городьбу. Калитка во двор была заперта. Я пошарил рукой, откинул крючок и, войдя, закрыл за собой дверцу. На стук из глубины двора навстречу мне, топоча копытцами по деревянному настилу, вышла черная большая коза. По письмам я знал, что корову родители продали и мать завела козу. Но все эти домашние подробности не задерживались в памяти, а тут на тебе — стоит живая скотина, склонив

морду набок и уставясь продольным зрачком, будто спрашивает: «Кто ты и зачем?» И только я шагнул вперед, как она, мотнув рогами — не пущу,— загородила мне дорогу. Посмеиваясь, я начал обходить ее, но не тут-то было: бородатая животина и не думала уступать, взвилась на дыбки, развернулась и нацелилась мне во фланг. Я огородился чемоданом, ожидая нового коварства, и крикнул:

— Ну-ка, ты! Пошла прочь!

И в это время в доме хлопнула дверь, коза обернулась на звук: на крыльце появилась мать в шали и вытертой плюшевой кацавейке, с тазиком в руках, бочком стала спускаться по ступенькам, клича козу, и та, забыв обо мне, устремилась к хозяйке.

«Овцы все были Маньки,— вспомнил я,— и коза — тоже Манька».

Мать поставила таз и, бормоча что-то, вытирала руки передником, и тогда я подал голос:

— Мама!

Она вскинулась, сложив ладони вместе, охнула, шагнула мне навстречу, и я тоже кинулся к ней.

— Арсюша!

Мы обнялись, мать, сразу ослабев и повисая у меня на руках, заплакала, вздрагивая плечами, я гладил ее по спине, уткнувшись носом в шаль: от кацавейки пахло родным избяным духом и еще козой.

И тут пришли ко мне слезы...

Долгим был тот первый день моего появления в доме: мать сбегала за отцом — с лесоповала его отпустили еще в сорок четвертом, и он снова работал на лошади,— затем принялась готовить угощение: запасов, конечно, никаких, и тушенка, которой я предусмотрительно прихватил несколько банок, оказалась очень кстати.

До поздней ночи просидели мы втроем — без лишних глаз, как я и хотел. Были и упреки, что не известил о своем приезде, были слезы — в который раз — по нашему Васе и многим другим из родни или знакомым, не пришедшим с войны. Сколько лиц прошло передо мной, молодых или уже в годах, но оставшихся в памяти такими, какими знал я их...

Утром проснулся по привычке в шесть, лежал, нежил себя домашней уютностью и сознанием прочного спокойствия в текущей жизни.

В окнах, завешенных ветхими, но жесткими от крахмала тюлевыми занавесками и белыми шторками, светало. Я оглядывал горницу, дивясь устойчивости знакомых вещей: фикус в кадке, зеркало и столик в простенке, никелированный будильник и гипсовый кот-копилка на комоде, фотокарточки в рамке — ничто не сдвинулось с места в мое отсутствие...

На завтрак мать подала горячую рассыпчатую картошку; на сковородке плавала в своем жиру тушенка; стояла и миска с солеными груздями-желтиками, заправленными сметаной и мелко накрошенным луком.

— Садитесь, ешьте,— хлопотала мать.— Ты уж, Арсений, не гребуй, своя сметана-то, козой отдает. Мы с отцом-то привыкли.

— Эка беда! — бодро возразил отец, присаживаясь к столу.— Что он, не солдат — гребовать? Верно?— Отец по случаю моего приезда отпросился с работы и настроен был празднично: надев свежую косоворотку и аккуратно причесав сивые короткие волосы, благоухающий одеколоном, он явно помолодел. К тому же, пока я валялся в постели, он успел сбрить недельную щетину и, наверно, при этом торопился — дрогнула рука, и вот порез на подбородке, заклеенный папиросной бумажкой.

Отец ухватил узловатыми пальцами, темными от въевшегося в поры дегтя, горячую картофелину, разломил пополам, скупо присолив, спросил:

— Пойдешь куда или с нами посидишь?

Я сказал, что надобно сходить в военкомат, сделать необходимые отметки в отпускных документах, а про себя подумал: «Должны меня и на довольствие поставить.. Как это у них делается? Не сидеть же весь месяц на родительских харчах...»

Затем пили чай, не настоящий, конечно,— заваренный сушеный шипишник, но зато с привезенным мной сахаром. Мать подкладывала мне картофельные оладьи и радовалась, глядя, как охотно налегаю я на домашнюю пищу.

Не успели отчаевничать, как стали набегать соседские бабы — каждой не терпелось взглянуть на меня; поохав, всплакнув, уходили, отмахнувшись от приглашения присесть к столу, и все зазывали в гости: «Ты, Арсений, зайди уж к нам, не забывай...»

Следом появилась тетка Вера — Дементьиха.

— Господи, поесть спокойно не дадут! — Мать встала из-за стола, вынула из шкафа чашку.— Чайком хоть ее попоить...

Тетка Вера, изрядно отощавшая за войну, едва переступив порог, запричитала плачущим голосом, глаза ее намокли, дряблые щеки еще больше сморщились. Я поспешил успокоить старуху, помог ей снять ватную фуфайку. Тетку Веру, видимо, растрогало такое мое внимание. Припав ко мне, она вдруг заревела в голос:

— Дождались, дождались сына сраво!.. Арсюша!.. Сколь слез-то пролили отец с матерью... И как у них сердце вытерпело...

— Будет тебе! — Отец не выдержал и брякнул по столу жестяной коробкой с махоркой.— Чего бередишь... Помолчи лучше...

Но тетку Веру, уж если она завелась, остановить было непросто.

— Да что я, неправду говорю? — всхлипывая, продолжала подвывать она.— И по тебе, Арсюша, плакала... Помнишь, как в армию-то уходил?.. Зашел, котомочка за плечами... «Прощайте, тетя Вера»,— говоришь... Я в слезы... «За что,— говорю,— прощать?..»

— Ну, поехала! — недовольно проговорила мать.— Уж сейчас-то помолчала бы... Садись вон, чай пей...

Стукнула калитка — мать кинулась к окну.

— Ой, беда! — хлопнув себя по бокам, всполошилась она.— Павлик Мальцев идет. Почто же он, а? Не к тебе ли?.. — И уже шепотом, секретничая, добавила: — Поначалу-то, сказывали, погуливал он крепко... А ноне за ум взялся... Да ведь бышковитый он...

Я поспешил глянуть в окно. В распахнутой на груди шинели, загребая не своей, не гнущейся в колене ногой в хромовом сапоге, через двор враскачку вышагивал молодой офицер. Окинув взглядом его высокую фигуру, успел рассмотреть на золотом погоне четыре звездочки — капитан.

Многое ли я знал о Павле по тем, школьным годам? Возможно, чуть больше, чем о ком-либо из других старшеклассников: помнил, что он вел какие-то кружки, заправлял праздничными вечерами и сам участвовал в школьной самодеятельности; не обходились без него и физкультурные мероприятия, всякие спартакиады.

Все это так, но я не был уверен, что он помнит меня... Тогда что привело его к нам?

Открылась дверь, пригибаясь, чтоб не задеть головой о притолоку, Павел переступил порог, козырнул легко и небрежно, будто приветствовал друзей-офицеров:

— Здравия желаю, хозяева!

— Здравствуй, Павлик, здравствуй! — Мать засуетилась, помогая гостю раздеться, и, когда он снял шинель, на кителе у него — от плеча до плеча — высветилась золотом и латунью полоса орденов и медалей.

Твердо ступая протезом, Павел подошел к столу, я поднялся ему навстречу. Пожимая мне руку, сказал:

— Добро! Еще один фронтовик прибыл... На побывку?

— Ой, Павлик, не говори! — бойко ответила за меня мать.— Вчерась, как увидела его, сердце зашлось, думала, упаду...

— Зачем так? Радоваться надо, тетя Аня... Вон какой гвардеец у тебя, сын-то твой...

— Так она от радости, Паша! — снова взвыла тетка Вера.— От радости.

Мать кончиком платка промакнула глаза, достала из шкафа чашки, предложила Павлу:

— Давай чаем напою тебя, оладьев покушай.

Павел присел к столу, пригладил ладонью волнистые темные волосы, серые глаза его из-под густых бровей глядели живо, и взглядом он как бы ощупывал тебя до костей.

Мы сидели друг против друга, а говорить вроде было и не о чем, вернее, расспрашивал он, а я односложно отвечал, чувствуя всем своим существом принужденность разговора, думая при том о намеченных и неотложных делах на день.

Но такое уж было то утро — гости за гостями, они же и выручили меня из трудного положения.

Когда снова стукнула калитка, мать обрадованно воскликнула:

— Капка бежит! — И глянула на меня значительно, с каким-то скрытым смыслом.— Выправилась девка, басенькая стала... Уж как она переживала да все справлялась о тебе... Забежит: «Письма не было, тетя Аня?.. Чего Арсений пишет?..»

«Какая еще Капа?— подумал я, чувствуя, как краска начинает приливать к лицу. И тут вспомнил: — Так это та, чернявенькая, до войны училась в восьмом классе... К нам за молоком приходила. И дом их наискосок...»

Конечно, я хорошо знал эту девчонку. Ничем она особо не выделялась: востренькое личико, на носике немного мелких темных веснушек и какое-то испуганно-ожидающее выражение глаз, будто ее вот-вот начнут бить — пожалуй, и все. И никогда я с ней не заговаривал, как, впрочем, и с другими девчонками, да и вообще я их ужасно стеснялся, держался от них подальше. «Почему она мной интересуется? — оскорбясь и негодуя, думал я.— Значит, и письма мои читала?..»

Капа влетела в избу, на миг задержалась у порога, отбросила назад пуховый белый платок. На ней была бобриковая жакетка, яловые сапожки. Я смотрел и не узнавал ее. Нет, не потому, что она превратилась в писаную красавицу, хотя нельзя было и не заметить перемен, происшедших в ней, а оттого, что она в самом деле выправилась: пропали угловатость и робость, вся она светилась радостью. И глаза ее смотрели счастливо и с обожанием.

Я встал, чтобы поздороваться с девушкой, и тут произошло вовсе неожиданное: Капа, словно не замечая протянутой руки, обвила меня за шею и при всех поцеловала в щеку. Я остолбенел от растерянности, а Капа что-то говорила быстро и смеялась, и слезинки блестели в уголках глаз. Из всего сказанного я только понял, что ей надо на работу в дневную смену, что скоро у нее пересменка и тогда я обязательно должен пойти с ней в клуб на танцы.

— Видишь, тебе и невеста готова,— как-то натянуто рассмеялся Павел, когда Капа выскочила из избы.— А что? Демобилизуешься, придешь на завод, ссуду получишь на строительство дома... Чем плохо?..

— Да ты что, Павлик? — воспротивилась мать.— Смотри-кась, аль ему негде жить? И в своем доме места, эва...— Они заспорили, а я под шумок, не слушая «сватов», взялся было за шапку и шинель, но меня остановил Павел.

— В военкомат? Послушай, Арсений, мой тебе совет, продаттестат не сдавай, иначе получишь хлебную карточку, как самый рядовой служащий или школьник,— четыреста граммов. Ступай в воинскую часть, там тебе выпишут все по армейской норме. Понял?

— Это где же?

— Ну в лагере немцев военнопленных, они на стройке работают... Вот туда и ступай... Ясненько?..

Сделав необходимые отметки в военкомате, я в тот же день пошел в лагерь. Располагался он по соседству с заводской территорией, на раскорчеванном участке обширной вырубки.

Хорошая дорога упиралась прямо в решетчатые ворота. Сам лагерь был обнесен высоким дощатым забором, покрашенным известкой, поверху тянулся ряд колючки, а еще выше — редкие фонари, освещавшие зону в ночное время. Впервые — и потому с любопытством — оглядывал я лагерь и все больше удивлялся, не находя чего-то такого, что говорило бы об усиленном режиме охраны: ни внешнего забора из колючей проволоки, ни часовых.

...А дня через два с таким же любопытством смотрел на возвращавшихся с работы немцев: шли они строем, но без конвоиров, лишь впереди и сзади колонны с важностью вышагивали не то их командиры, не то теперь бригадиры, с флажками в руках...

В жарко натопленной проходной сержант и солдат внутренних войск НКВД, расстегнув воротнички гимнастерок, гоняли чаи, по очереди макая размоченные сухари в блюдце с сахарным песком. Сержант, узнав о цели моего прихода, не стал проверять документы, а указал на барак, где находилась лагерная контора.

Чисто выметенный двор, дорожки между бараками, выложенные по краям битым кирпичом, выбеленным известкой,— все напоминало военный городок. И еще я обратил внимание на кокетливую беседку, сколоченную из неошкуренных тонких березовых жердочек: такие беседки и скамеечки из березы мы видели у немецких штабов во взятых нами селениях...

Возле барака, в котором помещалась контора, пожилой немец в длиннополой шинели (очевидно, дневальный) лениво шаркал метлой, делая это, скорее, по обязанности, потому что подметать было нечего. При моем приближении он вытянулся, взяв метлу к ноге, как винтовку, и я едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

Взбежав на вымытое добела крыльцо, чуть было не столкнулся с выходившим из барака другим немцем, моложавым, гладко выбритым; щеголеватый, спортивного

покроя пиджак, явно перешитый из мундира, отутюженные брюки — все сидело на нем ладно. Он первый отступил в сторону, светлые глаза взглянули на меня с холодным любопытством — незнакомый офицер,— щелкнул каблуками и с вывертом ладони отдал мне честь. Я замешкался на секунду, не зная, как быть: отвечать ли воинским приветствием или не надо — ведь передо мной был недавний враг! — и решил — не надо. Насупясь, отчужденно прошел мимо немца и, оказавшись в пустой чистенькой комнате, увидел дверь с табличкой «Комендатура».

Домой возвращался, приплясывая от радости: плечо оттягивал вещмешок, полный продуктов.

Дня через три, устав от гостей — то мы к родне, то к нам дядья с тетками,— стал собираться на охоту. Принес из чулана «ижевку». Протирая тряпицей отпотевшее в тепле ружье, вспомнил, как покупалось, вспомнил и пристрелку в огороде, и первый выход на охоту с учителем, да и весь тот счастливый день явственно прошел перед глазами.

Мать сидела на табуретке, прислонясь спиной к теплой печке, и неодобрительно наблюдала за моими сборами.

— Побыл бы лучше дома,— не ворчала, а упрашивала она.— Уж так и приспичило... И какая теперь охота?.. Машины лесовозные гудят сутками... Камень рвут... Поди, вся дичь разбежалась...

Я не возражал и молча продолжал свое дело.

Вышел я из дома до зари. Из темного ночного неба выпархивали редкие снежинки, видимые лишь в слабом свете, падающем из окон. Рабочие утренней смены, должно быть, только вставали, и улица была пустынна.

Рассвет застал меня за поселком, когда я поднялся по каменистой дороге на вершину почти безлесого увала.

На хмуром небе в восточной части заалела узкая полоска; поселок в низине, его прямые улицы, отдельные домики также стали различимыми, только очертания заводских корпусов еще слабо просматривались сквозь поднимающиеся откуда-то клубы пара; и по-прежнему главенствующее положение в этой размытой картине занимали две толстые трубы, два столба дыма, сносимых током воздуха на восток.

Миновав жиденький лесок, вошел в гарь, лесной пожар здесь случился еще до войны, тушили его всем поселком, даже отряд старшеклассников послали, и водил его Петр Трофимович.

Все это (а больше серенькое утро, лесные поляны, едва прикрытые снежком, пучки сухой травы тут и там, нако-

нец, голый кустик шиповника в алых висюльках сморщившихся плодов) возвратило меня в то другое, ставшее давним теперь утро, когда я вел учителя на охоту, гордый своей ролью проводника.

Грустные воспоминания отвлекли меня, к тому же и дичи никакой не встретилось, и я шагал по дороге просто так, позабыв о тех охотничьих планах, которые так волновали накануне.

Но молодости не дано долго грустить. Выйдя на покос, я рассеянным взглядом обшарил опушки, присел на поваленную старую березу, и мыслями моими завладели события и встречи, происшедшие со дня приезда. Снова перед глазами встала Капа, и я заново пережил встречу с ней, смеялся откровенно над своей растерянностью и смущением, мне снова было весело и хотелось, чтобы все это со мной повторилось. Я уже видел себя в клубе танцующим с Капой, представлял, как другие девчата с завистью смотрят на нас. От одной мысли, что сегодня вечером я смогу в танце обнять девушку, мне стало жарко.

Я встал и повернул назад, к поселку.

В ту осень мне было всего двадцать три года... Как говорится, возраст любви...

Не заметил, как пролетел мой отпуск. Последние деньки и вовсе покатились, будто обруч под горку. Пора было возвращаться в часть.

К поезду меня отвез отец. Снегу к тому времени подвалило, и он запряг лошадь в кошевку. Мать дала в дорогу валенки, и, пока ехали до станции, я ощущал ногами сухое печное тепло, и так не хотелось после натягивать настывшие сапоги... Запомнился мне еще отец с кнутом в руке, лошадь у коновязи...

Уезжая, предполагал, что год, ну два, отслужу, а там демобилизуют. И надо сказать, думал я, как все думали. Но дальнейшая жизнь сложилась совсем по-другому. Теперь и до мотивов не докопаешься: почему поступил так, а не иначе...

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИАЛОГА

— Не хочу тебе льстить, Арсений Ильич, но непреклонность в достижении цели завидная.— Лапин взъерошил пятерней свою русую, с проседью шевелюру, мягко и восхищенно посмотрел на Язева.— Да, вы, пермяки, солены уши, упорливые.

— Но и вы, вятские,— народ хваткий,— не замедлил шуткой ответить Язев.— Уж коли дошло до комплиментов, то где те весы и чаши?.. Понимаешь, о чем речь веду? А может, твоя чаша как раз и тяжелее?..

— Ты прав, мы с тобой одной породы, и не нам подсчитывать да взвешивать.— Лапин помолчал и, улыбнувшись, добавил: — А вообще верно — хваткие мы... Не колебался я — вот что основное. Сулили, приглашали на руководящую работу — не пошел.

В словах Лапина звучала такая убежденность и скрытая сила, и Язев не нашелся что ответить, спросил вовсе о другом:

— Как у тебя семья, дети есть?

— Полный боекомплект,— рассмеялся Лапин.

— Это как понимать?

— Все имеем, что положено в нашем возрасте: две дочери, внуки — все рядом, под боком. Кстати, извини, а чем кончилась твоя встреча с той девушкой, Капой?

— Да ничем. Почему?.. Видишь ли, когда я лежал в госпитале, встретил хорошую женщину. Работала она операционной сестрой. Отбыл я в свою часть, стали переписываться. После войны у нас как-то со встречами не получалось: я в одном городе, она в другом. А когда из отпуска вернулся, она уже перевелась к нам.

— Взяла инициативу в свои руки?

— Выходит так. И вот с тех пор мы с Валентиной вместе. Старший сын стал военным, окончил училище связи, уже майор. Младший — я его шалопаем считаю — ничего не достиг, не нашел себя.

— Это почему?

— Где-то мы не углядели его в свое время. Поздний дитятко, опекали слишком.

— Ну работает же?

— Стыдно сказать: с его-то бицепсами в шахту, к отбойному молотку. Так нет, ищет где полегче. Работает на телефонном узле, аппараты чинит... Девичья работа.

— Н-н-да! Ну, авось, образуется. А что все-таки с той девушкой?

— Капа и Павел Мальцев поженились. Об этом мне сообщила мать, когда я учился в академии. Был я у них в гостях. Давно. Школа приглашала на двадцатипятилетие Победы; вот когда приезжал. Годы летят...

— Что мы прошли с тобой — то наше,— отозвался Ла-

пин и тут же с улыбкой обернулся к Язеву: — Смотри скорее!

По полевой дорожке, теряющейся в хлебах, вероятно из деревни, видневшейся на бугре, шли парень и девушка. И было по-утреннему прохладно, потому что на плечах девушки был накинут пиджак, и они оба махали руками проходящему поезду, махали просто так, и их приветствие было адресовано всем и каждому, кто спал на полках в купе и кто бодрствовал вроде Лапина и Язева; они с неосознанным великодушием как бы делились с незнакомыми людьми ощущением счастья своей молодости, радостью жизни, великолепием утренней рани и тихих полей.

Остались позади парень с девушкой и аист, с какой-то озабоченностью вышагивающий по краю поля. Солнце еще не взошло, но за окном было так светло, что видно, насколько обильна роса на листьях кустов и склоненных травах.

И Язев, и Лапин думали об одном и том же: промелькнувшая за окном картина вызвала сходные чувства и мысли, невольно уводившие обоих к иным полевым дорогам, другим рассветам. И то, что они об этом не обмолвились ни единым словом, тоже обоих объединяло.

Язев наконец произнес:

— Что-то устал я. Идем отдыхать.— Арсений Ильич посмотрел в лицо Лапину: — Вон у самого уж глаза слипаются...

Язев осторожно потянул за ручку, и дверь сдвинулась. В проем он увидел малышей, разметавшихся на нижней полке. Обласкав взглядом этих чужих ему детей, Арсений Ильич присел на краешек полки и аккуратно, не шурша, развернул вчерашнюю газету, которую не успел с вечера просмотреть. По привычке вначале пробежал глазами пятую полосу, где обычно помещаются корреспонденции и сообщения о международных событиях. В мире, как и вчера, и месяц тому назад, по-прежнему было неспокойно, народы жили в тревоге за себя, своих детей. Честные люди всей земли взывали к благоразумию и справедливости. «Попытка оправдать гонку вооружений», «Вылазка реваншистов», «Прекратить провокации», «Остановить агрессора» — разоблачали, требовали, негодовали заголовки.

Тень неожиданно легла на газетный лист. Язев оторвался от чтения: состав делал поворот, но вот ход его выправился, и свет снова наполнил купе. Поезд шел навстречу новому дню.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Николаевич Курбатов
ОНИ ВОЕВАЛИ НА ПРИБАЛТИЙСКОМ

Заведующий редакцией *И. Д. Носков*
Редакторы *В. Е. Зубаков, Т. А. Соколова*
Художественный редактор *Н. Д. Михайлин*
Художник *Л. П. Белов*
Технический редактор *Е. В. Дмитриева*
Корректор *И. С. Судзиловская*

ИБ № 1719
Сдано в набор 11.05.85. Подписано в печать 29.08.85. Г-81578. Формат 84×108 1/32 Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкн. новая. Печать высокая. Усл. п. л. 12,18. Усл. кр.-отт. 12,50. Уч.-изд. л. 12,74. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5-1221. Цена 80 к. Изд. № 1/е.-231.

Ордена «Знак Почета» издательство ДОСААФ СССР. 129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе, 310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

80 к.